НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2008 ГОДУ

Н.М. БАГНОВСКАЯ

СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ
ЭТНОДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ В VIII–XVIII ВЕКАХ

МОНОГРАФИЯ

Электронно-Библиотечная Система
znanium.com

Москва
ИНФРА-М
2017

УДК 314(075.4)
ББК 63.3
Б14

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1

Рецензенты:
Л.Б. Заседателева, д-р ист. наук, профессор;
С.И. Реснянский, д-р ист. наук, профессор

Багновская Н.М.

Б14 Северская земля: этнодинамика населения в VIII–XVIII веках : монография / Н.М. Багновская. — М. : ИНФРА-М, 2017. — 214 с. — (Научная мысль). — www.dx.doi.org/10.12737/16348.

ISBN 978-5-16-011550-4 (print)
ISBN 978-5-16-103870-3 (online)

Монография посвящена исследованию (на примере Северской земли) одного из сложных вопросов — формирования на базе единой древнерусской основы трех восточнославянских народов. Особые трудности связаны с выяснением характера историко-этнического развития населения в регионах, где складывались этнические границы. Одним из таких регионов является Северская земля, просуществовавшая как историческое понятие с VIII по XVIII в. Выводы монографии убедительно подтверждают единство происхождения и тесную связь исторических судеб восточнославянских народов, представляют несомненный интерес для понимания и решения современных проблем в гармонизации межгосударственных отношений.

УДК 314(075.4)
ББК 63.3

ISBN 978-5-16-011550-4 (print)
ISBN 978-5-16-103870-3 (online)

© Багновская Н.М., 2016

Подписано в печать 28.10.2016.
Формат 60×90/16. Печать цифровая. Бумага офсетная.
Гарнитура *Newton*. Усл. печ. л. 13,38.
ППТ30. Заказ № 00000

ТК 468500-771242-281115

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29.
E-mail: books@infra-m.ru http: //www.infra-m.ru

Отпечатано в типографии ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29

ВВЕДЕНИЕ

В ряде современных государств, образовавшихся после распада СССР, в научной и учебной литературе формируется искаженное представление о прошлом, призванное не только оторвать от общеисторического контекста и приукрасить собственную национальную судьбу, но и создать крайне негативный образ России и русского народа.

С момента провозглашения независимости Украины там начинается новый раунд дискуссий, в центре которых оказались проблемы формирования восточнославянских народов и этнической структуры Древнерусского государства. Ряд историков, всячески умаляя общность происхождения и тесную связь исторических судеб восточнославянских народов, стремятся обосновать разные варианты альтернативы теории единой восточнославянской этнокультурной общности. Обосновывается тезис о том, что русская, украинская и белорусская народности начали складываться задолго до образования Киевской Руси, и доминирующим этносом в Киевском государстве был украинский. Так в сознание современного украинского общества внедряется мысль, что лишь Киевская Русь являлась подлинно восточнославянским, принадлежавшим к европейской цивилизации и ставшим колыбелью независимой Украины государством, не имевшим ничего общего с «азиатской Владимиро-Московской деспотией».

Россию сегодня обвиняют не только в имперском порабощении свободолюбивого украинского народа, но и «краже» его национальной истории. По словам украинского доктора наук Я. Дашкевича, московские правители, «начиная с Ивана IV (Грозного)… понимали, что без великого прошлого невозможно создать великую нацию, великую империю. Для этого нужно было украсить свое историческое прошлое и даже присвоить чужое. Поэтому московскими царями была поставлена задача присвоить историю Киевской Руси, ее славное прошлое и создать официальную мифологию Российской империи…»[1].

В современной украинской историографии также получила крайне тенденциозное и даже мифологизированное освещение история различных древнерусских земель. Так, восточнославянские Южнорусские княжества представляются как изначально принадлежавшие к европейской цивилизации, отличающиеся по своему этническому составу от образовавшегося в результате финно-тюркского синтеза Московского государства, выбравшего к тому же азиатский вектор развития. Такая трактовка способствовала формированию среди украинской молодежи

---

[1] Дашкевич Я. Как Московия украла историю Киевской Руси – Украины (доклад доктора исторических наук) [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://universum.lviv.ua/journal/2011/6/dashk.htm.

крайне негативного отношения к России, которая воспринимается в настоящее время как источник современных проблем Украины. Таким образом, объективное изложение истории Южнорусских земель призвано прежде всего противостоять всплеску националистических настроений, направленных против России.

В этих условиях комплексное и всестороннее изучение проблем этногенеза восточных славян на примере конкретного региона весьма актуально и имеет большое практическое значение.

Вопрос формирования на базе единой древнерусской основы трех народов: русских, украинцев и белорусов занимает в истории восточных славян особое место и является чрезвычайно сложным. Особые трудности связаны с выяснением характера историко-этнического развития населения в тех регионах, где складывались этнические границы указанных народов. Одним из таких регионов является Северская земля – своеобразная область восточнославянского мира, где в силу исторических условий до конца XVII в. сохранялась этнокультурная самобытность населения.

Избранный автором для исследования регион бывшей Северской земли[2], согласно современному административному делению, охватывает всю Черниговскую и часть Полтавской, Сумской, Харьковской областей Украины, некоторые районы Курской, Воронежской и Липецкой областей России, а также небольшой район Гомельской области Белоруссии. В силу своего геополитического положения Северская земля на протяжении столетий играла важную роль в политической, социально-экономической и этнической истории восточнославянских государств.

Северская земля как историческое понятие просуществовала с VIII по XVIII века. Этим обусловлены хронологические рамки исследования. Последний период праславянской истории завершается VI – VII веками[3]. Расселение славян на обширнейших пространствах, их активное взаимодействие с иноэтничными племенами привели к этнокультурной дифференциации славянского мира и членению единого языка на отдельные славянские языки. С VIII в. наступает новый этап славянской истории, когда в результате сложных миграционных пертурбаций и ассимиляционных процессов формируются раннесредневековые племенные объединения славян, известные по письменным источникам, а на отдельных славянских землях складываются первые государственные образования.

Таким образом, хронологические рамки исследования охватывают промежуток времени примерно с VIII в. н.э., то есть с первых летопис-

---

[2] Вопрос о границах Северской земли в разные периоды ее истории будет рассмотрен в главе 2, раздел 2.1.

[3] Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 142–143.

ных упоминаний северы в качестве одного из восточнославянских племен, поселившихся по рекам Десне, Сейму и Суле, и до конца XVIII в., когда со страниц письменных источников исчезают последние упоминания о севере и севрюках, а также прекращается использование макротопонима «Северская земля» в светской и церковной титулатуре.

Широкие хронологические рамки работы позволяют всесторонне и комплексно исследовать основные процессы историко-этнического формирования и развития населения в этом важном для восточного славянства регионе. Исследование данной проблемы дает возможность более полно и всеобъемлюще определить ареал зарождения восточнославянских этносов, источники их материальной и духовной культуры, языка, особенности менталитета, то есть те глубинные основания, без которых невозможно представить движение данных народов во времени и пространстве.

На территории Северской земли с глубокой древности соприкасались и находились в состоянии взаимного общения население с разным хозяйственным укладом и различного происхождения: оседлые племена лесной и лесостепной полосы и полукочевые и кочевые степные племена. Восточнославянские племена, расселявшиеся по Десне, а также к северу и югу от нее, вступали во взаимодействие с неславянскими племенами и в совокупности явились тем базисом, на основе которого сформировалось население древней Северской земли, создавшее Северский племенной союз. Эти сложные, подчас противоречивые вопросы этногенеза древнейшего населения Северской земли нашли определенное истолкование в предлагаемой работе. Автор стремилась также отразить существовавшие в исторической науке в разные периоды времени представления о территории Северской земли, о происхождении названия «севера» и др.

Процесс разложения родоплеменных отношений и формирования классов завершился у восточных славян образованием Древнерусского государства с центром в Киеве. Со временем в пределах этого государства были объединены все земли бывших племенных союзов восточных славян, в том числе и Северские. В результате сложились благоприятные условия для развития единой этнической общности. Наряду с уже имевшейся у этих племен близостью языка и культуры, «государство оформляло консолидирующиеся племена в территориально-политическом отношении, создавало определенную общность экономических, социальных и других интересов»[4]. Однако, консолидация бывших племенных союзов в единый древнерусский народ не была полной и окончательной: «несмотря на наличие общих черт, существовала

---

[4] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М. 1973. С. 139.

вполне осознанная тенденция к сохранению местных особенностей»[5]. Исторические условия, в которых оказались Северские земли в период феодальной раздробленности и особенно после монголо-татарского нашествия, способствовали усилению и консервации местных особенностей вплоть до XVIII в., знаменующего собой начало нового периода русской истории.

В то же время нельзя недооценивать значение Древнерусского государства и древнерусского населения в истории восточнославянских народов. Поэтому вполне закономерно одним из главных объектов исследования явились потомки древнерусского населения Северской земли, именовавшиеся в письменных источниках XV – XVII вв. севрюками. Проблема изучения севрюков, выявления их места и роли в общей картине историко-этнического развития населения бывшей Северской земли ставится впервые.

Социально-экономическое развитие и политическая ситуация XVI – XVII вв. обусловили характер развития этнических процессов на территории Северской земли. Здесь складывалась зона этнического взаимодействия трех восточнославянских народов. Территориально основная часть бывшей Северской земли вошла в этническую область украинского народа. В то же время северское население северо-восточных районов бывшей Северской земли влилось в процесс формирования русского народа. Какая-то часть северского населения северо-западных районов бывшей Северской земли, возможно, приняла участие в формировании белорусского народа, что требует дальнейшего изучения и поисков материалов. Не последнюю роль в течение указанных процессов сыграли переселенческие движения так называемых «черкас» из Приднепровья, а также из различных районов Правобережья Днепра и из центральных областей Московского государства.

Вопросам переселенческих движений XVI – XVII вв. в лесостепные районы Левобережья Днепра, бывшие в то время далеким пограничьем Польского и Русского государств, уделялось большое внимание в исторической литературе. Автор же стремилась рассмотреть почти неизученный аспект этой проблемы: конкретизировать значение переселений для судеб местного населения Северской земли. В этой связи в работе уделяется значительное внимание малоисследованному вопросу о черкасах, происхождении их самих и их наименования.

Автор обращает внимание на важную роль социально-экономических факторов для понимания историко-этнического развития населения. В работе получила отражение картина быстрой социальной

---

[5] Рыбаков Б.А. О двух культурах древнего феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 27.

дифференциации населения Малороссии в XVIII в. и этот же процесс на территории так называемой Слободской Украины.

Отдельные проблемы историко-этнических процессов на территории Северской земли как древнего, так и более позднего времени вызывали и вызывают интерес дореволюционных, советских и современных исследователей. Однако они касались их, как правило, косвенно. Работы обобщающего характера до последнего времени не было. Предлагаемое исследование в определенной степени посвящено восполнению этого пробела в изучении истории восточнославянских народов.

Не все проблемы историко-этнических процессов изучаемого региона исследованы автором в одинаковой степени. Основное внимание уделено узловым вопросам из широкого круга затронутых проблем. Будучи сами по себе очень важными в научном плане, они, конечно, по отдельным пунктам потребуют дальнейшего более детального изучения. Кроме того, на наш взгляд, является весьма перспективным исследование материальной культуры населения бывшей Северской земли и установление ее связей с историко-этническими процессами[6].

Многоплановость темы и значительный хронологический размах вызвали необходимость привлекать весьма разнородные источники. Автор использует значительное количество письменных источников, почерпнутых в архивах Москвы, Киева, Чернигова, а также по-новому переосмысливает известные ранее документы. Источниковая база исследования значительно расширена за счет привлечения материалов археологии, антропологии, этнологии, лингвистики и истории культуры. Это позволило воссоздать более полную и объективную картину противоречивого и неоднозначного процесса историко-этнического развития населения Северской земли.

Отдельные проблемы, имеющие отношение к нашей теме: разложение родоплеменных отношений и образование государства у восточных славян, генезис феодальных отношений, освободительное движение украинского народа середины XVII в., и ряд других – традиционны для исторической литературы и имеют обширную историографию. Поэтому по названным вопросам автор стремилась использовать отдельные положения и выводы в свете решения специфических задач данного исследования.

В основу методологии исследования положены принципы диалектического метода и объективно-исторического анализа процессов, событий, фактов и идей, рассматриваемых в контексте исторического

---

[6] Первый шаг в этом направлении сделан автором в работе «Крестьянская одежда Чернигово-Северщины XIX в. как отражение этнической истории Северской земли» (М., 1999), где впервые в отечественной историографии рассматривается на примере Чернигово-Северщины формирование крестьянской одежды как отражение сложных и многогранных историко-этнических процессов на территории Северской земли.

процесса. В вопросах методологии исторического исследования автор опиралась на точку зрения ученых, получивших признание в науке[7].

Методология исследования темы предусматривает учет различных концепций историко-этнического формирования и развития населения. Динамика историко-этнических процессов рассматривается в определенных хронологических рамках, во взаимосвязи, взаимообусловленности общественных явлений и исторических событий. В работе осуществлен комплексно-системный анализ историко-этнических процессов в регионе Северской земли на протяжении нескольких исторических периодов, завершившихся установлением относительно устойчивой картины этнического расселения. Комплексно-системный подход заключается в том, что анализ историко-этнических процессов осуществлялся в широком контексте исторических связей и отношений. При этом в фокусе внимания автора постоянно находилась динамика населения Северской земли.

В целом методологическая задача исследования заключалась в нахождении оптимального сочетания конкретного изложения исторического материала и его проблемно-содержательной реконструкции, в выявлении сущности и внутренней логики развития историко-этнических процессов.

Важную методологическую часть нашей работы составляло определение и эмпирическая интерпретация используемых в ней понятий, в первую очередь специфических для нашего исследования, таких, как: «историко-этнические процессы», «этнос», «этническая общность», «этничность», «экзоэтноним» и др.

В работе использованы методы исследования: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный, синхронистический, статистический, комплексности. Они дали возможность анализировать всю совокупность объективных и субъективных факторов, влиявших на процесс становления и развития населения изучаемой области.

Осознавая сложность поставленных перед собой задач, автор далек от того, чтобы считать их решение окончательным, поэтому данное исследование представляет собой очередной шаг в воссоздании всей многогранности процесса формирования восточнославянских народов.

---

[7] Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6; Криворученко В.К. Историческое исследование в современных условиях: Методология и методика исследования. М., 1991; Королев А.А. От моноидеи к "цветущей сложности" // История: Постижение смысла. М., 1994; Журавлев В.В. Методология исторической науки // Кентавр. 1995. № 6; Его же. От смены конъюнктурных парадигм к парадигме преемственности // Отечественная история. 1997. № 4; Искандеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4; Всемиров В.В. К вопросу о методологическом кризисе в исторической науке // Постигая прошлое и настоящее. Саратов, 1997; Бориснев С. В. Современные проблемы теории и методологии исторического исследования // Вестник военного университета. 2010. № 3(23). С. 81–87.

Глава 1.
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ

1.1. Историография и источники

Научная литература, так или иначе затрагивающая историю Северской земли, достаточно обширна, однако работ, в которых бы изучался историко-этнический аспект, очень немного.

Интерес к историческому прошлому Северской земли возник в конце XIX – начале XX в. Он был обусловлен общим направлением развития исторических наук того времени в России. В области археологических исследований основное значение начинает приобретать изучение памятников Древней Руси[1].

Археологические исследования Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицина и др. с целью составления карты расселения восточнославянских племен, известных по Начальной летописи, а также выделения для каждого племени характерных признаков[2], возбудили пристальный интерес к этим сюжетам среди историков.

Вторая половина XIX – начало XX в. характеризуется выходом монографических исследований, посвященных истории отдельных русских княжеств. По инициативе В.Б. Антоновича издается серия так называемых «областных монографий» О.А. Андрияшева, Д.И. Багалея, П.В. Голубовского, М.С. Грушевского, П.О. Иванова, П.Г. Клепатского, В.Г. Ляскоронского, М.В. Молчановского. Как отмечал в 1926 году М.С. Грушевский, эти работы положили начало региональному исследованию украинской истории, которому в 20-е годы уделялось принципиальное значение: предполагалось, что силами Украинской Академии наук региональная серия будет не только дополнена и продолжена, но и пересмотрена с учетом современных требований и интересов. Для осуществления этих задумок были созданы четыре порайонные комиссии: Правобережной, Левобережной, Западной и Южной (Степной) Украины, но, как известно, планы УАН так и не были реализованы.

Среди названных выше областных монографий две имеют непосредственное отношение к изучению истории Северской земли. Это

---

[1] Историография истории СССР. М., 1971. С. 207.

[2] Самоквасов Д.Я. О городищах и курганах в земле северян и их значении в истории. Чернигов, 1872; Он же. Северянские курганы и их значение для истории // Труды 3-го Археологического съезда в России. Т.1. Киев, 1875. С. 41–51; Он же. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908; Спицин А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1899. № 8. С. 301–341.

работы П.В. Голубовского и Д.И. Багалея, появившиеся в 1881 и 1882 годах одна за другой под одинаковым названием – «История Северской земли до половины XIV ст.». Работа Голубовского написана только с привлечением письменных источников и в традиционном плане изложения княжений Чернигово-Северских князей. Однако автор попытался охарактеризовать хозяйственные занятия населения, торговлю (с. 26–38) и выявить генетическое происхождение северы (с. 3–12). В работе Д.И. Багалея шире источниковедческая база. Наряду с письменными источниками, привлечены данные археологических раскопок на территории Левобережья Днепра. Несмотря на компилятивный характер некоторых разделов[3], труд Багалея имел положительное значение, как определенный этап в изучении истории Северской земли. В плане изучения историко-этнических процессов и Голубовский, и Багалей основное внимание сконцентрировали на колонизационном движении северян в юго-восточном направлении, в бассейн Северского Донца, на их связях с населением Подонья и Тмутараканью. В работах не разграничиваются вопросы происхождения названия «севера» и этногенеза самого населения, не затрагиваются этногенетические связи северы с соседним населением верховий Днепра и Десны, не дается определение северы как социально-этнической общности.

Завоевание Северской земли литовскими князьями нашло отражение в работе В.Б. Антоновича «Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти Ольгерда» (1885).

Освещению истории Черниговского княжества за время от ордынского нашествия до литовского завоевания посвящена работа одного из наиболее крупных специалистов по генеалогии черниговских князей Р.В. Зотова «О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время» (1892). Р.В. Зотов положил начало изучению в отечественной историографии политической истории черниговского княжества во второй половине XIII – XIV вв. Ему же принадлежит заслуга введения в научный оборот нового источника – Синодика Антониевского Любечского монастыря, содержащего уникальные данные по генеалогии русских князей. Р.В. Зотов видел свою основную задачу в восстановлении личности черниговских князей этого периода.

В «Истории Переяславской земли» (1897) В.Г. Ляскоронского затрагиваются сюжеты, связанные с историко-этническими процессами в южных районах Северской земли. Взаимоотношениям чернигово-северских князей с половцами посвящена небольшая работа этого же автора[4].

---

[3] Встречаются дословные перенесения целых страниц из работ Антоновича, Барсова, Филарета (Гумилевского), Костомарова, Самоквасова и др. авторов.

[4] Ляскоронский В.Г. Северские князья и половцы перед нашествием на Русь монголов. Казань, 1913.

В появившихся в конце XIX – начале XX в. обобщающих работах по исторической географии[5] все Левобережье Днепра отводилось северянам, без учета отличия племенных территорий от государственных[6]. Эта точка зрения была господствующей в дореволюционной историографии, хотя А.А. Спицин обратил внимание на сосуществование различных погребений и отметил смешанный состав населения Северской земли[7].

Таким образом, дореволюционные историки, обращаясь к сюжетам истории Северской земли, хронологически ограничивались серединой XIV в., то есть временем вхождения Северских княжеств в состав Великого княжества Литовского. Основное внимание уделялось политической истории и колонизационным движениям северян в юго-восточном направлении. Исторический процесс в Северской земле с середины XIV в. до конца XVIII в. специально не исследовался в дореволюционной историографии.

Некоторое значение для нашей темы имеют работы И. Беляева, Д.И. Багалея, И.Н. Миклашевского, М.К. Любавского[8], которые изучали процесс освоения Московским государством земель на юге (в «диком поле»), начавшийся с середины XVI в. в связи с созданием оборонительной системы против татарских набегов. В работе И.Беляева есть упоминания о севрюках, но кто такие севрюки, каково их происхождение и роль в описываемый автором период – эти вопросы Беляев не ставил. Работа Д.И. Багалея «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства» интересна обширными публикациями документов, свидетельствующих об участии черкас (наряду с русскими служилыми людьми) в сторожевой службе Московского государства. Много внимания автор уделил переселениям черкас в пределы Русского государства того времени. Д.И. Багалей обратился также к роли неславянского населения, жившего оседло или кочевавшего в бассейнах Дона

---

[5] Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Нестеровой) летописи. Варшава, 1885. С. 147–152; Середонин М.С. Историческая география. Пг., 1916. С. 141–142.

[6] Анализ дореволюционной историографии по вопросу формирования государственной территории Черниговского княжества см.: Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. С. 57–60.

[7] Спицин А.А. Указ. соч. С. 340.

[8] Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846; Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; Он же. Історія Слобідськоі Украіни. Харьків, 1918; Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч.1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины в XVII в. М., 1894; Любавский М.К. Историческая география России в связи с вопросами колонизации. М., 1909.

и Северского Донца. Но о местных жителях севрюках, как и в работе И.Беляева, имеются лишь отдельные упоминания.

Историк «смуты» в Московском государстве XVI – XVII вв. С. Ф. Платонов нарисовал довольно полную картину социально-экономического положения порубежных Северских городов и населения этой области. Следует отметить богатство документального материала, положенного в основу работы Платонова, который дает, в частности, ценные сведения о категориях служилых людей. Однако вопросы этнического состава населения также были оставлены им без внимания[9].

На интересном материале написана работа Ф.Д. Николайчика[10] о росте владений князей Вишневецких. Найденные в Литовской метрике судные дела Вишневецких конца XVI – первой половины XVII в. позволили Николайчику сделать вывод, что уже в конце XVI в. А.Вишневецкий в своих «колонизационных» устремлениях вторгся в пределы Русского государства по течению реки Сулы. Этот вывод подтверждается русскими источниками того времени[11].

Во второй половине XIX в. немало работ посвятил изучению Черниговщины А.М. Лазаревский. Основное внимание Лазаревский уделял общественным отношениям XVII – XVIII вв. Его работы «Малороссийские посполитые крестьяне» (1866), «Описание старой Малороссии» в 3-х томах (1888, 1893, 1902), ряд публикаций в «Киевской старине» и «Русском архиве» дают немало нового для изучения истории Северской земли. Характерная особенность работ Лазаревского в их чрезвычайной насыщенности сырым, необработанным документальным материалом, порой это полуархеографические издания.

Следует отметить историко-статистические описания Черниговской губернии А. Шафонского, М. Домонтовича, архимандрита Филарета (Гумилевского), А.Русова[12], в которых содержится много исторических сведений об отдельных местностях, о природе края, о хозяйственных занятиях населения и его быте. Собранный этими авторами фактиче-

---

[9] Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. М., 1937 (первое издание 1899 г.).

[10] Николайчик Ф.Д. Начало и рост полтавских владений князей Вишневецких по данным Литовской метрики // Труды X1 Археологического съезда в Киеве. Т. 2. М., 1902. С. 35–104.

[11] Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. М., 1967. С. 73–75.

[12] Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание... сочиненное в 1786 г. Киев, 1851; Домонтович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Черниговская губерния. СПб., 1865; Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 1–7. Чернигов, 18733–1875; Русов А.А. Описание Черниговской губернии. Т. 1–2. Чернигов, 1898–1899.

ский материал и их наблюдения не потеряли значения для современного исследователя.

Работа Л.В. Падалки «Прошлое Полтавской территории и ее заселение» (1914) – пожалуй, единственная в дореволюционной историографии, где ставятся вопросы об этническом составе населения южных районов Северской земли начиная со времен Древнерусского государства и до начала XIX в. Конечно, во многом труд Падалки устарел. Автор слишком преувеличивал значение различного рода «колонизаций», фактически сводил к ним все многообразие историко-этнических процессов. Принимал безоговорочно мнение о полном запустении южных районов лесостепного Левобережья после Батыева нашествия и в то же время констатировал факт существования «туземного» населения – севрюков. Однако вывод автора о том, что население Полтавщины сформировалось в результате «колонизации» тремя «племенными элементами»: севрюки, татарский, или отатаренный, и черкасы (с. 100–101) – несомненно, близок к истине, хотя и требует современного осмысления и уточнения.

Вопрос о происхождении русского, украинского и белорусского народов, а в том числе и вопросы о древнем населении Северской земли, его генетических связях и исторических судьбах, изучался украинской дореволюционной историографией. Теория о бесклассовости и демократизме украинского народа, идеализация казачества – выдвинутые в работах родоначальника украинской буржуазной историографии В.Б. Антоновича – были развернуты его учеником М.С. Грушевским. Грушевский считал национальную проблему главной в истории. Формирование украинского народа он относил к IV в. и утверждал, что Древнерусское государство – Киевская Русь – принадлежит исключительно истории украинского народа. Связи украинского и русского народов Грушевский ограничивал только принадлежностью к восточнославянской языковой ветви, игнорируя общность происхождения, исторических судеб и близость культуры[13]. В вопросе этногенетических связей древней северы Грушевский отстаивал генетическое родство последней с полянами, всячески умаляя близость северы с радимичами и вятичами. Верно обратив внимание на особое значение XIV – XVII вв. в истории Северщины, Грушевский, однако, понимал это значение с позиций колонизационных движений населения[14]. Он видел в Северщине своеобразный аккумулятор «українськоі людності» и украинской культуры в периоды отливов и приливов населения с севера на юг и обратно (согласно его теории о постоянных движениях в меридиональном направлении).

---

[13] Грушевский М.С. Історія України-Русі. Т. 1. Київ, 1913. С. 3–6, 18–20.

[14] Грушевский М.С. Чернігів і Сіверщина в українській історіі // Чернігів і північне Лівобережжя. Київ, 1928. С. 114–115.

Так как города и волости бывшей Северской земли долгое время входили в состав Литвы и Речи Посполитой (или переходили из рук в руки), к проблемам истории Северской земли обращались некоторые польские исследователи конца XIX – XX вв. Наиболее известным из них является А.Яблоновский, труды которого[15] по истории Украины XVI – XVII вв. надолго определили представления о территории и границах литовской и польской Украины и России и о населении этих областей. Односторонность используемых Яблоновским источников (только литовские описания-люстрации), незнание событий конца XVI в. на территории Северской земли привели его к перенесению границ Речи Посполитой XVII в. на XVI в., в результате чего вся территория к востоку от Днепра до Путивля оказалась в пределах Польши[16]. Эти земли (неучтенные люстрациями и принадлежавшие в XVI в. Московскому государству) были объявлены Яблоновским «пустующими», «пустыней». Характерный недостаток его работ: почти все явления историко-этнических процессов на Левобережья Днепра в XVI в. обосновывал исходя из данных источников XVII в.

Другой польский исследователь Стефан Кучинский поставил своей задачей осветить историю Чернигово-Северской земли в период литовского господства: от завоевания ее Ольгердом до 1503 г., когда набирающее мощь Московское государство отвоевало у Литвы Северские земли[17]. Монография Кучинского «Чернигово-Северские земли под властью Литвы» вышла в свет в 1936 г. и была первым комплексным исследованием этой проблематики. Кучинский отказался от традиционной периодизации исторических событий по правлениям великих князей Литовских и выдвинул свою периодизацию. Главное, на чем сконцентрировал внимание Кучинский в своем объемном труде, – стратегическое положение Чернигово-Северской земли в борьбе Литовского, а затем Польского государств с Московским. Он стремился также привести сведения из области исторической географии, дать общий обзор Литвы, Московской державы и «Татарщины», дабы выделить историче-

---

[15] Jablonowski A. Polska XVI w. pod wzgledem historyezno-statycznym. T. 9–11. Ukraina // Zlodla dziejowe.T. 20–22. Warszawa, 1894–1897; Левобережная Украина в XV – XVI вв. // Киевская старина. 1896. № 5; Zaludnienie Ukrainy. // Pisma Aleksandra Jablonowkiego. T. 1. Warszawa, 1910. S.72–197; Gospodarka polska na Zadnieprzu siewierskim // Przeglad Historie. T. XIX. Warszawa, 1915.

[16] В диссертации Н.Б. Шеломановой подробно разбирается вопрос о государственных границах Польши и России в XVI и XVII вв. Она доказала ошибочность существовавших долгое время представлений о рубежах этих государств в XVI в. – Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. М., 1970.

[17] Kuczynski S.M. Zzieemie Czernihowsko-Siewierskie pod kzadami Litwy. Warszawa, 1936.

ские судьбы Чернигово-Северской земли, которая своей территорией как бы связывала названные страны.

В трудах дореволюционных историков Д.И. Багалея, М.С. Грушевского, А.М. Лазаревского, М.Ф. Владимирского-Буданова и других уделялось серьезное внимание опровержению тезиса, выдвинутого польской буржуазной историографией, о полном запустении Левобережья Днепра в XV в. и ведущей роли государственной власти Речи Посполитой и поляков в освоении этих земель в XVI – XVII вв. Не отрицая частичного уменьшения населенности Левобережья в XV – XVI вв., Владимирский-Буданов отводил главную роль в его заселении в XVI – XVII вв. русскому (украинскому и белорусскому) населению[18]; Багалей и Грушевский (хотя и с разных позиций) – казакам[19]. При этом Д.И. Багалей преувеличивал значение так называемой правительственной колонизации Московского государства, недооценивая роль стихийного заселения края крестьянами, казаками и различного рода «вольными людьми». Относительно местного населения бывшей Северской земли эти исследователи ограничивались констатацией факта существования его остатков.

Таким образом, дореволюционные историки, обращаясь к сюжетам истории Северской земли, хронологически ограничивались серединой XIV в., то есть временем завоевания Северских княжеств литовскими князьями. Основное внимание уделялось политической истории и колонизационным движениям северян в юго-восточном направлении. Исторический процесс в Северской земле с середины XIV в. до конца XVIII в. (когда исчезают последние упоминания о севере и севрюках) специально не исследовался в дореволюционной исторической литературе. Вопросы о историко-этнических процессах, имевших место на территории Северской земли в XIV – XVIII вв.; о их социально-экономических причинах и последствиях для коренного населения; о роли этого древнего населения в сложении русской, украинской и белорусской народностей даже не были поставлены в дореволюционной историографии.

В советской исторической литературе уделялось большое внимание проблемам историко-этнических процессов в истории восточных славян до образования у них Древнерусского государства и в период его существования. В связи со скудостью письменных источников этого периода, особую ценность приобретают исследования археологов.

---

[18] Население Юго-Западной России от второй половины ХШ в. до половины XV в. // Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т.1; Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569) // Там же. Т. 2.

[19] Багалей Д.И. Очерки истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; Грушевский М.С. Історія України-Русі. Т.VII. Київ-Львів, 1909.

Ведущими темами, определяющими направления исследований советских археологов-славистов, были: происхождение восточных славян и образование древнерусской народности, время и пути формирования археологических культур, предшествующих древнерусской культуре. Важнейшим достижением славяно-русской археологии в советское время явилось создание трех общих концепций происхождения и расселения восточных славян, принадлежащих, соответственно, трем известным археологам – П.Н. Третьякову, В.В. Седову и И.И. Ляпушкину[20].

Советскими археологами обнаружено значительное количество памятников ранних славян до государственного периода середины и второй половины I тыс. н.э. Раннеславянские памятники указанного периода отражают сходные черты в пределах всей территории славянского обитания. Вместе с тем, углубленный анализ их позволяет археологам выделить и отдельные группы раннеславянских древностей. В этом отношении весьма показательна археологическая картина на Днепровском Левобережье, которая характеризуется существованием во второй половине I тыс. н.э. нескольких культурно-хронологических групп памятников, видимо, отражающих определенные этапы исторического развития оставившего их населения. История изучения археологических памятников второй половины I тыс. н.э. на Днепровском Левобережье представлена киевским исследователем О.В. Сухобоковым[21], а основные взгляды советских археологов по вопросам этнокультурной принадлежности археологических памятников второй половины 1 тыс. н. э. на Левобережье Днепра рассматриваются автором в статье «Сложные вопросы этнической истории летописной северы»[22].

К проблеме уточнения границ летописных племен обращались советские историки и археологи. В частности, в работах Б.А. Рыбакова, Г.Ф. Соловьевой, И.П. Русановой[23] пересмотрено утвердившееся

---

[20] Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; Его же. У истоков древнерусской народности // Материалы и исследования по археологии СССР. 1970. № 179; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // Там же. № 163; Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Там же. 1968. № 152.

[21] Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975; Горюнов Е.А. К истории Днепровского Левобережья в середине и третьей четверти 1 тыс. н.э. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1977;

[22] Багновская Н.М. Сложные вопросы этнической истории летописной северы // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. V. С. 15–36; Акашев Ю.Д., Багновская Н.М. Летописная севера // Проблемы отечественной истории. Сб. статей. Вып. 1. М., 2001. С. 5–10.

[23] Рыбаков Б.А. Поляне и северяне. // Советская этнография, 1947, № 6–7; Соловьева Г.Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам 8–14 вв. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. 1956. Т. 25; Русанова И.П. Курганы полян X – XII вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–24. М., 1966.

в дореволюционной литературе мнение, согласно которому севере отводили весь левый берег Днепра и большие пространства среднего Поднепровья вплоть до Дона, а также намечены границы расселения собственно северы, хотя относительно этих границ среди советских исследователей единого мнения не сложилось.

Исходя из мнения о северянской принадлежности археологических памятников роменского типа (И.И. Ляпушкин, В.В. Седов, Г.Ф. Соловьева, П.Н. Третьяков и др.), украинский археолог Д.Т. Березовец стремился дать всестороннюю картину социально-экономических отношений северы накануне образования Древнерусского государства[24]. Фактически Д.Т. Березовец охарактеризовал по археологическим данным население, оставившее памятники роменского типа.

К вопросу происхождения названия «севера», а также к проблеме возможных генетических связей ее с неславянскими племенами обращались историки, археологи, лингвисты; в частности, П.Н. Третьяков, В.В. Седов, О.С. Стрижак[25].

К теме истории Северской земли с древнейших времен до середины XIV в., ставшей традиционной в дореволюционной историографии, обратился в конце 30-х гг. советский историк В.В. Мавродин[26]. В соответствии с марксистской концепцией исторического процесса, В.В. Мавродин дал анализ разложения родоплеменных отношений и становления классового общества в Северской земле исходя из развития производительных сил как решающего фактора, который неизбежно ведет к изменению производственных отношений в обществе. Интересны его взгляды на этнические процессы в Северской земле рассматриваемого им периода. Мавродин высказал верное предположение, что севера была не единым племенем, а «скорее племенным союзом, политической организацией ряда племен в той или иной мере родственных или связанных друг с другом»[27]. В то же время в работе «Очерки истории Левобережной Украины» не дается разграничения понятий Северская земля как территория племенного объединения (союза) и Северская земля как составная часть государственных территорий Черниговского и Переяславского княжеств. Мавродин считает, что в пределах Северской земли жили радимичи, вятичи, кривичи, тогда как это относится

---

[24] Березовець Д.Т. До питання про літописних сіверян // Археологія. Т. 8. Київ, 1953. С. 28–44; Он же. Северяне (перед образованием Киевской Руси). // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев, 1969.

[25] Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 106, 179, 227, 242–244; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 163. М., 1970. С. 130–131; Стрижак О.С. Сіверяни // Мовознавство. Київ, 1973. № 1. С. 64–76.

[26] Мавродин В.В. Левобережная Украина под властью татаро-монголов // Ученые записки ЛГУ. 1939. Вып. 32; Он же. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940.

[27] Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 56, 59.

к раннефеодальным княжествам, границы которых «перекроили» племенные земли и соединили в пределах княжеств население различных восточнославянских племенных объединений предгосударственного периода. Интересное и, по-видимому, не лишенное оснований предположение В.В. Мавродина о происхождении какой-то части древней черниговской знати из среды племенной знати «пристепных полуоседлых земледельцев и скотоводов» и их конных дружинников[28]. Правда, в «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» (ч. IV, СПб., 1799, с. 233) зафиксировано древнее предание, что северы – это конные всадники, воюющие на конях, но Мавродин не использовал это произведение.

Многие дореволюционные историки и особенно лингвисты ставили вопрос: кем была севера? Украинцами, русскими или белорусами? Подобные тенденции сохранялись в работах украинских историков школы М.С. Грушевского, издаваемых в 20-е годы. Мавродин доказывает неправомерность такой постановки вопроса вообще. Не утратил значения раздел книги Мавродина о диалектах Северской земли. К проблемам древней истории Северской земли В.В. Мавродин обращался и в 50-е годы[29].

Другой крупный советский историк М.Н. Тихомиров в работе «Россия в XVI столетии» (М., 1962), с привлечением новых источников, дал концентрированный очерк социально-экономического состояния Северских земель XVI в. в пределах удельных княжеств: Новгород-Северского, Стародубского, Путивльского, Рыльского. Однако историко-этническая проблематика в данной работе не рассматривается.

С позиций образования территории Древнерусского государства и формирования государственной территории Черниговского, а также Переяславского княжеств в X – XIII вв., изучалась Северская земля А.Н. Насоновым, А.К. Зайцевым, М.П. Кучерой[30].

Многочисленная литература посвящена проблемам национально-освободительной борьбы украинского народа против господства Польши в XVII веке и объединения Украины с Россией. В этой литературе иногда встречаются материалы, подтверждающие определенные перемещения населения в этот период, в том числе и в пределах бывшей Северской земли. Украинские историки (Е.М. Апанович, А.М. Баранович, М.Т. Дяченко, А.Г. Слюсарский и др.) изучали вопрос заселения

---

[28] Там же. С. 60.

[29] Мавродин В.В. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия // Советская этнография. 1954. № 2. С. 32–41.

[30] Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975; Кучера М.П. Переяславское княжество // Там же.

Слободской Украины[31]. Отдельные работы по этой теме могут быть полезны и использованы для изучения историко-этнических процессов в пределах бывшей Северской земли.

В трудах советских историков и этнографов (Б.А. Рыбакова, Ю.В. Бромлея, Н.Н. Чебоксарова, Л.В. Черепнина, С. А. Токарева, Л.П. Лашука, В.Ф. Генинга и многих других) рассматривались общетеоретические проблемы типологизации этнических общностей и изучения этнических процессов[32], становления государственности и зарождения феодализма у восточных славян. В значительной мере освещены вопросы общественно-политического и экономического развития Северской земли. В плане формирования и развития населения сравнительно хорошо изучен период существования Северского племенного союза (предгосударственный период истории Северской земли). Историко-этнические процессы на территории Северской земли периода формирования народностей у восточных славян изучались специально только автором[33].

В зарубежной историографии на протяжении 70-х – 90-х гг. XX в. сохранялся стойкий интерес к проблемам этнической истории и этногенеза восточных славян[34]. Естественно, ведущее место в изучении этих проблем принадлежит представителям западной славянской культуры. Главное место они уделяли проблеме этногенеза восточных славян в рамках исследования общей проблемы этногенеза славянских народов. В работах, опубликованных в 80-е гг., в центре внимания исследователей было два региона складывания славянского мира:

---

[31] Апанович Е.М. Переселение украинцев в Россию накануне Освободительной войны 1648–1654 гг. // Воссоединение Украины с Россией. М., 1954; Баранович А.И. Население предстепной Украины в 16 в. // Исторические записки АН СССР. 1950. № 32. С. 198–233; Он же. Украина накануне освободительной войны середины 17 в. (социально-экономические предпосылки войны). М., 1959; Он же. К вопросу о запустении и заселении украинских земель в 16 – начале 18 в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961; Дяченко М.Т. Етапи заселення Слобідськоі Украіни // Украінський історичний журнал. Київ, 1970. № 8; Он же. Етнографічні дослідження Слобідськоі Украіни в 18 – першій половині 19 ст. // Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Киев, 1970; Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины 17–18 вв. Харьков, 1964.

[32] Эволюция взглядов на теоретические проблемы этничности в мировой и отечественной науке будет рассмотрена в следующем разделе этой главы.

[33] Багновская Н.М. Севрюки (население Северской земли в XIV-XVI вв.) // Вестник МГУ. История. 1980. № 1. С. 57–69; Северская земля в истории Древней Руси (формирование и развитие населения) // Гуманитарные науки. Сб. статей. Вып. 12. М., 2001. С. 35–52; Историко-этнические процессы на территории Северской земли в XVIII веке // Там же. Вып.13. С. 22–31; Развитие населения на территории Северской земли в XVII веке // Там же. Вып. 15. М., 2001. С. 3–20; Роль миграций в этнических процессах (на примере Северской земли) // 14 Международные Плехановские чтения. Тезисы докладов. М., 2001; Севрюки: население Северской земли в XIV-XVI вв. М., 2002.

[34] Пушкарева Н.П. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб., 1997. С. 124–279.

«северный» и «южный»[35]. Польский археолог В. Хензель определил в качестве изначального региона славянского этногенеза громадный массив «между Днепром и Просной», указав, во-первых, что старые теории этногенеза изжили себя, а, во-вторых, что самостоятельные очаги рождения новых этнических общностей были «и на востоке, и на юге, и на севере»[36].

Некоторые работы польских и немецких ученых посвящены изучению юго-восточного очага складывания славянского мира, в частности, – вопросу о происхождении и этнической атрибуции зарубинецкой и черняховской археологических культур. Однако изучение этой проблемы находилось под сильным влиянием «миграционистских» концепций ряда западных ученых. В частности, в 80-х гг. немецкий ученый А.Хойзлер реанимировал идею о решающей роли миграций и мигрирующих народов иных регионов в ранней истории восточных славян, высказанную еще немецким археологом начала XX в. Г. Косинной[37].

За последние десятилетия Россия пережила настоящий бум публикаций по различным проблемам отечественной истории. Конечно, в этом потоке публикаций преобладают темы политической истории России и СССР, что вполне объяснимо в свете происходящих в стране изменений и преобразований.

С начала 90-х годов XX столетия наметился пересмотр традиционных представлений истории русских земель в работах: А.А. Юшко (Московская земля IX – XIV веков. М., 1991); А.В. Щекова (Верховские княжества. Краткий очерк политической истории. 13 – середина 16 вв. Тула, 1993); Д.Н. Александрова (Галицко-Волынская земля в XIII – первой четверти XIV вв. М., 1997; Смоленская земля в XIII – XIV вв. М., 1998). Предметом исследования в работах названных авторов является политическая история княжеств Южной, Юго-Западной, Западной и Северо-Восточной Руси.

В 1991 году появился популярный очерк истории Великого княжества Литовского, написанный известным генеалогом и историком С. В. Думиным[38]. Работа интересна тем, что автор ставит под сомнение

---

[35] Udolph J. Die Landnahme der Ostslawen im Licht der Namenforschung // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. V. 29. 1981. P. 321–336; Idem. Kommen die Slawen aus Panonien? // Studia nad ethnogeneza Slowian… P. 167–175.

[36] Henzel W. Polska starozytna. 3-rd ed. Wroclaw, 1987; Idem. On the Methods of Studies on the Ethnogenesis and Topogenesis of the Slavs // Archeologia Polona. Warszawa, 1988. T. XXVII. P. 209–211; Idem. The Cultural Unity of the Slavs in the Early Middle Ages // Idem. P. 201.

[37] Hausler A. Zu den sozialokonomischen Verhaltnissen in der Zarubincy-Kultur // Zeitschrift fur Archeologie. Berlin, 1986. № 20. S. 145–170; Kosinna G. Ursprung und Verbreitung der Germanen in Vor-und Fruhgeschichtlichen Zeit. Leipzig, 1926.

[38] Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История отечества: люди, идеи, решения. Очерк истории России 9 – начала 20 вв. М., 1991.

многие взгляды и стереотипы, сложившиеся в изучении этого государства, в состав которого длительное время входили Северские земли. По мнению С. В. Думина, русские земли присоединились к Великому княжеству Литовскому исключительно на добровольной основе. Историк также полагает, что Великое княжество Литовское являлось для русских земель «упущенной возможностью» интегрироваться в западноевропейский мир государств.

Что касается непосредственно изучения истории Северской земли, то на протяжении последних десятилетий появилось лишь несколько работ, в которых анализируются отдельные аспекты истории этого региона в составе Великого княжества Литовского. Это работы Ф.М. Шабульдо «Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского» (Киев, 1987); А.Ю. Дворниченко «Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности» (СПб., 1993); М.М. Крома «Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.» (М., 1995); О.В. Русиной «Северская земля в составе Великого княжества Литовского» (Киев, 1998).

Монография украинской исследовательницы О.В. Русиной, пожалуй, единственная за последние два десятилетия, где рассматривается комплекс проблем исторического развития Северщины в XIV – XV вв., когда она находилась в составе Литовского государства. О.В. Русина детально прослеживает эволюцию политико-административного устройства региона, характеризует основные тенденции социально-экономического развития Северской земли литовского периода; на фоне литовско-ордынских и литовско-московских взаимоотношений рассматривает политические процессы указанного периода. Работа О.В. Русиной насыщена документальным материалом, часто в ущерб историческому анализу: автор слишком досконально анализирует документ и историю его изучения, уходя далеко в сторону от основной линии исторического процесса в Северской земле изучаемого периода. Проблемы историко-этнических процессов в Северской земле исследуемого периода О.В. Русина не рассматривает.

В последние годы в контексте краеведческих исследований Курской области появились статьи архивиста РГАДА А.С. Ракитина о севрюках[39], которые определяются автором как «несостоявшийся восточнославянский народ, наравне со словенами (новгородцами)».

---

[39] Ракитин А. С. Севрюки – коренное население Северской земли // Сборник статей и материалов, посвященный деревне Любощь и местам ее окружающим – Сайт «Diderix» (diderix.petergen.com) (2009); Ракитин А. С. Севрюки // Малая курская энциклопедия / Сост. Ш. Р. Гойзман – Сайт «МКЭ» (www.mke.su) (2005—2011).

Изучение историко-этнических процессов в Северской земле так и осталось за пределами внимания современных исследователей. В этой связи автор видела одну из главных задач своей работы – восполнить существующий пробел в изучении истории восточнославянских народов.

Для любого исторического исследования, как правило, наибольшую ценность представляют **письменные источники**. Все исследователи, так или иначе касавшиеся проблем изучения Северской земли, единодушно жаловались на скудость этих источников, их разрозненность и фрагментарность. И это в самом деле так. Поэтому для изучения данной темы необходимо привлекать самые разные виды письменных источников: летописи, публикации документов и материалов, архивные материалы, описания, дневники, путевые заметки современников и иностранных путешественников, бывавших на Украине и в России; труды древних авторов.

Одним из важнейших письменных источников для изучения историко-этнических процессов в Северской земле предгосударственного и древнерусского периодов являются русские летописи. Автор «Повести временных лет» обнаруживает исключительно широкий этнографический горизонт. Специально изучавший этнографию «Повести временных лет» М.О. Косвен отмечал, что в XII в., который в западноевропейской литературе того времени характеризуется расцветом этнографической фантастики, русская летопись сохраняет в общем подлинную жизненность и реализм своих этнографических сообщений[40].

К сожалению, сведения «Повести временных лет» о севере и северских землях отличаются краткостью и отсутствием подробностей, хотя в вопросе о локализации этого восточнославянского племени большинство исследователей отталкиваются от сообщений летописца, что территория северы расположена по рекам Десне, Сейму и Суле.

С XII в. на смену общерусскому летописанию приходят летописные своды отдельных русских княжеств. Черниговская летопись этого периода не сохранилась[41]. Советские исследователи выделили в ряде статей Ипатьевской летописи конкретные фрагменты, восходящие к ее чернигоскому источнику[42]. Отрывочные сведения о Черниговской земле

---

[40] Косвен М.О. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII – XVII вв.) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 1 / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXX. М., 1956. С. 43.

[41] Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.; Л., 1938. С. 364.

[42] Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 47, 72.

в татарское время имеются в поздних летописных сводах Воскресенском и Никоновском[43].

Как отмечали все исследователи истории Северской земли, наиболее скудным в отношении письменных источников является период с середины XIV до середины XV в., когда северские земли находились под властью Литовского государства. Основной причиной скудости письменных источников этого времени является прекращение летописания в регионе и ослабление политико-династических связей с теми восточнославянскими землями, где летописная традиция сохранялась. Впрочем, время от времени Северщина попадала в поле зрения северо-восточных книжников, благодаря которым сохранились ряд важных сведений политической истории этого периода[44]. Безусловно, ценным источником являются и летописи Великого княжества Литовского или белорусско-литовские, хотя они содержат ряд политико-тенденциозных известий, которые видоизменяют историю литовского господства в этом регионе.

В определенной степени дефицит летописных сведений о Северской земле компенсируется данными Любецкого синодика, куда занесены имена князей Гедиминовичей[45], которые управляли северскими городами в последней трети XIV в., а также опубликованными в разных археографичных изданиях конца XIX в. договорными и присяжными грамотами этих князей.

Для изучения исторического развития Северской земли во второй половине XV – начале XVI в. первоочередное значение имеет Литовская метрика – архив государственной канцелярии Великого княжества Литовского (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1). В документальном массиве Метрики количество актов, относящихся к Северщине указанного периода, незначительно. Это преимущественно разнообразные великокняжеские «данины», судебные «выроки», акты «аренд», сосредоточенные, главным образом, в 3–6 книгах записей Метрики, которые сохранились в копиях конца XVI в. Наиболее полно в этих книгах представлены данные о Путивльском и Брянском уездах.

В начале XX в. производилась корпусная публикация документов Литовской Метрики в серии «Русская историческая библиотека», где

---

[43] Воскресенская летопись (Софийский временник) // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Тт. 7–8. СПб., 1856–1859; Никоновская или патриаршая летопись // ПСРЛ. Тт. 9–14. Спб., 1862–1910 (2-я половина 14-го тома – Пг., 1918).

[44] Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI-XVI вв. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Л., 1985. Т.XL. С. 193–196.

[45] Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) / Сообщил С. Т. Голубев // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. 1892. Кн. 6. Отд. 3. С. I – XIV, 1–88.

были полностью изданы 3-я и 4-я книги и частично 5-я[46]. Отдельные акты Метрики публиковались в изданиях: «Акты, относящиеся к истории Западной России», «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, «Архив Юго-Западной России», «Акты Литовско-Русского государства», «Акты Литовской Метрики», «Сборник Муханова» и др. В наше время литовский исследователь Е.Банионис опубликовал вторую часть 5-й книги Метрики[47], известной до этого лишь по отдельным документам.

В актовых материалах Метрики, которые относятся ко времени пребывания Северских земель в составе Московского государства (1503–1618), особого внимания заслуживает так называемый «Реестр границ черниговских», который представляет собой очень важный документ, дающий представление о населенных пунктах на Черниговщине. «Реестр» составляет начальную часть значительного по объему документа, который содержит еще несколько аналогичных реестров (любецкий, мглинский). Современная украинская исследовательница О.В. Русина предлагает именовать этот документ «Память» и досконально прослеживает историю его публикаций в разное время разными исследователями, а также дает свой вариант публикации документа, опираясь на оригинал, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов[48].

Процесс формирования украинского народа нашел отражение в проявлении интереса к его истории, в определенном обособлении этой истории от истории прочих русских земель. В первой половине XVII в. появляются летописи и хроники, освещающие события преимущественно украинской истории. Большинство так называемых «казацких» летописей (Г.Грабянко, С. Величко) довольно узки по содержанию, отражают в основном борьбу украинского народа за независимость. «Старшинская» летопись Самовидца интересна разграничением понятий Украина и Севера. Автор в разных местах и в разной связи называет города и области Северы, неоднократно подчеркивая их тесную связь с Черниговом[49].

В 1852 г. при Киевском университете был создан Центральный Архив Древних актов, трудами сотрудников которого вышло издание «Архива Юго-Западной России». Документы этого издания территориально отражают историю Правобережной Украины, так как представляют собой публикацию актовых книг Литовского государства XIV-XVII вв.

---

[46] Литовская Метрика. Отд. 1. Ч. 1: Книга записей. Т.1. // Русская историческая библиотека, издаваемая имп. Археографической комиссией. СПб., 1910. Т.27.

[47] Lietuvos Metrika. Knyga № 5 (1427–1506 metai) / Parenge E. Banionis. Vilnius, 1993.

[48] Русина О.В. Сіверська земля в складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 14–25; 207–215.

[49] Летопись Самовидца. Киев, 1878. С. 19, 73, 178, 179.

(Литовский статут) и различные документы, относящиеся к территории подвластной в XVII – XVIII вв. Польше. Однако акты о заселении Юго-Западной России, подготовленные в VII-й части (3-х томах) М.Ф. Владимирским-Будановым, имеют исключительно важное значение для освещения вопроса о населении Северской земли XV – XVII вв. Это люстрации замков Киева, Канева, Остра, Черкас. Люстрации представляли собой описание государственных имуществ для финансовых и военных целей, куда входило описание обязанностей подданных округа, относящегося к замку. В связи с этой статьей люстраций составлялись списки населения и его занятий. Они и представляют несомненный интерес, так как указывают происхождение занесенных в люстрации людей.

Сведения о восточных Северских землях, входивших в состав Московского государства с начала XVI в., имеются в публикациях материалов различных приказов: посольского, разрядного, вотчинного и др. Осуществлялись эти публикации в дореволюционное время главным образом Археографической комиссией («Акты исторические» в 5-ти томах, «Дополнения к актам историческим» в 12-ти томах). Много сведений об устройстве сторожевой службы в Путивльском уезде и некоторые данные о путивльских севрюках содержит 1 том «Актов Московского государства» (СПб., 1890). Отдельные упоминания о севрюках встречаются в документах, опубликованных в сборниках Русского исторического общества (РИО). Значительное количество документов по истории заселения Слободской Украины опубликовал дореволюционный исследователь Д.И. Багалей[50].

В юбилейном издании документов и материалов, посвященном 300-летию воссоединения Украины с Россией, имеются сведения о социальных взаимоотношениях на территории бывшей Северской земли в XVII в. и сведения о передвижениях населения с юго-запада на северо-восток этой области[51].

Очень важные материалы имеются в выписях из дел Посольского приказа (Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф.79) и в путивльских документах (ф.1209 Поместный приказ; ф.141 Приказные дела старых лет) конца XVI в., опубликованных советским исследователем Г.Н. Анпилоговым. В «отдельной» книге Путивльского уезда, изданной Г.Н. Анпилоговым, частично отражена номенклатура волостей этого уезда. Г.Н. Анпилогов ввел в научный обиход такой интересный источник, как изображение бортных «знамен» (знаков собственности, вырезанных на бортных деревьях), которые сохранились

---

[50] Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и, отчасти, Курской и Воронежской губерний) в XVI – XVIII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д.И. Багалеем. Т. 1–2. Харьков, 1886–1890.

[51] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1954.

в путивльских и рыльских переписных материалах конца XVI – 20-х годов XVII века[52]. Архаические по происхождению, бортные знамена в определенной мере позволяют воссоздать реалии экономического быта местного населения того времени и в некоторой ретроспекции.

Положение с неопубликованными архивными материалами очень непростое. Они имеются, но в полном смысле крупицами, отдельными фрагментами, косвенными упоминаниями в очень разных собраниях документов.

В Российском государственном архиве древних актов имеется книга Посольского приказа (ф. 79, кн. 22), в которой рассматриваются русско-польские отношения второй половины XVI в., пограничные конфликты, разорения и насилия, чинимые местному населению, в том числе и населению бывшей Северской земли – севрюкам. Встречаются упоминания о Северской земле и севрюках в делах и вязках Разрядного приказа (ф. 210). Имеются писцовые материалы по Путивльскому и Рыльскому уездах конца XVI – начала XVII в. в фонде 1209 Поместного приказа. Среди них отличается наибольшей информативностью оброчная книга Путивльского уезда 1628–1629 гг. (кн. 368). Эта книга уже привлекала внимание исследователей как источник реконструкции номенклатуры бортных «знамен» и особенностей хозяйственной деятельности служилого и городского населения Северщины. Для нашего исследования она интересна как источник историко-географической информации и сведений об этнической и социальной принадлежности занесенных в нее жителей. Можно упомянуть отдельные дела Малороссийского приказа (ф. 229, столпы Черниговские и Нежинские), Межевого архива (ф. 6), фонда Сената (ф. 248, ф. 1355) и др. Источники эти отличаются высокой степенью достоверности. Особую ценность они представляют при изучении социально-экономических отношений. Определенные сведения об этническом составе населения, имеющиеся в них, нужно использовать с учетом взглядов того времени на этническую принадлежность людей.

Материалы Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) в Киеве (ф. 54, ф. 55) представляют интерес при изучении социально-экономических отношений, так как отражают процесс социальной дифференциации украинского общества в XVIII веке.

Черниговский Государственный Исторический архив очень пострадал во время Великой Отечественной войны. Материалы его не ранее начала XIX в. Только отдельные копии, имеющиеся в фамильных доку-

---

[52] Анпилов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967; Бортные знамена как исторические источники (по путивльским и рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х гг. XVII в.) // Советская археология. 1964. № 4. С. 151–169.

ментах (ф. 133), относятся к XVII – XVIII вв. и отражают процесс социальной дифференциации украинского общества того времени.

Среди письменных источников XVI – XVII вв. некоторое значение для нашей темы имеют описания, дневники, путевые заметки, авторами которых являлись иностранцы, жившие в то время или бывавшие на Украине и в России. Барон Сигизмунд Герберштейн писал о северских князьях из рода Шемяки, которые сидели в Новгороде-Северском и Стародубе[53]. Определенное значение при изучении историко-этнических процессов в Северской земле имеют сведения Михалона Литвина, Эриха Лассоты, Пьера Шевалье[54].

Для выяснения некоторых вопросов этногенеза летописной северы косвенная, но тем не менее полезная информация содержится в сообщениях древних авторов: Константина Багрянородного, Прокопия из Кесарии, Псевдо-Маврикия, Аммиана Марцелина, Иордана[55] и др.

Еще в конце 30-х гг. возник проект подготовки серии переводов с греческого на русский язык византийских источников о славянских племенах. В рамках этого проекта было осуществлено издание переводов сочинений ряда византийских авторов, в том числе и названных выше, что позволило значительно расширить возможности изучения истории восточных славян в период до IX в.

В 1934 г. был опубликован текст под названием «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье»[56]. В публикации содержатся переводы с греческого отрывков из трех основных исторических сочинений Константина Багрянородного. Перевод сопровождается кратким, но очень содержательным комментарием. К анализу известий Константина о Руси и славянах исследователи обращались многократно, однако текст так содержателен, что не утратил своего значения и для современного исследователя.

В конце 30-х гг. С. П. Кондратьев сделал перевод сочинений известного византийского писателя VI в. Прокопия из Кесарии, содержащих чрезвычайно важные сообщения о славянах. Позднее С. П. Кондратьев издал перевод еще одного сочинения Прокопия «Война

---

[53] Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 109.

[54] Michalonis Lituani. De moribus Tartarorum, Lithuanorum et Moschorum: Fragmina X, multiplice historia referta / Nunc primam per J.Jac. Grasserum edite. Basiliae, 1615; Лассота Э. Путевые заметки Эриха Лассоты, отправленного императором Рудольфом П к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873; Шевалье Пьер. Історія війни козаків проти Польщі з розвідкою про іхне походження, країну, звичаі, спосіб правління та релігію ідругою розвідкою про перекопських татар. Київ, 1960.

[55] Аммиан Марцелин о кочевых народах Придонья в IV в. н.э. // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М., 1960. С. 54–59; Иордан о происхождении и деяниях гетов. Getica. Пер. и комментарии Е.Ч. Скржинской. М., 1960.

[56] Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Известия ГАИМК. Вып 91. М.; Л., 1934.

с готами»[57], также содержащем некоторые сведения о древнеславянских племенах. Тогда же С. А. Жебелев издал перевод известий о славянах византийского писателя VII в. Псевдо-Маврикия[58].

В коллективном труде «Сборник документов по социально-экономической истории Византии» (1951) были опубликованы в русском переводе некоторые источники, представляющие значительный интерес для изучения проблемы славяно-византийских отношений. В частности, для нашей темы определенный интерес представляют отрывки из «Истории» Феофилакта Симокатты и др.

Таким образом, в отношении Северской земли мы встречаемся не только с неизученностью населения и территории, но в значительной степени и с не изученностью гражданской и этнокультурной истории этой области. Объясняется это недостатком источников, отсутствием систематических описаний Северских земель XVI – XVIII вв. (писцовых книг), разбросанностью и плохой сохранностью актового материала, отрывочностью летописных свидетельств.

Однако комплексное использование названных источников и анализ литературы позволяет воссоздать относительно целостную картину историко-этнических процессов на территории Северской земли на протяжении ее тысячелетней истории.

1.2. Теоретические проблемы этничности применительно к изучению историко-этнических процессов

С понятиями «народ», «этнос», «этническая общность», «этнические процессы» мы часто встречаемся в литературе, посвященной различным этническим проблемам. Наша работа также посвящена изучению историко-этнических процессов в одном из регионов восточнославянского мира – Северской земле. Что же вкладывается в эти понятия? Как они дифференцируются? Что подразумевается под историко-этническими процессами? На этих вопросах необходимо остановиться немного подробнее.

В современной этнологической литературе этническим процессом называют «то «драматизированное» действие, с помощью которого осуществляется вызванная теми или иными причинами (адаптационными, ценностными и т.п.) трансформация этноса»[59]. Всякий этнический процесс протекает в конкретном историческом контексте, в том числе и современный. Поэтому возникновение, развитие и видоизменение

---

[57] Вестник древней истории. 1938. № 4; Там же. 1939. № 4; Прокопий. Война с готами. М., 1950.

[58] Жебелев С. А. Маврикий (Стратег). Известия о славянах VI – VII вв. // ИАИ. 1939. Т.П. С. 33–37.

[59] Лурье С. В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М., 1997. С. 287.

этнических общностей под влиянием исторических обстоятельств их жизни представляют **историко-этнические процессы**.

В сферу изучения этнических процессов входят вопросы формирования этнических общностей. Люди, населяющие земной шар, образуют разные общности: биологические (расы, популяции), культурные, социальные, которые находятся в постоянном взаимодействии, переплетаются между собой. Особое место среди них как по значимости в культуре, так и по устойчивости в истории занимают общности, именуемые в повседневном русском языке народами, а в научной литературе – «этническими общностями», или «этносами».

Слово εθνος в греческом языке многозначно (народ, племя, толпа, группа людей, иноземное племя, язычники, стадо, рой и др.), но в нем всегда прослеживается указание на совокупность существ, имеющих некие общие свойства: обычаи, повадки, внешний вид и т. д. На ранней, архаической стадии в употреблении этого слова преобладает значение «стая», «рой», «группа», но имеет место также значение «племя», «народ», которое в классический период становится доминирующим. В более позднее античное время термин часто употребляется для обозначения негреческого племени.

Долгое время в научной литературе пользовались общим, почерпнутым из обыденного языка понятием «народ» (соответственно «Volk» – нем., «people» – англ. и т.д.). Введение в международный научный обиход термина «этнос» для наименования объекта этнографо-этнологических исследований происходит в 20 – 30-е годы XX в. и связано с именем русского ученого С. М. Широкогорова, труды которого получили международную известность[60]. Таким образом, термин «этнос» используется в этнологической литературе довольно давно, однако научное осмысление его как специального понятия для обозначения особой общности людей произошло, по существу, лишь в последние десятилетия в результате возрастания интереса ученых к проблемам этногенеза и этнической истории, ко всем этническим процессам в целом. Однако несмотря на остроту современных этнических процессов и самое пристальное внимание к ним ученых, как в отечественной, так и в мировой этнологии до настоящего времени не сложилось общепринятого определения сущности и строения этноса[61]. Дискуссии, темой которых является определение понятия «этнос», продолжаются и в настоящее время.

---

[60] Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай. 1923; Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London. 1935.

[61] Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998. С. 32–36; Лурье С. В. Историческая этнология. С. 39; Садохин А.П. Этнология. М., 2000. С. 78–80.

Наряду с понятием «этнос» в научной литературе используется понятие «этническая общность». Одни авторы используют эти понятия как синонимы, другие вкладывают в них разный смысл. Часто и тот, и другой термины употребляют в значении слова «народ», причем подразумевая при этом все виды этнических общностей: племена, народности, нации. Реже термин «этническая общность» применяется только к донациональным образованиям. По мнению советского этнографа Н.Н. Чебоксарова, трактовка «этнической общности» как понятия более широкого, нежели «этнос»-«народ», предполагает существование этнических общностей разных таксономических уровней и порядков. Этносы или народы – «это как бы основные единицы этнической классификации человечества, наряду с которыми можно выделять этнические общности, таксономически более высокого и более низкого порядка»[62]. Например, если сравнивать такие этнические общности, как славяне, восточные славяне, украинцы, запорожские казаки, то нетрудно заметить, что все они относятся к разным таксономическим уровням, причем такая общность людей, как запорожские казаки, может одновременно входить в состав нескольких этнических общностей разного уровня.

В советской исторической науке было принято выделять стадиально-исторические разновидности этноса: племя, народность, нацию[63]. Формирование основных этнических общностей связывалось с определенными общественно-экономическими формациями. Эта устоявшаяся в советской исторической науке схема была поколеблена на рубеже 80 – 90-х годов, когда развернулась дискуссия вокруг проблем этничности. К тому времени стало очевидным, что накопленный материал, фиксировавший этнические изменения, не укладывается в сложившиеся в науке схемы, а значит назрела необходимость в разработке новых теоретических подходов. Кроме того, остро обозначилась необходимость вскрыть внутренние пружины национальных движений и конфликтов, вспыхнувших на территории постсоветского пространства.

В Конституции СССР говорилось, что «Союз Советских Социалистических Республик есть… государство, выражающее волю и интересы всех наций и народностей страны»[64], то есть признавалось, что народы, населяющие СССР, делились на народности и нации. Нациями считались те народы, которые имели свою государственность – республики, союзные и автономные. Аргументируя неравенство в возможности иметь свою государственность, приводились критерии наличия или отсутствия своего рабочего класса или уровень урбанизации.

---

[62] Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. № 4. С. 96.

[63] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 129.

[64] Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических республик. М., 1990. С. 6.

С критикой разделения современных этнических общностей на народности и нации, с предложением единого подхода к ним как к народам выступил в середине 80-х годов М.В. Крюков[65]. Значимость этих теоретических споров, тогда широко не вышедших в политическую публицистику, стала очевидной с началом национальных движений в ряде союзных и некоторых тогда автономных республиках. Институционные акты ряда автономных областей, объявивших себя республиками (Хакасская, Горно-Алтайская, Адыгейская, Карачаево-Черкесская) и признанные в качестве таковых Верховными органами власти Российской Федерации, демонстрировали относительность деления на народности и нации, ибо никакого кардинального изменения в уровне социально-экономического развития в самих этнокультурных общностях не происходило.

Политическая ситуация в стране к концу 80-х годов сделала теоретические споры о дефинициях очень острыми и общественно значимыми. Дискуссии не прошли бесследно. Деление на нации и народности стало уходить из научной и политической литературы. В «Концепции государственной национальной политики», принятой в 1996 г., в официальном языке понятия «народ», «национальность» используются в этнокультурном значении для обозначения любой этнической общности или этнической группы.

Более острые дискуссии развернулись вокруг понятия «нация» и продолжаются до сих пор. С идеей пересмотреть понятие нации в пользу гражданского, а не этнического содержания выступил в конце 80-х – начале 90-х годов В.А. Тишков и некоторые другие ученые[66]. Аргументировался этот подход тем, что вся международная практика и доктринальный язык современных государств, кроме советского, постсоветских и постюгославских, пользуется термином «нация» в значении политической и гражданской общности. Термин «нация» в международной организации ООН использован в значении «государственная общность».

Представление о нации как согражданстве поддерживается далеко не всеми учеными и политиками. Критика шла и идет как со стороны философов, историков, политологов, так и со стороны традиционных разработчиков теории этноса – этнологов. Многие ученые отстаивают прежние историко-стадиальные представления о нации как высшей

---

[65] Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3.

[66] Тишков В.А. Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1; Его же. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. №1; Его же. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. 1989. № 5; Чешко С. В. Национальное государство или демократическое общество // Вестник Академии Наук СССР. 1990. № 1.

форме этнической общности, сложившейся в период становления капитализма на основе экономических связей, единства территории, языка, особенностей культуры и психики. Сторонники этой позиции считают, что сохранение национальной государственности есть демократический способ решения национального вопроса[67]. Дискуссии об использовании понятия «нация» продолжались в 90-е годы и продолжаются в настоящее время. Философы, социологи, политологи чаще прибегают к политико-практической аргументации, историки и этнологи больше обращают внимание на традиции отечественной науки. Так, известный этнолог В.И. Козлов писал[68], что на протяжении XX в. слово «нация» и производное от него «национальность» употреблялись в русском языке обычно в этническом смысле, не связанном с наличием или отсутствием государственности. Это отразилось в тысячах книг и, таким образом, вошло в менталитет многих десятков (если не сотен) миллионов людей.

Во Франции со времени Великой французской революции конца XVIII в. для обозначения сообщества свободных граждан было использовано понятие «нация». Содержательный акцент в нем был сделан на то, что каждый народ (как граждане) суверенен и имеет право на образование своего государства. Под влиянием французской революции в таком значении понятие «нация» перешло и в английский язык.

В Германии историческая ситуация была иной. На ее территории существовало несколько немецкоязычных государств. Формировавшаяся идея немецкой государственной общности основывалась на языковом, культурном сходстве, территориальной близости. Понятие «нация» употреблялось там в смысле «народ» (Volk) и в таком значении сохранилось в немецком языке до сих пор.

В начале XX в. в России не было четкости в использовании данного понятия, хотя постепенно за ним все же закрепилось этническое значение. Возможно, это объясняется слабой идеей гражданского общества и полиэтничностью государства. В социал-демократической литературе понятие «нация» употреблялось в этнокультурном значении, а после включения в программные документы РСДРП «права наций на самоопределение» оно приобрело еще и политический смысл. Противники пе-

---

[67] Тадевосян Э.В. О совершенстве национально-государственных отношений в СССР и русле перестройки // Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М., 1989. С. 73; Его же. Ленин, федерализм и наше время // Коммунист. 1990. № 6; Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства. М., 1996. С. 232–233; Баграмов Э.А. Нация как согражданство? // Независимая газета. 1994. 15 марта; Тощенко Ж. Концепция опять не состоялась // Независимая газета. 1996. 4 июня.

[68] Козлов В.И. Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль. 1996. № 6. С. 98, 104.

ресмотра понятия «нация» апеллируют именно к устоявшейся исторической традиции использования этого термина в этнокультурном значении. В настоящее время многие ученые и политики готовы перейти на употребление понятия нации в значении сограждан ства, однако в большинстве публикаций и обсуждений на постсоветском пространстве продолжается использование понятия нации в традиционном для отечественной науки значении. И все же во многих работах последнего времени, особенно в социологических и этнологических, для определения этнокультурной общности кроме принятого во всем мире понятия «этническая группа» употребляются понятия «этнонация» или «национальность», «народ»[69]. Значение понятия нации обсуждалось главным образом в нашей стране, в большинстве других стран было принято какое-то одно его значение, преимущественно как сограждан ство.

В отечественной этнологии наряду с понятием «этнос» довольно часто используется понятие «этничность» как некая категория, обозначающая существование отличительных черт этнических групп, или идентичностей. Этот термин акцентирует внимание прежде всего на полиэтническом характере большинства современных обществ. Среди этнологов нет единства в определении содержания этого понятия. Термин «этничность» пришел в отечественную этнологию из западной этнологической науки, где он определяется примерно как совокупность характерных культурных черт этнической группы. Это соответствует англоязычной трактовке этого термина, когда этническая группа понимается как часть более широкого социокультурного окружения, находящаяся с этим окружением в конфликтных отношениях, что находит свое выражение в специфике тех культурных черт, которые определяются как этничность.

Норвежский ученый Фредерик Барт, один из наиболее известных современных этнологов, работы которого сыграли важную роль в изучении проблем этничности, показал, что этнические группы или этносы определяются прежде всего по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе самосознания. Сумма культурного материала, содержащаяся в пределах этнических границ и обычно используемая для определения этнических групп, играет второстепенную роль. Таким образом, с его точки зрения, этничность – это форма социальной организации культурных различий[70].

Как правило, этничность формируется и существует в контексте того социального опыта, с которым идентифицируют себя сами люди, или они идентифицируются другими людьми как члены определенной этни-

---

[69] Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоцилогия. С. 29–32.
[70] Садохин А.П. Этнология. С. 79.

ческой группы. С внутригрупповой точки зрения, этничность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены данной этнической группы отличают себя от всех других групп, даже если они близки в культурном отношении. Различия, которые они проводят по отношению к другим, обычно довольно определенны, тогда как внешние представления о группе основываются зачастую на стереотипных характеристиках группы. При этом кровное родство или другие объективные критерии не играют особой роли. Так, цыгане в разных странах мира отличают себя не только от не-цыган, но и от других групп цыган; проживающие в России и Китае эвенки считаются одним народом, но сами эвенки осознают прежде всего свою принадлежность к локальным группам.

Этническая картина мира предполагает существование специальных социальных маркеров, призванных дифференцировать этнические группы. Эти различительные маркеры образуются на разнообразной основе, включая физический облик, географическое положение, хозяйственную специализацию, религию, язык и даже одежду и пищу. Но все вместе или в отдельности они употребляются для обозначения индивида в качестве представителя определенной этнической общности, то есть его этничности.

Таким образом, каждый этнос характеризуется совокупностью обязательных специфических признаков. Трудность состоит в том, что в науке пока не выработаны четкие критерии выделения этнических признаков. По этому вопросу в научном мире существует множество иногда полярных мнений. В целом же в науке преобладает мнение, что этносы представляют собой одну из разновидностей социальных общностей. К основным признакам этнической общности, как правило, ученые относят этническое самосознание и самоназвание, язык, территорию, особенности психического склада, культуры и быта, определенную форму социально-территориальной организации или стремление к созданию такой организации. Отмечается также значение для определения этноса культурной специфики, общности происхождения его членов, эндогамии и некоторых других признаков[71].

Огромная заслуга в разработке принципов выделения критериев этнических признаков принадлежит известному советскому ученому академику Ю.В. Бромлею. По его мнению, антропологические, расовые признаки могут играть роль определителя лишь при сопоставлении отдаленных этнических единиц, принадлежащих к разным расам. Для этнического размежевания значительно большую роль играют групповые особенности культуры в самом широком смысле слова, то есть «не

---

[71] Бромлей Ю.В. Теория этноса // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 47.

только определенные результаты человеческой деятельности, но и сам ее способ, выраженный в действиях и поступках». Именно в сфере трактуемой таким образом культуры обычно и сосредоточены, по мнению Ю.В. Бромлея, все основные отличительные особенности этнических единиц. При разграничении этносов-народов между собой особое значение имеют такие устойчивые и отчетливо выраженные компоненты культуры, как язык, религия, народное изобразительное искусство, устное творчество, обычаи, обряды, нормы поведения и т.п. Однако ни один из компонентов культуры не является непременным и универсальным этнодифференцирующим признаком. «Этнос, – писал Бромлей, – представляет собой не отдельный компонент культуры, а определенную культурную целостность, многие составляющие которой, как правило, в той или иной степени обнаруживают устойчивые отличительные черты»[72].

В начале 70-х гг. XX в. в связи с резким ростом активности этнических меньшинств и обострением межэтнических настроений в странах Запада вокруг проблемы этничности развернулась острая дискуссия, в результате которой появились многочисленные теории этничности, объясняющие природу и сущность этноса, этническую идентичность, ассимиляцию, дискриминацию, этнические конфликты и т.д. Однако все существующие на сегодняшний день теории и концепции этничности могут быть сведены к трем основным подходам к пониманию этнического феномена – примордиалистскому, инструменталистскому и конструктивистскому.

Сторонники примордиалистского (объективистского) подхода считают этнос и этничность реально существующими феноменами, имеющими объективную основу в природе либо в обществе, и предполагают, что этническая идентичность основывается на естественной связи человека с группой или соответствующей культурой. Опираясь на эти объективные основания существования этноса, все теории примордиализма можно разделить на два направления: природное, или социобиологическое, и эволюционно-историческое.

Сторонники социобиологического направления рассматривают этничность и этнос как примордиальное (то есть первозданное, исконное) образование, основанное на общих предках, функционировании определенных биологических механизмов, принадлежности к одной расе. Они объясняют этничность с помощью эволюционно-генетических идей, интерпретируя ее как «расширенную родственную группу», «расширенную форму родственного отбора и связи». Американский биохимик и генетик Пьер ван ден Берг предложил понимать этничность как следствие генетической предрасположенности человека к родственному от-

---

[72] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. С. 30–31.

бору, предпочтению родства индивидуализму, называемому в социобиологии «непотизм». Непотизм является следствием альтруистического поведения, которое уменьшает шансы данной особи на передачу своих генов следующему поколению, но одновременно увеличивает вероятность передачи его генов непрямым путем (косвенная передача генов): помогая родственникам выжить и передать свои гены следующему поколению, индивид тем самым способствует воспроизводству собственного генофонда. Такой тип поведения делает группу эволюционно более устойчивой, чем аналогичные группы, в которых альтруистическое поведение слабо выражено либо отсутствует. Таким образом, непотизм предоставляет группам эволюционные преимущества и закрепляется на генетическом уровне. «Родственный отбор», по мнению ван ден Берга, сыграл решающую роль в формировании этнических групп и самого феномена этничности[73].

Примордиалисты подчеркивают в этничности глубокую аффективную привязанность людей. Объяснение этому наука пытается дать лишь в последнее время, когда социальные психологи стали разрабатывать теорию аффилиации (потребности в принадлежности к группе). Подобные свойства этничности выражены таким важным понятием в социобиологическом направлении исследований этничности, как «реципрокность» (взаимность, взаимодействие) – взаимоотношение и сотрудничество между отдаленными родственниками и индивидами, не связанными отношениями родства. В социальных условиях, когда родственное (непотистское) поведение оказывается по каким-либо причинам невозможным либо опасным, индивид может договориться с другими о скоординированном поведении, что также позволяет увеличить его возможности передачи своих генов. Другими словами, когда люди объединились в довольно многочисленные группы, в которых были не только кровные родственники, им стало проще договариваться о поддержке и защите друг друга перед лицом всех возможных опасностей, в том числе и от других подобных групп людей. Соседи стали восприниматься как «свои», близкие люди в противовес «чужим», пришедшим издалека и враждебным. Этот процесс лежит в основе превращения кровнородственной общины в соседскую или сельскую.

Таким образом, этничность в социобиологии понимается как всеохватывающая форма естественного отбора и родственных связей, которые сохраняют свое значение и в развитых обществах. Исходя из этого некоторые ученые высказывают мнение, что осознание индивидом себя частью группы генетически закодировано, является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность узнавать членов семьи имела жизненно важное значение. Вплоть до последних тысяч лет гомини-

---

[73] Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981.

ды жили относительно небольшими группами, где преобладала тенденция к заключению внутригрупповых браков, следовательно, сами группы характеризовались высокой степенью родства и состояли из близких и дальних родственников. Эти солидарные группы являлись по существу примордиальными этносами. И хотя затем родственные связи размывались, потребность в коллективной поддержке, более широкой, чем круг непосредственных родственников, осталась и сегодня даже в современных обществах.

Социобиологическое понимание этноса в отечественной науке представлено концепцией Л.Н. Гумилева. Он рассматривал этнос как биофизическую реальность, всегда облаченную в ту или иную социальную оболочку. Для Гумилева этнос – явление географическое, связанное с кормящим и вмещающим ландшафтом. Сущностной характеристикой этноса по Гумилеву является его тесная связь с понятием «энергия». Гумилев пришел к выводу, что этнос – замкнутая система дискретного типа, которая в момент своего возникновения получает единый заряд энергии (пассионарный толчок) и, растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части. Так существуют в биосфере природные коллективы людей с общим стереотипом поведения, который Гумилев считал самым главным признаком этноса, своеобразной внутренней структурой, противопоставляющий себя всем другим подобным коллективам. Характер пассионарной энергии Гумилев определил как биогеохимическую энергию живого вещества биосферы, открытую еще в начале XX в. В.И. Вернадским. Таким образом, этнос по Гумилеву – это система колебаний определенного поля, создаваемого биогеохимической энергией живого вещества биосферы. Этносы разнятся между собой частотой колебаний этого поля, то есть особым ритмом разных этнических групп. Это является объективной основой чувства комплиментарности – деления на «своих» и «чужих»[74]. По существу, ученый продолжил развитие идей, сформулированных в начале XX в. С. М. Широкогоровым[75], правда, культуру, создаваемую этносом, он понимал как социальное явление.

В ряде примордиалистских концепций место эволюционно-биологических трактовок этноса занимают эволюционно-исторические. Эта тенденция восходит еще к немецкому философу-просветителю И.Г. Гердеру, который понимал народ как общность, возникающую на основе единства «крови и почвы», то есть происхождения и истории. В отечественной науке подобное понимание этноса было заложено рус-

---

[74] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1992; Его же. Конец и вновь начало. М., 1994.

[75] Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

ским этнографом С. М. Широкогоровым, который определяет этнос как группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других[76].

В советской исторической науке этот подход был развит в работах академика Ю.В. Бромлея, который предложил во многом сходное определение этноса как исторически сложившейся на определенной территории совокупности людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), что фиксируется в самоназвании (этнониме), то есть этнос – исторически сложившаяся социальная группа людей, связанная общностью территории своего формирования, языка и культуры. При этом ни один из признаков не является этнодифференцирующим, лишь их совокупность позволяет определить этнос[77].

Таким образом, этносы, оставаясь примордиальными группами, носят характер социальных, а не биологических сообществ, так как этнические связи рассматриваются как сущностно зависимые от исторических изменений. Формирование этносов представляет собой длительный, исторический процесс, в котором определяющую роль играет целая группа факторов. Рассматривая на примере населения Северской земли процесс этнической дифференциации восточных славян, автор склоняется к пониманию этноса, сформулированному Ю.В. Бромлеем, что не исключает в трактовке понятия этничности интеграции всех подходов.

Долгое время в США господствовала концепция «плавильного тигля (или котла)». Считалось, что в США иммигранты из различных стран «переплавляются» в единую (со стандартизированной американской культурой) этнополитическую общность высокой степени интеграции, что существует американская культура как некий сверхорганизм, объединяющий представителей различных народов. В подтверждение данной концепции приводился ряд аргументов. Существует американский вариант английского языка, американские игры (бейсбол, американский футбол), имеются особенности в моделях повседневного поведения, в строительстве жилищ, в пище. Человек отождествляет себя со страной, культурой: я – американец. Иногда это приобретает непривычные для европейцев формы. Существует, воздействуя на остальной мир, такое сложное явление современной культуры, как американское кино, – совокупность идеальных образцов, некая «американская мечта». Разра-

---

[76] Широкогоров С. М. Там же. С. 13, 122.

[77] Бромлей Ю.В. Этнология. Учебник для высших учебных заведений. М., 1994. С. 7.

ботана эпическая история Америки, очень далекая от реальной, которая идеализированно и романтично повествует о временах покорения Дикого Запада крепкими ковбоями – поборниками справедливости и защитниками слабых.

Несомненно, длительное совместное проживание в рамках одного социального организма (страны) групп людей, первоначально принадлежащих различным культурам, способствует образованию общих особенностей поведения и мотивов поступков. Аналогичные интегративные процессы шли и в бывшем СССР: совсем не на пустом месте появилось понятие «советский народ – новая историческая общность». В этом же направлении – в выработке некоторого среднеевропейского стандарта современной культуры – идут изменения в Европе. Можно говорить и об общих чертах мировой культуры. Применительно к нашей теме, можно говорить об интегративных процессах в рамках Древнерусского государства, конечно, с учетом специфики условий той исторической эпохи. Но означает ли это полное усреднение, растворение в потоке универсализма этнокультурных особенностей? Вряд ли на этот вопрос можно ответить утвердительно.

К началу 70-х гг. со всей очевидностью обнаружилось, что культура воспроизводится ее носителями на новом месте обитания (в данном случае в США). Латиноамериканские или европейские переселенцы сохраняют специфический уклад жизни, язык, религиозные верования, воспроизводя в процессе энкультурации эпическое наследие своего народа, его историю. Идея «переплавки» культур в единый конгломерат, исчезновения их своеобразия, сведения всех и вся к некому единому «индустриальному» знаменателю оказалась несостоятельной, особенно на фоне вспыхнувших с неожиданной силой массовых этнических и расовых движений. Все это привело к появлению новых объяснительных концепций этничности, известных под общим названием инструментализм.

Все концепции этничности инструменталистского направления подразумевают выполнение какой-либо потребности индивида или группы, осуществление их интересов, достижение целей. Таким образом, существование этничности здесь мыслится как способ достижения более комфортного состояния, в категориях пользы, что и позволяет обозначить эту трактовку этничности как утилитарную.

Создатели инструменталистского подхода исходили из того, что различия между группами людей в обществе могут служить основой для формирования этнической идентичности каждой группы, определяющей в свою очередь характер межгрупповых отношений и мобилизующей этнические группы на целенаправленную политическую деятельность. Поэтому инструменталистские концепции зачастую опираются на социально-психологические теории, которые трактуют этнич-

ность как эффективное средство для преодоления отчуждения и восстановления этнического равноправия, как социальную терапию.

В середине 70-х гг. XX в. в США получает широкое распространение концепция «этнической идентичности», или так называемого этнического «салата», в котором при общей консистенции сохраняется и каждый ингредиент. На смену господству теории «плавильного котла» пришел тезис об этническом плюрализме, многообразии культур в границах одной сверхкультуры США. Важная роль в новом аспекте исследования этничности принадлежит группе ученых, объединивших свои усилия в коллективном труде «Этническая идентичность» (1975, 1982), изданном под редакцией Дж. Де Во и Л. Романуси-Росс[78].

Идейный вдохновитель и руководитель изучения этничности с позиций этнической идентичности Дж. Де Во выдвинул идею – показать, как индивид, его «Я» включены в этническую группу и одновременно в социально-иерархическую структуру современного общества. Понятие этничности как отождествления себя с определенной культурной традицией Де Во дополнил понятием этнической группы, в которой, собственно, реально и сохраняется этнокультурное своеобразие. Ведущим признаком этничности Де Во считает «чувство преемственности, непрерывной связи с прошлым, чувство, составляющее существенную часть самоопределения индивида». Особый акцент ученый делает на осознании непрерывности этнической истории, ибо «без осознания прошлого настоящее не имеет смысла»[79]. Этничность, согласно Де Во, есть одна из важнейших форм социальной идентичности (самовыражение в чем-то, выделение себя из массы других). Этническая идентификация дает личности устойчивое основание для динамического взаимодействия в обществе, связывает настоящее с прошлым, обеспечивает историческую преемственность, служит исходной системой ориентаций в мире. Существенное значение играет здесь «патриотизм, который может быть сильнейшей эмоцией, побуждающей даже пожертвовать своей жизнью за свою родину»[80].

Социально-политическая концепция этничности в инструменталистском направлении представлена в сборнике статей «Этничность, теория и опыт», вышедшем под редакцией Н.Глезера и Д.Мойнихана, где этническая группа трактуется как общность, объединяемая интересами, а этничность – как средство для достижения групповых интересов, мобилизации в политической борьбе[81]. Ее сторонники объясняют сохранение этнических групп потребностями людей

---

[78] Ethnic Identity / Ed. by De Vos G., Romanucci-Ross L. Chicago; L., 1982.
[79] Там же. P. 389.
[80] Там же. P. 18.
[81] Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С. 87–93.

в преодолении отчуждения, характерного для современного общества массовой культуры, потребительских ценностей и прагматизма.

Примером инструменталистского подхода к этничности может служить информационная концепция этноса отечественных ученых Н.Н. Чебоксарова, С.А. Арутюнова и А.А. Сусоколова[82]. В ней развиваются представления об этносе как типе общности, основанной на информационных связях. Эти информационные связи существуют в виде различных форм коммуникаций. Любые отношения, в которые вступают люди между собой, сопровождаются потоком информации. Информация передается в разных формах: вербальной, показа и подражания, а также как культурная традиция. Устойчивый комплекс информации, каковым является традиция, может воспроизводиться лишь столь же устойчивой группой, сохраняющей свои границы, принципы идентификации принадлежащих к ней индивидов и передающей эти принципы из поколения в поколение. Такой группой является этнос. Все другие большие социальные группы (политические, территориальные, профессиональные и т.д.), как правило, в значительной степени изменяют свой состав либо с течением времени просто распадаются.

Этническая культура и самосознание воспроизводятся не только на уровне этноса в целом или отдельных составляющих его индивидов и семей, но главным образом на уровне достаточно многочисленных и, самое главное, устойчивых во времени групп внутри этноса. Система этих групп образует внутреннюю структуру этноса, которую можно назвать «мезоструктурой», в отличие, например, от микроструктуры как совокупности индивидов и семей. К элементам мезоструктуры относятся родственные группы, устойчивые территориальные общности, некоторые профессиональные категории и т.д. В них на уровне межличностного общения формируются и передаются наиболее устойчивые нормы поведения, социально-психологические особенности народа, воспитывается этническое самосознание. Разрушение мезоструктуры очень осложняет, а порой делает невозможным воспроизводство этнической традиции и поддержание этнической идентификации. В нашей работе примером подобной группы, конечно, с учетом исторических реалий XIV – XVI вв., являются севрюки (параграф 4.2).

Итак, в отличие от примордиалистского подхода, инструменталистский ориентирован не на поиск объективных оснований этничности, а на выявление тех функций, которые выполняют этнические общности. Поэтому, выясняя, каким образом этносы и этничность реализуют по-

---

[82] Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985; Арутюнов С. А. Этничность – объективная реальность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5; Сусоколов А.А. Структурная самоорганизация этноса // Расы и народы. № 20. М., 1990; Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Указ. соч. С. 215–216.

требности индивида или группы, осуществляют их цели и интересы, инструментализм не интересуется вопросом, есть ли какая-то объективная основа существования этноса. Инструментализм исходит из положения: раз этносы и этничность существуют, значит, они служат определенным целям и конкретным интересам человека, облегчая его жизнь в обществе.

В мировой науке трактовка этничности наиболее широко представлена конструктивистским направлением. Создание конструктивистской концепции связывают с именем упоминавшегося выше норвежского этнолога Фредерика Барта. Он определяет этничность как наиболее широкую категорию социальной идентичности, ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения, подчеркивает договорной характер границ между этническими категориями. Впервые в качестве главного критерия этничности Барт предложил этнические границы группы, которыми она ограничивает сама себя. Выбор этого на первый взгляд неожиданного критерия объясняется тем, что этнические границы направляют социальную жизнь в определенное русло, следствием чего становится сложная организация поведения и социальных отношений. Поэтому в различных этнических границах наблюдаются и разные культурные явления, демонстрируемые членами той или иной группы[83].

Для конструктивизма в определении этничности решающее значение имеет не культура этноса вообще, а те культурные характеристики, которые в данный момент подчеркивают различия и групповые границы. Этничность здесь – вопрос осознания; членство в этнической группе зависит от представления индивида о том, что такое эта группа. Отличительной особенностью этой концепции этноса и этничности по сравнению с другими является не добавление в определения этих понятий новых признаков, а введение в любой подобный перечень элемента представления об этих признаках. Так, например, признаком этнической общности является не общее происхождение, а представление или миф об общей исторической судьбе. В таком понимании этничность – процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями, единым типом культуры и идеей или мифом об общности происхождения и общей истории.

Самым активным пропагандистом конструктивизма в России является В.А. Тишков. Он формулирует понимание народа (этнической общности) как группы людей, члены которой разделяют общее название и элементы культуры, имеют общее происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности. Все эти признаки – результат

---

[83] Садохин А.П. Этнология. С. 88–89.

особых усилий, особенно процесса нациостроительства[84]. Конструктивисты, считая этнонацию социальным конструктом, вместе с тем признают ее значимой реальностью, способной определять действия людей, их мобилизацию для достижения целей.

Основанная на философии постмодернизма, современная этнология развивает и подчеркивает положение конструктивизма о неопределенности, бесконечности трансформации и текучести этничности. Сейчас распространено самое широкое определение этноса как группы, члены которой имеют общее наименование (этноним), обладают комплексом сходных черт в культуре, мифом об общем происхождении и коллективной исторической памятью, связывают себя с определенной территорией и чувством солидарности. Наиболее важным в этом определении является субъективный аспект: коллективное сознание, мифология, воображение, а не связь с территорией и историческими процессами в качестве объективной данности, как в прежних теориях.

Сегодня многие ученые полагают, что конструктивистский подход может стать ядром синтеза различных теорий этничности, поскольку у него есть ряд важных аспектов: во-первых, значительное влияние исторического контекста, благодаря чему в теориях этого подхода фокусируется внимание на относительном характере и ситуационной зависимости этничности, что позволяет изучать данный феномен на разных уровнях и срезах; во-вторых, вся теория конструктивистского подхода практически одинаково трактует проблему роли родства в формировании этнической идентичности, что может быть использовано как исходное основание при составлении различных теорий; в-третьих, за период посткоммунистического развития мира обнаружено достаточное количество фактов изменения этничности, что само по себе дает уникальную возможность для интеграции взглядов конструктивистов и инструменталистов.

Все рассмотренные выше подходы к изучению этничности не носят взаимоисключающего характера, и поэтому перспективным способом исследования проблем этничности, видимо, будет интеграция наиболее важных аспектов всех подходов и создание когерентной теории этничности.

---

[84] Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1996. № 100. С. 17.

Глава 2.
СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

2.1. Северская земля как историко-географическое понятие

Во вступлении к «Повести временных лет» летописец представил широкое полотно расселения славянских племен в Восточной Европе. В этой части летописного повествования впервые упоминается «севера» как одно из славянских племен. Северы по месту поселения на восточнославянских землях называются здесь последними в ряду других племен. Летописец определяет территорию северы «...по Десне, и по Семи, и по Суле»[1]. Однако до настоящего времени Северская земля крайне недостаточно исследована в историко-географическом плане. Из-за отсутствия специальных работ, где были бы обобщены и систематизированы данные о топографии Северской земли, в научной литературе нет определенной точки зрения относительно ее локализации. В различных по характеру трудах Северская земля, соответственно, размещается: в Подесенье; в междуречье Сожа и Десны; в Деснянско-Сейминском междуречье; в бассейне Десны и верховьях Оки; в районе Путивля и Брянска и прочее.

Разнобой в локализации этого региона связан с неопределенностью понятия «Северская земля», которое отождествляется то с областью расселения летописной северы, то с территорией Черниговского княжества XI – XIII вв., то с Новгород-Северским княжеством XII – XIII вв., то с Северщиной XIV – XVII вв.

«Повесть временных лет» знает только этноним «северъ» и производные от него: «северо», «северы», «северены», «северяне»[2]. Последний чаще всего используется в исторической литературе. Однако, по данным лингвистики, в оригинальном тексте «Повести временных лет» XII в. не было образования «северяне»: этноним с суффиксом –‘ан-е вводился составителями более поздних сводов, замещая начальные бессуффиксные формы[3]. Таким бессуффиксным этнонимом является «северъ». Возникновение формы «северо» связано, по мнению лингвистов, с характерным для Левобережья Днепра явлением перехода концевого –ъ в –о (Днепръ – Дніпро, Пъсьлъ – Псло, Воръсколъ – Ворскло)[4].

---

[1] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. М., 1962. Ст. 5.

[2] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М.,1962. Ст. 6, 10, 11, 12, 19, 24, 29, 148, 149; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Ст. 5, 8, 9, 10, 14, 17, 21, 135, 136.

[3] Хасбургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 208–209.

[4] Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985. С. 153; Стрижак О.С. Сіверяни // Мовознавство. 1973. № 1. С. 65.

Киевская летопись употребляет атрибутивное по характеру словосочетание «северские городы»[5]. В Галицко-Волынской летописи, в контексте событий второй половины XIII в., северное Левобережье фигурирует как «Заднепровье»[6], а версия этих же событий конца XVI в. использует название «Северская земля русская за Днепром»[7]. Показательным является то, что составители поздних сводов, модернизируя при переписывании тексты древнерусских летописей, использовали, где считали нужным, термин «Северская земля», отсутствовавший там ранее. Например, в тексте «Повести временных лет» в своде XIV в. пишется: «… и разделиста по Днепр Русьскую землю: Ярослав прия сю сторону, а Мьстислав ону»; в более поздней интерпретации: «… и разделиста си землю по Днепр: един Киевскую землю, а другий Северскую землю»[8]. Подобные примеры можно продолжить.

Первым документом, где, по мнению ряда исследователей, употреблен термин «Северская земля», является присяжная грамота князя Федора Любартовича на верность королю Владиславу-Ягайлу и королеве Ядвиге, которые дали ему «землю до своей воли на имя Северскую со всеми городми, со всеми оужитки», датированная 1393 г.[9] На протяжении XIV – XVIII вв. источники фиксируют ряд родственных топонимичных образований: «Сивер», «Сивера», «Северщина», «Сиверщина», «Сиверская земля», «Сиверская сторона», «Сиверска украина», «Сиверский край»[10]. Этот топоним генетически связан с более ранним лето-

---

[5] Ипатьевкая летопись // ПСРЛ. Т. 2. Ст. 629.

[6] Там же. Ст. 872, 892.

[7] Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Cz. 1. S. 248.

[8] Лаврентьевская летопись. Ст. 149; Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 90.

[9] Розов В. Українські грамоти. Київ, 1928. Т. 1. № 27. С. 51; Archiwum ksiazat Lubartowiczom Sanguszkow w Slawucie. Lwow, 1887. T. 1. S. 13.

[10] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее: АИ). СПб., 1841. Т. 2. С. 113, 201, 350; Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Т. 1. С. 257, 260, 294; Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Киев, 1864. Т. 4. Приложения. С. 97; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 1. С. 121, 203, 220, 339, 508 и др.; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее: Акты ЮЗР). СПб., 1875. Т. 8. С. 11, 400; СПб., 1878. Т. 10. С. 330; Акты Московского государства, изданные Академией наук (далее: Акты МГ). СПб., 1890. Т. 1. С. 33, 57, 344, 369,419, 463 и др.; История о Казанском царстве: (Казанский летописец) // ПСРЛ. СПб., 1903. Т 19. Ст. 44; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. (далее: ДДГ). М.; Л., 1950. С. 437, 482; Восстание И.Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 119, 126, 134, 175, 185, 187, 197, 219 и др.; Новый летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т 14. С. 59, 62, 71, 77; Бевзо О.А. Львівський літопис і Острозький літописець. Київ, 1970. С. 112,121; Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 57, 65, 89, 95, 123, 124, 151, 162; Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. М. 1980. Т. 35. С. 166; Торгівля на Україні: XIV – середина XVII століття (Волинь і Наддніпрянщина). Київ, 1990. С. 304.

писным этнонимом «северъ» и является результатом его трансформации в новое ономастическое образование.

Большинство исследователей, которые занимались изучением летописных племен, ставили перед собой задачу – определить их племенные границы. Ряд историков и авторов работ по исторической географии России отводили севере все Левобережье Днепра[11]. Этого же мнения придерживались и историки Северской земли: П.В. Голубовский, Д.И. Багалей, В.Ляскоронский, А.Андриашев и В.В. Мавродин. В частности, П.В. Голубовский полагал, что летописец определил лишь центральную часть, ядро территории северы, а вся область северян значительно шире[12]. Основным источником при определении границ Северской земли служили для названных исследователей материалы археологических раскопок славянских курганов XI-XIV вв., на основании которых были выделены комплексы женских украшений, присущих каждому восточнославянскому племени. Для северы таким украшением признавались спиральные височные кольца. И хотя, в частности А.А. Спицын, отмечал смешанный состав населения Северской земли, однако в определении племенных границ северы исходил из установившейся точки зрения[13].

В 1937 г. в журнале «Советская археология» в порядке дискуссии были опубликованы две статьи о соотношении археологических памятников отдельных земель Древней Руси и племен начальной летописи. П.Н. Третьяков высказал предположение, что традиционные формы украшений, в частности височные кольца X – XI вв., не укладываются в границы племенных группировок, выделенных в свое время А.А. Спициным, а скорее соответствуют границам феодальных княжеств. Племенные группировки, по мнению П.Н. Третьякова, в XI – XII вв. уже не могли существовать, их следы необходимо искать среди древностей более раннего времени[14]. В дискуссии концепцию А.А. Спицина отстаивал А.В. Арциховский[15].

---

[11] Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 147–152; Грушевский М.С. Історія Украіни-Русі. Т. 1. Львів, 1904. С. 167–168; Он же. Киевская Русь. Т. 1. СПб., 1911. С. 226, 230; Середонин М.С. Историческая географія. Пг., 1916. С. 141–142.

[12] Голубовский П.В. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 2.

[13] Спицин А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал министерства народного просвещения. Т. VIII. 1899. С. 331–332, 338–340.

[14] Третьяков П.Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Советская археология. 1937. Т. IV; Он же. Итоги археологического изучения восточнославянских племен // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 310.

[15] Арциховский А.В. В защиту летописей и курганов // Советская археология. 1937. Т. IV.

Во многих исследованиях 50–70-х гг. продолжался поиск в материальной культуре (височные кольца, перстни, подвески, керамика) и в погребальном обряде отдельных районов специфических особенностей, соответствующих летописным племенам. Археологически были выделены и изучены ряд восточнославянских племен, в том числе и севера[16].

Обращаясь к вопросу о племенных границах полян и северы, Б.А. Рыбаков пришел к мнению, что значительная часть Левобережья Днепра в VIII – X вв. была занята полянами. Область расселения северы, на его взгляд, совпадает с границами Новгород-Северского княжества XII в. (среднее течение Десны, верхнее течение Псла, среднее и верхнее течение Сулы)[17]. Точка зрения Б.А. Рыбакова о локализации летописной северы была поддержана Г.Ф. Соловьевой[18]. В еще более узких границах локализует северу И.П. Русанова[19].

Таким образом, отправной точкой для определения территории Северской земли при изучении ее истории является свидетельство летописца, что севера «седоша по Десне, и по Суле, и по Семи...» и данные археологических исследований (см. приложение рис. 1).

В указанных летописцем пределах известно наибольшее количество археологических памятников роменского типа, которые большинство исследователей связывают с летописной северой[20]. Южнее и севернее поречья Десны и Сейма роменские древности не так ярко выражены и их меньше. Видимо, земли по Десне, Сейму и Суле были центром северского племенного объединения. Северская земля по археологическим материалам очерчивается Д.Т. Березовцом примерно в следующих пределах: на севере примерно по линии Любеч – Стародуб – Брянск; на северо-востоке и востоке не далее условной линии Брянск – Курск; на юго-востоке Курск – Новые Санжары (поречье Ворсклы), на юге Новые Санжары – Сары – Лубны[21]. Гнездо расселений южнее Харькова Д.Т. Березовец считает результатом расселения северы в конце IX или

---

[16] Советское источниковедение Киевской Руси. М., 1979. С. 90–91.

[17] Рыбаков Б.А. Поляне и северяне // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 81–105.

[18] Соловьева Г.Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. Т.25. 1956. С. 141.

[19] Русанова И.П. Курганы полян X – XII вв. Табл. 18 и 19.

[20] Рыбаков Б.А. Поляне и северяне. С. 94. Рис. 4; Березовець Д.Т. До питання про літописних сіверян // Археологія. VIII. Київ, 1953. С. 28–44; Он же. Археологические памятники летописных северян // Краткие сообщения Института Археологии (КСИА) АН УССР. 2. 1953. С. 25–26; Он же. Северяне (перед образованием Киевской Руси) // Автореферат кандидатской диссертации. М., 1969; Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 242; Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965. С. 158; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 126–134; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975. С. 146–147.

[21] Березовец Д.Т. Северяне. С. 19–23.

начале X вв. Вопрос о западной границе Березовец оставляет открытым, высказывая предположение, что междуречье Днепра и Десны очень рано попало в русло исторических событий, связанных с образованием Киевской Руси (территория «Русской земли» по А.Н. Насонову), и в силу этого, а также в результате последующего бурного развития культуры, племенные особенности этого района исчезли раньше.

В нашей работе территориальное понятие Северской земли ограничивается указанными выше пределами (см. приложение рис. 2.). Впоследствии основная часть этой области вошла в этническую территорию украинского народа.

Термин «севера», «Северская земля», встречающийся в источниках XIV – XVII вв., не вполне соответствует Северской земле VIII – X вв. В то же время выявленная нами область, где источники упоминают севрюков XV – XVII вв.[22], в значительной мере совпадает с ареалом распространения роменских памятников, что, несомненно, свидетельствует о непрерывно сохраняющейся этнокультурной самобытности населения Северской земли вплоть до XVIII в.

На основании отрывочных сведений о Северской земле в источниках XIV – XV вв. сложно реконструировать ее территориальные границы. Однако постоянство этого топонимического образования и его активное бытование в качестве официальной терминологии[23] и после вхождения Северщины в состав Московского государства позволяет обратиться к методу экстраполяции, используя актовый материал XVI – XVII вв., достаточно обширный, в отличие от документального массива предшествующих столетий. Положение Северской земли во время нахождения ее в составе Московского государства (1503–1618 гг.) очерчивается следующими пунктами: Брянск, Гомель, Дроков, Курск, Мглин, Моровск, Новгород-Северский, Почеп, Путивль, Радогощ, Рильск, Стародуб, Трубчевск, Чернигов. Все они существовали и в XIV –XV вв. Данная территория охватывает лишь часть северского этнокультурного ареала, известного по археологическим данным догосударственного и древнерусского периода: кроме Подесенья и Посеймья, к нему принадлежали также бассейны Ворсклы, Псла и верховья Сулы. Таким образом, название «северъ» закрепилось только за теми северскими землями, которые во второй половине XI – первой половине XIII вв. входили в состав Черниговского княжества и не распространилось на Переяславщину: сказались последствия монгольского нашествия и значительного оттока населения с этой территории.

---

[22] Эволюция взглядов на теоретические проблемы этничности в мировой и отечественной науке будет рассмотрена в следующем разделе этой главы.

[23] Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 3–4.

Другой вопрос о самом термине «северъ»: каково его значение и происхождение?

Происхождение названия одного из племен Начальной летописи «севера» пытались объяснить очень давно. В «Описании всех обитающих в Российском государстве народов...» термин «севера» трактуется как «всадники, воюющие на конях», а само племя относится к «славянскому колену», связанному своим происхождением с сарматами (савроматами)[24]. Иногда приводилось объяснение названия «севера» по созвучию со стороной света, но такое толкование большинством исследователей признается неудовлетворительным[25].

Анализируя процесс образования Древнерусского государства, академик Б.А. Рыбаков, в частности, отмечал, что имена племенных союзов в летописи резко делятся на две группы: одни из них образованы как бы по географическому, земельному, признаку (древляне, бужане), другие очень четко образованы по патронимическому принципу (радимичи – от Радима, вятичи – от Вятка), а вот такие названия, как «северъ» и «хорваты», по его мнению, отражают какую-то очень древнюю не этимологизируемую форму. Далее Б.А. Рыбаков обращает внимание на интересное различие обеих групп в географическом отношении: названия первой группы встречаются только в зоне древней славянской прародины, а названия второй группы – в зоне позднейшего расселения, начавшегося в первые века нашей эры[26]. При этом южная граница северы, как она обозначена в летописи, была южной, степной границей Руси и славянских поселений вообще.

В ряде древних письменных источников встречаются названия племен, локализующихся в степном Левобережье Днепра, которые большинством исследователей истории Северской земли так или иначе связывают с летописной северой[27]. Это меланхлены-черноризцы или савроматы Геродота, савиры или савары Птолемея, Стефана Византийского, Приска Паннонского, саврики Певтингеровых таблиц, сообщения Гвидо Равенского о государстве роксоланов, савриков и савроматов в Причерноморье и упоминание Географа Баварского свирян в числе прочих племен. В.В. Мавродин считал, что эти племена были несомнен-

---

[24] Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. IV. С. 233.

[25] Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 195.

[26] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 235.

[27] Голубовский П.В. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1881. С. 3–4; Багалей Д.И. История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882. С. 9–10; Мавродин В.В. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия // Советская этнография. 1954. № 2. С. 39–40; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 340; Стрижак О.С. Сіверяни // Мовознавство. Київ, 1973. № 1. С. 71–76; и др.

но сарматскими[28]. Такое мнение подтверждается и исследованиями лингвистов, которые показали, что гидронимы лесостепного Левобережья «сев» и «сава» могут восходить к восточно-иранскому «seu» – «черный»[29]. К восточно-иранским по происхождению относятся также названия многих рек современной Полтавщины: Ворскла, Псел и его приток Хорол, Снепород – приток Сулы и другие[30]. Это подтверждается и работами немецких исследователей славянских гидронимов М.Фасмера[31] и Х.Крае[32], составившего любопытную карту восточнославянских гидронимов, на которой преобладают иранские (в том числе и на значительной части территории Северской земли) и фракийские водные названия. В.В. Седов видит наиболее приемлемое объяснение племенного названия «севера» в тесных контактах славян с населением лесостепного Левобережья, говорившем на восточно-иранских языках[33]. Но название «севера» известно не только у восточных славян, а также у западных и южных.

Балканский полуостров до появления на нем славян в V в. н.э., как известно, был заселен древними племенами иллирийцев и фракийцев. По свидетельству Константина Багрянородного, в середине VII века вся провинция Византийской империи на Балканах ославянилась и стала варварской. Известно, что среди славянских переселенцев на Балканы были группы склавинов и антов.

Северы бассейна Дуная известны в связи с деятельностью протоболгарского хана Аспаруха – основателя первого болгарского государства на Балканах (680–1018)[34]. Вопрос о связях северы с болгарами Аспаруха заслуживает особого внимания. В конце IV в. н. э. кочевые племена гуннов появились в Крыму и в степях северного Причерноморья. Гунны объединили вокруг себя множество народов: угров, алан, болгар, германцев. По сообщениям Иордана гунны вначале подчинили себе

---

[28] Мавродин В.В. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия. С. 39.

[29] Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 226.

[30] Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963. С. 38–42, 55–58, 61–63, 84.

[31] Vasmer M. Untersuchungen uber die altesten Wohnsitze der Slaven. 1. Die Iranier in Sudrusland. Leipzig, 1923. S. 76. (Правда, в своем последнем большом труде «Этимологический словарь русского языка» М.Фасмер стремился объяснить происхождение почти всех названных выше гидронимов из славянских языков).

[32] Krahe H. Die Struktur der alteuropaischen Hydronimie // Akademie der Wissenschaft und Literatur. Abhandlungen des Geistes und socialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1962. № 5; Idem. Unsere alteste Flussnamen. Wiesbaden, 1964.

[33] Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // Материалы и исследования по археологии СССР (далее: МИА). 1970. № 163. С. 130–131; Он же. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 98–100.

[34] История на България. София, 1954. Т. 1. С. 77; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 172–173.

алан, затем напали на готов. Иордан называет в Причерноморье булгар (болгар) и различные гуннские племена: «...над Понтийским морем места расселения булгар … А там и гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишели надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие – савирами, но места их поселений раздельны ... летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю»[35]. Из сообщений Иордана и Прокопия Кесарийского[36] явствует, что гунны заняли южный берег Крыма после вторжения через Керченский пролив в Тавриду. Но кочевья их простирались за пределы Крыма и достигали степей нижнего Дона, где, очень возможно, и располагались савиры. По сведениям Иордана, гуннские племена имели отдельно места своих поселений (альтциагиры близ Херсонеса), а где находились поселения савиров, Иордан не указал. Савиры, вероятно, не были собственно гуннским племенем, а входили в союз гуннских племен. Они могли быть аланами по происхождению, ведь аланские племена издревле обитали в Приазовье и несколько севернее. Иордан же говорит, что гунны вначале покорили алан, затем готов, т.е. для готов все племена, входившие в гуннский союз, были гуннскими, тем более что и аланские и гуннские племена были кочевыми скотоводами, близкими по образу жизни[37].

Вероятно, в период гуннского владычества значительная часть аланских племен была ассимилирована тюркоязычными племенами или стала говорить на тюркских языках. Характерно, что в ряде тюркских и некоторых кавказских языках термин «са» – «сев» выступает в том же значении «черный», что и в иранских языках «seu» «sevugri» – черные угры, «savardic» – черные сыны, «savr» – наименование современных балкарцев, которые являются потомками черных болгар. В.В. Мавродин считает, что «савиры» и есть «черные болгары», которые «издавна оседали в Северской земле, растворяясь среди местного земледельческого славянского населения, заимствуя его язык»[38]. Не возражая против мнения, что черные болгары могли оседать среди земледельческого населения лесостепного Левобережья, о чем свидетельствуют древние тюрк-

---

[35] Иордан о происхождении и деяниях гетов. Getica / Пер. и комм. Е.Ч. Скрижинской. М., 1960. С. 72.

[36] Там же. С. 90–91; Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 384–388.

[37] Аммиан Марцеллин о кочевых народах Придонья в IV в. н. э. // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М., 1960. С. 54–59.

[38] Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. М.; Л., 1940. С. 36–37; Он же. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия. С. 40.

ские имена черниговских «былей» «Слова о полку Игореве», правомерно задать вопрос – было ли это земледельческое население славянским?

В настоящее время археологами признается достоверно славянской на Левобережье Днепра роменская культура VIII – X вв. В V – VI вв. вряд ли можно говорить о доминирующем славянском населении на Левобережье Днепра, хотя отдельные поселения славян не исключены. Вероятно, к югу от Десны и Сейма, по Суле, Пслу, Ворскле обитало оседлое ираноязычное население, близко соприкасавшееся и смешивавшееся с различными гунно-болгарскими племенами. Часть этого населения была втянута в походы гуннов, болгар и других кочевых народов. Осев в Подунавье, они оказались в тесном соседстве со славянами и со временем славянизировались. Феофан, сообщая о победе Аспаруха, пишет: «...они (болгары) овладели живущими здесь (нижний Дунай) семью племенами славян и поселили северян на восточной стороне в береговых теснинах, а прочих, обложив данью, поселили к югу и западу до самой Аварии»[39]. Феофан отличает северян от «настоящих» славян, называет их отдельно. Видно особое отношение к северянам и победителей-болгар; в отличие от прочих славянских племен, северян не обложили данью. А это очень существенный момент, значит, к ним относились не как к побежденным иноплеменцам, а иначе, можно сказать, «по-родственному». Может быть, севера Днепровская и Дунайская имеют общее имя в связи с общим восточно-иранским (сармато-аланским), а позднее болгаро-аланским субстратом.

Переселенные Аспарухом в район Видина, северы положили начало возникшему в конце X – начале XI в. Северскому или Краевскому княжеству. Впоследствии это территория Валашского государства. Память о северах сохранилась здесь еще в XVIII веке – существовал «бан Северский и Краевский»[40]. Кроме того, известен город Siewierz в Силезии, бывший до конца XVIII в. столицей княжества; в топонимии Польши представлены Siewiersk, Siewierska Gora, Male/Wielkie Siewieruszki[41]. В современной лингвистике существует следующая интерпретация этих фактов: термин «северъ» относится к одному из наиболее архаических славянских этнонимов, которые сформировались в период, предшествовавший распаду праславянского единства и начала миграций представителей отдельных групп славянства; последние и привели к появлению

---

[39] Цит. по: Брайчевский М.Ю. Об «антах» Псевдомаврикия // Советская этнография. 1958. № 2. С. 33.

[40] Мавродин В.В. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия. С. 37.

[41] Slownik geograficzny Krolestwa Polskiego i innych krajow slowianskich. Warszawa, 1889. T. 10. S. 602.

архаичных славянских этнонимов и производных от них топонимов в разных районах славянского ареала[42].

Вскоре после вытеснения дунайских северов с района Преслава на Днепровском Левобережье появляется население, оставившее памятники роменской (северской) культуры VIII – X вв. с г. Переяславом, зафиксированным впервые под 907 г. Исходя из этого, а также на основании данных топонимии и гидронимии, О.С. Стрижак выдвигает предположение, что название «севера» появилось на Балканах в связи с движением протоболгар за Дунай. Носители этого наименования, вероятно, вскоре ославянились. Под давлением завоевателей племенное объединение северов раскололось и дало начало одноименным племенам в бассейнах Десны, Вислы и Дуная[43].

Высказывая такое предположение, Стрижак нисколько не отрицает господствующей тенденции движения славян на юг, но подчеркивает, что это бурное движение не было однородным, а само название реки «Десна» указывает на поступательное движение славян в этом районе не с севера на юг, а с юга на север, что отмечал еще А.А. Шахматов.

Думается, что предположения О.С. Стрижака о происхождении названия «севера» и о генетическом родстве дунайских северов и северов бассейна Десны-Сейма-Сулы не лишены основания. Правда, название реки Десна вряд ли может служить аргументом, особенно для лингвиста. В настоящее время далеко не все лингвисты разделяют мнение о славянском происхождении названия Десна. Сам по себе факт, что левый приток Днепра назван правым, вызывает сомнение. Вероятно, древние славяне не хуже нас знали, в каком направлении текут такие крупные реки, как Днепр и Десна, и не допустили бы такой грубой ошибки. В.П. Петров рассматривает название реки Десна как двухчленный гидроним «Де-сна», где вторая часть восходит к балтийской лексеме со значением «река»[44]. Согласно археологическим данным, дославянское население лесной полосы Левобережья, вероятнее всего, было балтским.

В.В. Мавродин также приводит сведения из «Хронографа» Феофана, согласно которым ряд гидронимов и топонимов в Добрудже, где в VII веке известны северы, аналогичны названиям некоторых рек и населенных пунктов на территории восточнославянских северов[45]. Правда, основная концепция о связи дунайских и днепровских северов

---

[42] Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48–67; Хасбургаев Г.А. Указ. Соч. С. 203–205; 210–212.

[43] Стрижак О.С. Сіверяни. С. 71–76.

[44] Петров В.П. Етногенез слов'ян. Київ, 1972. С. 57–58.

[45] Мавродин В.В. К вопросу об «антах» Псевомаврикия. С. 38.

у В.В. Мавродина иная, чем у Стрижака. Он сторонник очень древнего освоения славянами Левобережья Днепра и считал, что «северяне на Дунае являются выходцами из земель восточнославянских северян». В то же время Мавродин не отрицал возможности обратного движения северян с юга на север[46], но считал древнюю северу славянами, которые продвигаясь на юг в гуннское время, «тюркизировались», а затем, в послегуннское время, это тюркизированное население снова было оттеснено на север, где растворилось в массе славян. Это построение Мавродина выглядит несколько искусственно, хотя рациональное зерно в нем есть. Как свидетельствуют археологические материалы, древнейшим населением (дославянским) лесостепного Левобережья были ираноязычные племена (зольничная культура «скифов-пахарей»). На севере они тесно соприкасались с населением деснинской (юхновской) культуры; на юге, несомненно, имели контакты со своими кочевыми соседями. Начиная с IV в. кочевники сарматы проникают в область между Доном и Днепром[47]. Возможно, в гуннское время то население было зависимо от каких-то кочевых племен, а его древняя знать происходила как раз из среды «савиров»-черных болгар, которые оставили о себе память в названии Чернигова, в курганах со срубными погребениями IX – X вв. на Черниговщине, в легендах о Черной Могиле, о князе Черном и княжне «Чорне», в именах черниговских «былей». В «Слове о полку Игореве» приводятся имена черниговских «былей»: Могутов, Татранов, Шельбиров, Топчаков, Ревугов, Ольберов. Это древние тюркские имена, которые носило старое черниговское боярство, происходившее из обрусевшей знати черных болгар. Термин «быль» встречается еще в унгуро-орхонских надписях в смысле «сановник», «вельможа». В том же значении известен этот термин в Дунайской Болгарии и в Венгрии[48].

По всей видимости, часть населения, известного по письменным источникам под именем савиров-северов, приняла участие в движении протоболгар на Дунай, где со временем растворилась в славянской среде. Севера лесостепного Левобережья тоже со временем славянизировалась – с VII века восточнославянские племена начинают активно продвигаться по Десне, в верховья Днепра, а затем осваивают лесостепные районы Левобережья. Вполне возможны и обратные движения каких-то групп северы с Дуная на Левобережье Днепра, как предполагает О.С. Стрижак. Но это были, вероятнее всего, отдельные группы, может быть

---

[46] Там же. С. 37, 41.

[47] Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. М.; Л., 1961. № 104. С. 349–352.

[48] Слово о полку Игореве . М.; Л., 1950; Мавродин В.В. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия, С. 40; Он же. Очерки истории Левобережной Украины. С. 36–37.

дружины воинов, но не масса земледельческого населения. Эти наиболее подвижные и активные элементы общества часто как бы определяли внешний облик целых племен и народов, особенно для иноплеменников. Не случайно в «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» название севера толкуется как конные всадники, воинственное племя, хотя это относится, по-видимому, только к незначительной части древней северы, давшей название нескольким объединениям, в том числе и племенному союзу восточных славян. В связи с таким толкованием следует отметить, что персидское «sevar – sevor» значит «верховой всадник», «конник», а турецкое «savar» – «всадник»[49]. Возможно, земледельческое население при первых столкновениях с кочевыми племенами так именовало всех кочевников. Так, в частности, Константин Багрянородный говорит, что древнее имя турков савары[50]. При этом следует иметь в виду, что Константин Багрянородный, а также Феофан называли турками не собственно тюрок, а мадьяр (угров), так как они усвоили тактику действительных тюрков и применяли ее в военных действиях[51]. Все это свидетельствует об определенной условности этнонимов, известных нам из древних письменных источников. Но как бы не толковали лингвисты происхождение названия «севера» – от иранского «seu» или «sevar-sevor» – для нас важно то, что происхождение этого наименования очевидно связано с сармато-аланским или алано-болгарским населением. Следует заметить, что усвоение этносом иноязычного этнонима не является исключительным явлением. Можно считать бесспорным участие ираноязычного субстрата в историко-этнических процессах первой половины I тыс. н. э. на днепровском Левобережье. Убедительной выглядит гипотеза об иранском происхождении названия «северъ», ставшее самоназванием группы славян, носителей роменской культуры, которые расселились в VIII в. н. э. на Левобережье Днепра «…по Десне, и по Семи, и по Суле».

2.2. Летописная севера

Племена восточных славян, известные нам по картине «Повести временных лет», были уже далеко не первобытными объединениями как по своему социально-экономическому уровню, так и по этническому

---

[49] Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С 182; Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. 1949. Т. 11. С. 52–53.

[50] Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Известия Государственной академии истории материальной культуры (далее: ГАИМК). М.; Л., 1934. С. 17.

[51] Там же. С. 51.

составу[52]. Это были союзы племен, образование которых исследователи относят ко времени не позднее VI в. н.э.[53] С этого времени имеются сообщения о племенных объединениях восточных славян у древних авторов[54]. Окончательной кристаллизации племенных объединений предшествовал длительный период исторического развития, в ходе которого славянские племена, расселявшиеся в различных направлениях[55], сталкивались с местным населением и вступали с ним в определенные взаимодействия.

Еще А.А. Шахматов пытался доказать, что в обзор летописца попали не все племена, существовавшие у восточных славян[56]. Тот же факт, что известные по летописи племенные объединения формировались из более мелких племен, сейчас мало у кого вызывает сомнение[57]. В источниках по истории западных славян этот процесс хорошо прослеживается[58]. Исторические источники восточных славян не сохранили ни одной локальной группы. Вероятно, это связано с тем, что у восточных славян племенные союзы образовались раньше, чем у западных, и ко времени составления Киевского летописного свода названия этих мелких племен были полностью утрачены.

Все сказанное выше в определенной мере характерно и для летописной северы. К концу I тыс. н.э. севера, по-видимому, представляла собой племенное объединение, характеризуемое Д.Т. Березовцом как «территориальная, а возможно, и политическая организация этнически родственного населения с признаками имущественного неравенства, отделившейся родовой знатью, с военным предводителем – князем»[59].

Вероятно, прав был П.В. Голубовский, считая, что летописец определяет по Десне, Сейму и Суле территорию собственно северы, то есть племени, ставшего ядром Северского племенного союза и давшего имя этому союзу, а впоследствии и княжеству. С этой точки зрения пересмотр и уточнение границ расселения северы Б.А. Рыбаковым и другими исследователями вполне правомерен. Но область Северского племенного союза, как политического объединения, была, видимо, зна-

---

[52] Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 3; Он же. По следам древних славянских племен. Л., 1982.

[53] Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 20.

[54] Иордан о происхождении и деяниях гетов. Getica / Перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. М., 1960; Menandri. Frag.50; Z.Dindorf. Historici graci minores. 11. 1891 // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 81.

[55] Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 7.

[56] Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919. С. 34.

[57] Ловмяньский Г. Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 9.

[58] Любавский М.К. История западных славян. М., 1918. С. 19–21.

[59] Березовець Д.Т. До питання про літописних сіверян.

чительно шире границ, указанных летописцем, и включала в себя разноэтничные группы населения.

Чтобы выяснить, на какой основе и примерно когда сложилось племенное объединение, известное под названием «севера» и давшее имя краю – Северская земля, необходимо прежде всего обратиться к данным археологических исследований.

Бесспорно, раннеславянской культурой на территории Восточной Европы считают поселения и могильники типа Корчак (VI – VII вв. н.э.) и Лука Райковецкая (VIII – IX вв.) с керамикой пражского типа, известной на значительной территории Средней и Восточной Европы[60]. Для формирования культуры Прага-Корчак в пограничье балто-славянского мира особое значение, по мнению ряда современных археологов (М.Б. Щукин, Г.С. Лебедев, Д.А. Мачинский, Ю.М. Лесман), имело противостояние славян и Византии на Дунае[61]. Славяне выделились из балто-славянской общности, столкнувшись с Византией, выйдя «из лесов и болот» на «исторические рубежи». Культура Прага-Корчак считается самой ранней достоверно славянской не только потому, что ее дата VI – VII вв. «совпадает» с первыми письменными известиями о славянах, а потому, что археологически прослеживается ее связь с последующими достоверно славянскими «историческими» культурами Средней и Восточной Европы, чего нельзя сказать о предшествующих ей культурах (черняховской и др.). Распространение этой культуры на широких пространствах Центральной и Восточной Европы, от Эльбы и Дуная до Среднего Поднепровья, соответствует данным письменных источников о расселении славян, которое действительно можно назвать демографическим взрывом[62].

По мнению исследователей, ареал архаичной славянской гидронимии совпадает с ареалом памятников типа Корчак[63], локализующихся на правобережье Припяти и Среднего Днепра. В области левобережья Среднего Днепра, в Подесенье и в Верхнем Поднепровье памятники типа Корчак неизвестны[64].

На территории Северской земли в течение 1 тыс. н.э. прослеживается несколько археологических культур: в северных районах – заруби-

---

[60] Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. (Культура пражского типа). М., 1976. С. 12,14, 54; Она же. О ранней дате памятников пражского типа // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 139. Карта.

[61] Славяне. Этногенез и этническая история // Междисциплинарный сборник. Л., 1989.

[62] Топоров В.Н. К реконструкции древнейшего состояния праславянского // X Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1988. С. 276–278.

[63] Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 270, 273; Седов В.В. Из истории восточнославянского расселения // КСИА АН СССР. 104. 1965. С. 6.

[64] Русанова И.П. Славянские древности VI – VII вв. С. 14 (карта).

нецкая и связанные с ней памятники типа Тушемли-Колочин, в южных – черняховская, волынцевская и известные на всей территории Северской земли роменские и древнерусские памятники. Отношение этих культур друг к другу не во всем ясно. Споры и разногласия археологов вызывают многие вопросы; в частности, вопрос об этнической принадлежности названных археологических культур.

Некоторые археологи и лингвисты долгое время связывали и связывают зарубинецкую археологическую культуру с именем древних славян[65]. Так, академик Б.А. Рыбаков видит в носителях зарубинецкой культуры праславянское земледельческое население («скифов-пахарей» или «сколотов» Геродота), которые вынуждены были продвинуться в лесную зону в результате нашествия сарматских (иранских) племен в III в. до н.э. – I в. н.э.[66] Немецкий археолог А.Хойзлер в вопросе о соотношении местного и пришлого населения на территории днепровского Левобережья, а также в нижнем течении Десны, отдавал предпочтение последним и склонен был именовать зарубинецкую культуру «первой истинно славянской», считая бездоказательными утверждения советских археологов о решающей роли местных, субстратных элементов в этнической атрибуции зарубинецкой культуры[67]. Однако некоторые отечественные исследователи относят носителей зарубинецких древностей к дославянскому населению. В.В. Седов, выдвинувший в свое время предположение о западнобалтской принадлежности носителей зарубинецких памятников, в последующем высказывается об этнической принадлежности носителей зарубинецкой культуры более осторожно. Он полагает, что зарубинецкое население в языковом отношении было близко и к славянам, и к западным балтам, а в зависимости от исторических обстоятельств оно могло стать и балтами, и славянами[68]. Связанная с зарубинецкими памятниками культура Верхнего Поднепровья и Подесенья третьей четверти 1 тыс. н.э. определяется исследователями как дославянская[69].

Конечно, говоря о носителях той или иной археологической культуры, нельзя не учитывать некоторую условность определения этнической принадлежности археологических культур. Так, об этнической принадлежности носителей черняховской культуры существует очень много

---

[65] Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1956. С. 219, 220, 229; Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. (Историко-диалектологический очерк). Л., 1972. С. 24.

[66] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. С. 8–10.

[67] Hausler A. Zu den sozialokonjmischen Verhaltnissen in der Zarubincy-Kultur // Zeitschrift fur Archeologie. Berlin, 1986. № 20. S. 145–170.

[68] Седов В.В. Балты и славяне в древности (1 тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов. Рига, 1977. С. 11–12; Он же. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 77.

[69] Русанова И.П. Славянские древности VI – VII вв. С. 82–84.

разногласий среди исследователей, часто высказываются прямо противоположные точки зрения. Ю.В. Кухаренко придерживается того мнения, что черняховская культура по своей основе является культурой скифского населения. В то же время он не отрицает, что известную роль в сложении этой культуры сыграли славяне, готы и сарматы, вливавшиеся в среду скифского населения, но, по его мнению, это не было решающим: черняховская культура могла и должна была возникнуть без участия славян, готов и сарматов. В.И. Бадзиля считает этнической основой черняховской культуры древнеславянское население. По его мнению, анты наиболее соответствуют в археологическом проявлении основному ядру носителей этой культуры. И.И. Ляпушкин полностью отрицает преемственность между черняховской и последующей северской культурой, считая их совершенно различными, не имеющими никаких признаков преемственности[70].

Славянская культура второй половины 1 тыс. н.э., последовавшая за черняховской, выглядит в некотором отношении более примитивной[71], что и вызывает множество сомнений исследователей и мнений о «таинственном исчезновении» носителей черняховской культуры. Несомненно, что население лесостепной зоны Левобережья Днепра в середине 1 тысячелетия пережило события, нарушившие его нормальную жизнь.

Эпоха Великого переселения народов явилась важной гранью для всех европейских народов. Историки оценивают ее как своеобразный рубеж Античности и Средневековья[72]. Вторжение гуннов в IV в. наиболее губительно сказалось на населении, оставившем памятники черняховского типа. Черняховская культура исчезает в конце IV в. в связи с переселением соперничавших племен гуннов, готов и ругов-росомонов на Дунай, где возникает многоэтничное гуннское государство. После его распада в конце V в. часть гуннов и ругов отступят назад к Черному морю и Днепру (культура «пальчатых фибул», характерная для Подунавья). Б.А. Рыбаков свяжет культуру «пальчатых фибул» в Среднем Поднепровье с древними русами, поскольку область ее распространения здесь совпадает с границами «Руси» в узком значении этнонима. Следы той же культуры отметят археологи в Восточном

---

[70] Кухаренко Ю.В. Восточная Европа в эпоху кризиса рабовладельческой системы // Очерки истории СССР (III – IX вв). М., 1958.С. 64; Бадзиля В.И. Этническая карта Восточной Европы первой половины 1 тысячелетия н.э. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 28; Ляпушкин И.И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н.э. Днепровского лесостепного Левобережья // Советская археология. 1950. № 13. С. 25.

[71] Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. 1968. № 152. С. 25–26, 49.

[72] Отечественная история: Сб. типовых программ для пед. высш. учеб. заведений: В 2 ч. М., 1999. Ч. 2. С. 11.

Крыму и на Таманском полуострове, где позднее также будет известен этноним «русь» (Русь Тмутараканская, связанная особыми узами с Чернигово-Северской землей).

Один из специалистов в области сравнительного языкознания украинский археолог В.П. Петров считает, что вопреки общераспространенному мнению о «гуннском разгроме», якобы послужившем гибелью черняховской культуры, свидетельства Иордана говорят о противоположном – именно гунны поддержали антов в борьбе с готами. Петров считает, что разрушительным для населения, оставившего памятники черняховской культуры, было не гуннское, а аварское вторжение[73]. Нам думается, что временный военный союз отнюдь не отрицает разрушительных последствий вторжения гуннов, а затем авар для «черняховского» населения, как и не утверждает полного исчезновения или истребления этого населения. Часть его, возможно, погибла, часть влилась в поток завоевателей, но какая-то часть, безусловно, осталась на прежних местах. Происходили перегруппировки племен, военные союзы возникали и распадались, главная роль в жизни региона переходила от одних к другим племенным объединениям, но значительная часть прежнего населения, вероятнее всего, сохраняла свой жизненный уклад и оставалась на своих местах, особенно оседлое земледельческое население.

Вопрос об этнической принадлежности черняховской культуры, по-видимому, нельзя решать категорично. Черняховская культура явление сложное, область распространения ее памятников значительна, и, несомненно, здесь обитали различные по этнической принадлежности группы населения, находившиеся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития. А сходные условия жизни, тесное общение между собой и влияние провинциально-римского мира оказали определенное нивелирующее действие на их культуру. В этом смысле и говорится об условности определения этнической принадлежности той или иной археологической культуры. Лесостепное Левобережье Днепра было периферийной областью черняховской культуры, ощутимее всего воспринимавшей все движения кочевого мира, и, естественно, этническая картина была здесь еще более многослойной и сложной, чем в Днепро-Днестровском междуречье – основной территории распространения черняховских памятников[74].

В VIII – X вв. по рекам Десне, Сейму, Суле, Ромну, Пслу, Ворскле и на речке Уды (правый приток Северского Донца) известны памятники роменского типа[75], которые большинством исследователей отождеств-

---

[73] Петров В.П. Етногенез слов'ян. Київ, 1972. С. 25–26, 49.

[74] Винокур І.С. Історія та культура черняхівських племен. Київ, 1972. С. 161.

[75] Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. № 104. М.; Л., 1961. С. 192, рис. 88. С. 217.

ляются с летописной северой. Наиболее густо поселения роменского типа расположены по берегам Сейма, Псла, Ворсклы, Сулы, Ромна. Вопрос о происхождении роменской археологической культуры остается дискуссионным. Значительные разногласия существуют по вопросу ее генетической связи с предшествующими и последующими памятниками, но все исследователи сходятся во мнении, что своими корнями роменская культура уходит в общеславянский мир (И.И. Ляпушкин, В.В. Седов, Г.Ф. Соловьева, П.Н. Третьяков, Д.Т. Березовец и др.). Связь роменской культуры с юго-восточной группой раннего славянства (культура пражского типа) представляется В.В. Седову бесспорной[76]. Когда археологические исследования действительно демонстрируют культурно-историческую общность группы памятников, связанных не только общими признаками материальной культуры (тип жилища, утварь, хозяйственные занятия и т.п.), но и собственно культурной традицией – прежде всего, погребальным обрядом, то связи этих памятников, особенно в догосударственную эпоху, можно признать этническими. Это относится к культуре пражского типа[77] и роменской культуре. Таким образом, роменские памятники – древнейшие достоверно славянские археологические памятники на территории летописной северы (что отнюдь не значит полного отсутствия славянского или праславянского населения на этой территории в более древние времена).

Как свидетельствуют данные археологии и лингвистики, славянское население стало доминирующим в Подесенье и на Левобережье Среднего Днепра несколько позже, чем на Правобережье Среднего Днепра[78]. По всей видимости, древние славяне, продвигаясь в область днепровского Левобережья, столкнулись там с балтским населением (к северу от Сейма) и с населением, говорившим на языках восточно-иранской группы, возможно, частично тюркизированным (к югу от Сейма)[79]. Подтверждается такое предположение изучением гидронимии этого района, в частности, картографированием гидронимов по происхождению[80]. Таким образом, в результате сложного и длительного взаимодействия славянских племен с неславянскими племенами сложилось население древней Северской земли.

---

[76] Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 133.

[77] Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 13–14.

[78] Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 133; Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С 270, 273.

[79] Седов В.В. Длинные курганы кривичей // Археология СССР. Вып. Е 1–8. М., 1974. С. 130.

[80] Словник гідронімів. Київ, 1979.

В современной исторической литературе этнонимы «Повести временных лет» традиционно интерпретируются как названия племенных объединений или союзов племен. До образования Древнерусского государства у восточных славян существовало 14 племенных объединений: поляне, бужане, дулебы, уличи, тиверцы, древляне, вятичи, радимичи, севера и др. Появление союзов племен связано с глубокими внутренними процессами, происходившими в жизни славянского общества в середине I тыс. н.э. Восточнославянские племена переживали кризис первобытно-общинных отношений. Родоплеменная организация изжила себя в целом и была обречена на гибель. Образование союза племен означает уже начало ее разрушения[81]. Союзы племен, а летописная севера, по всей видимости, была племенным союзом, представляют территориальные объединения и выполняют политические функции, хотя основой их остаются все же родоплеменные связи. Это своеобразные предгосударственные образования – племенные княжества.

Материалы роменской археологической культуры (городищ и курганных могильников) подтверждают сведения летописца о культурно-этнографической самобытности восточнославянских «племен»: «имяху бо обычаи свои и закон отец своих, и преданья, кождо свой нрав»[82]. Установленная по археологическим данным специфика погребальной обрядности северы – погребение останков трупосожжения на стороне в урнах, помещенных в верхней части кургана, – полностью соответствует летописным сведениям об обряде погребения: «Аще кто умряху, творяху трызну над ним, и посемь творяху кладу велику, и взложаху и на кладу, мертвеца сжьжаху, и по семь, собравше кости, вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех»[83]. К этнографическим признакам северы обычно относят широко известные по археологическим материалам височные украшения в виде спиральных колец.

В первобытную эпоху общность культуры была характерна для крупных этнических единиц, охватывающих несколько родственных племен[84]. Однако эта общность не исключала локальных вариантов. Славянские племена или их какие-то части в результате миграций зачастую оказывались в иной, непривычной для них природно-климатической среде. В силу этого они могли усваивать материальную культуру местных жителей, адаптированную к местным условиям. При отсутствии же местных устойчивых традиций (например, при освоении

---

[81] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 99.

[82] Лаврентьевская летопись. Ст. 13.

[83] Там же. Ст. 14.

[84] Златковская Т.Д. Об этнических общностях и этнических процессах в доклассовой и раннеклассовой эпохах (О книге Ю.В. Бромлея «Этнос и этнография». М., 1973) // Вестник древней истории. М., 1974. № 2 (128). С. 186.

свободных территорий) они также могли внести существенные изменения в свою прежнюю материальную культуру, исходя из того, что им предлагала для выживания местная природа. В зависимости от климата, ландшафта, наличия того или иного строительного материала, особенностей почвы, близости или удаленности крупных рек и озер могли меняться способы строительства жилья, изготовления посуды, орудий труда, манера одеваться, методы обработки почвы, тип хозяйства и т. д. Но носители этой новой материальной культуры по-прежнему оставались славянами, поскольку сохраняли «словенск язык» и все то, что составляло в то время славянскую культуру в широком смысле этого слова, сохраняли свое этническое самосознание.

Таким образом, археологи, выделяя специфические особенности материальной и духовной культуры северы (тип поселений и жилищ, погребальный обряд, особенности изготовления и оформления керамики и прочее)[85], в то же время отмечают локальные варианты культуры. Это, вероятно, свидетельствует о существовании в составе Северского племенного союза каких-то более мелких единиц, проследить которые археологически довольно трудно[86] в силу большой степени их интеграции в рамках этого племенного объединения. Локальные группы, создавшие Северский племенной союз, в процессе своего развития, видимо, теряли специфические черты, названия их в летописи не упоминаются. Летописец знает их под общим именем «севера».

Характеризуя по этнографическим материалам развитие этнического самосознания «...на первой стадии распада первобытного общества», В.Ф. Генинг не без основания приходит к выводу, что именно в этот период появляются представления об общности, выходившей за рамки племени; при этом процесс этнической консолидации сопровождается распространением единого этнонима для каждой такой общности[87]. Так и название «севера» распространяется на все племена, входившие в Северский племенной союз.

История формирования северского племенного союза связана с полукочевым населением степей: сармато-аланским, а позднее алано-болгарским по своему этническому составу. Примерно в VII – VIII вв. н.э. на юго-восточных рубежах Северской земли обитало население со

---

[85] Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. С. 215–316; Березовец Д.Т. Северяне. С. 10–14; Сухобоков О.С. Славяне Днепровского Левобережья: Роменская культура и ее предшественники. Киев, 1975. С. 23–86.

[86] Соловьева Г.Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII – XIV вв. (вятичи. радимичи, северяне) // Советская археология. 1956. Т. XXV. С. 166; Сухобоков О.С. Население Днепровского Левобережья во второй половине 1 тысячелетия н.э. // Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1972. С. 23; Он же. Славяне Днепровского Левобережья… С. 147.

[87] Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970. С. 96–97; Петрухин В.Я. Указ. Соч. С. 9.

своеобразными чертами культуры. Памятники этой группы исследователи объединили в особый «волынцевский», или «битицкий» вариант славянской культуры. Согласно одной точке зрения – волынцевские памятники представляют вариант роменско-борщевских и синхронны им; согласно другой – принадлежащие различным славянским племенам. В.В. Седов видит в носителях древностей волынцевского типа ославяненных потомков местного населения, родственного салтовским племенам[88].

Сравнительное изучение памятников волынцевского и роменского типов и прежде всего керамики, позволило археологам говорить не только о каких-то взаимоотношениях между населением названных групп памятников[89], но также и об участии иноэтничных элементов в формировании северского племенного союза[90]. С другой стороны, археологические материалы позволяют исследователям говорить о славянском движении в область распространения памятников салтовской культуры (VIII – IX вв.), в основу которой легла сармато-аланская культура[91]. Продвижение славян шло вниз по течению основных рек Подонья: Дону, Осколу, Северскому Донцу. Вероятно, и эпитет «северский» получен именно в это время (IX в.) активного движения славян на юг, а также русский уменьшительный суффикс «ец» в самом восточноиранском названии реки[92]. Поэтому можно предположить, что племенной союз левобережных славян, сложившийся на основной территории распространения роменской культуры VIII-X вв. получил название «севера» по самоназванию одной из групп славян, носителей роменской культуры, которые расселились в VIII в. на Левобережье Днепра. Колонизационное движение славян в VI-VII вв. шло как в южном, так и в северо-восточном направлении от «прародины». Возможно, что некоторые союзы племен расщеплялись и часть оставалась на старом месте, а часть заселяла новые земли. В пользу этого свидетельствуют повторяющиеся в разных регионах названия: севера на Десне и Сейме и северы на Нижнем Дунае; дреговичи на Припяти и драговиты на Балканах на р. Быстрице и т.п.

Само ядро территории северы («по Десне и по Семи и по Суле») также представляло собой землю, населенную различными племенами,

---

[88] Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 129; Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волынцевского типа // Советская археология. Т. XXIX – XXX. 1959. С. 58–83; Смиленко А.Т. Этнокультурная карта Восточной Европы второй половины I тысячелетия н.э. // Становление раннефеодальных славянских государств. С. 34.

[89] Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII – IX вв. // Советская археология. 1962. № 1. С. 91–93.

[90] Сухобоков О.В. Население Днепровского Левобережья во второй половине 1 тыс. н.э. С. 23.

[91] Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 185.

[92] Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен... С. 91.

соединенными в единый, компактный Северский союз, на севере и северо-западе впитывающий в себя радимические и вятические поселения. Границы здесь неопределенные, радимическое население проникает в земли северы и наоборот. В несколько меньшей мере намечается этот процесс по отношению к вятичам, что обусловлено воинственностью вятичей и их обособленностью[93]. Не зря летописец отмечает близость обычаев и образа жизни соседних племен радимичей, вятичей и северы: «И радимичи, и вятичи, и северъ один обычай имяху...». Но, как следует из слов того же летописца, «си же творяху обычая кривичи и прочии погании, не ведуще закона божия, но творяще сами собе закон», то есть речь идет не о каких-то специфических особенностях культуры и быта общих для названных племен, а о сохранении языческих обычаев, распространенных у всех восточных славян до принятия христианства (умыкание невесты, многоженство, весенние игрища, обычай тризны по умершему и пр.). С другой стороны, культура славянских племен второй половины 1 тысячелетия н.э. на всей славянской ойкумене в общих чертах была сходной[94], а тем более сходны культуры соседних славянских группировок, какими были севера, радимичи и вятичи.

В летописи записано: «И по сих братьи держати почаша родъ ихъ княженье в полях, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словене в Новгороде, а другое на Полоте; иже полочане. От нихъ же кривичи... Таже северъ от нихъ», то есть кривичи происходят от полочан и от них же (полочан) происходит севера. Но в той же Повести временных лет под 862 г. говорится, что «перьвии насельници... в Полотьски кривичи». В других местах летописи полоцкие князья называются кривичскими[95]. Таким образом, согласно летописи, полочане были локальной группой кривичей, или теми же кривичами, но имеющими свое княжение. Упоминание о севере в данном контексте может свидетельствовать о движении славянского населения в пределы Северской земли с запада и о связи этого населения с славяно-росами, жившими вдоль южного побережья Балтийского моря[96]. В.В. Седов в работах, посвященных кривичским древностям[97] второй половины I тысячелетия н.э., показал, что кривичское население пришло на территорию Псковщины не с Поднепровья, как считалось ранее, а с запада. Кривичи (а также нов-

---

[93] Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 59.

[94] Арциховский А.В. Культурное единство славян в средние века // Советская этнография. 1946. № 1.

[95] Воскресенская летопись под 1129 и 1162 гг. // ПСРЛ. Т.VII. 1856. С. 28, 67; Ипатьевская летопись под 1140, 1162 гг. // ПСРЛ. Т. п. 1843. С. 15, 91.

[96] Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. М., 2000. С. 215–217.

[97] Седов В.В. Кривичи // Советская археология. 1960. № 1. С. 47–62; Длинные курганы кривичей. С. 39–70.

городские словене) связаны своим происхождением не с юго-восточной, а северо-западной (венедской) группой раннего славянства. В работах конца 80-х гг. польский археолог В.Хензель настоятельно подчеркивает, что самостоятельные очаги рождения новых этнических общностей, в частности славян, были «и на востоке, и на юге, и на севере»[98].

Антропологическое изучение могильников Северской земли не противоречит гипотезе о культурном и генетическом вкладе разноэтничных элементов в формирование славянского населения Левобережной Украины. Согласно данным антропологии, восточнославянская антропологическая основа имеет восточноевропейское, местное происхождение. Уходя своими корнями, возможно, в неолитическую эпоху, она сформировалась на протяжении тысячелетних этнических взаимодействий, смешений и ассимиляций[99]. Конечно, сами по себе антропологические данные не могут служить определению этнической принадлежности того или иного населения, особенно в пределах одной из больших рас. И тем более очевидно, что чистый племенной тип – явление исключительное. Однако в ряде случаев, используя комплексные данные археологии, антропологии, лингвистики и этнологии, можно выявить тот этнический компонент, который впитали в себя восточнославянские народы.

По мнению украинского антрополога В.Д. Дяченко, население Репкинского и Городнянского районов современной Черниговской области представляет собой в антропологическом отношении прямой переход к восточно-балтийскому типу[100].

Сравнительные серии могильников роменской и салтово-маяцкой культур говорят о сходстве черепов из некоторых погребений первой с сарматским типом. Вероятно, какая-то часть потомков сармат – яс, алано-болгар, создавших на южной окраине Северской земли салтово-маяцкую культуру, впоследствии под ударами кочевников продвинулась на север и, смешавшись с местным славянским элементом, привнесли в него и некоторые специфические черты физического облика. Вполне возможно, что это результат более ранних контактов славян с ираноязычными соседями. Так, один из наиболее авторитетных современных лингвистов О.Н. Трубачев, изучающий проблему Причерноморской (Приазовской) Руси, видит в ней реликт индоарийских пле-

---

[98] Henzel W. On the Methods of Studies on the Ethnogenesis and Topogenesis of the Slavs // Archeologia Polona. Warszawa, 1988. T. XXVII. P. 209–211.

[99] Дьяченко В.Д. Антропологический состав украинского народа в связи с некоторыми вопросами его этногенеза. М., 1961; Он же. Антропологічний склад українського народу. Київ, 1969. С. 105–110; Алексеев В.П. Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965. С. 269.

[100] Дяченко В.Д. Антропологічний склад українського народу. Київ, 1969. С. 76, 106, 120, 121.

мен, населявших Северное Причерноморье во II тыс. до н.э.[101] Позднее (X – XII вв.) на юге и юго-востоке Северской земли появляются тюркские кочевые племена, смешивающиеся с местным населением. Это черниговские коуи, переяславские торки, половцы.

Из всех компонентов культуры в широком смысле этого слова язык обладает наиболее отчетливо выраженными этническими функциями. Неслучайно во многих памятниках древнерусской письменности, включая «Повесть временных лет», понятие «народ» обозначается словом «язык»: «А се суть инии языци, иже дань дають Руси»; «Югра же людье есть языкъ немъ, и седять с Самоядью на полунощных странах»[102]. По мнению специалистов в области истории русского языка, старшим значением слова «язык» на славянской почве было именно «речь», то, что связывает людей, соединяет их в народ, в племя и просто «народ», «племя»[103]. Такое словоупотребление отражает то этнологическое представление, по которому язык считается ведущим признаком народа. Однако язык, являясь важным фактором этнического сплочения племен, в первобытно-общинную эпоху еще не играл роли важнейшего этнического разграничителя. Этническая роль языка возрастает с переходом к эпохе классовых обществ, чему в немалой степени способствует появление письменности.

Для выяснения вопроса об этнической принадлежности северы, необходимо определить ее языковую принадлежность. Из современных диалектов бывшей Северской земли представляют интерес лишь наиболее архаические диалекты, которые в какой-то мере сохранились целостными с древнейших времен и позволяют в известной степени судить о языке древнейшего населения. Это говоры «горюнов»[104] и северско-белорусские, названные так исследователем этого края П.А. Расторгуевым[105].

Границы диалектов не совпадают с границами племенных языков, так как диалекты явление более позднее, чем племена. Равным образом диалекты не совпадают с племенными языками. Можно, анализируя первые, найти лишь некоторые специфические черты вторых[106]. Большинство лингвистов, исследовавших индоевропейские языки (Ягич, Потебня, Огановский, Крымский), причисляли северу к украинцам и считали архаический североукраинский диалект, диалект полещуков

---

[101] Трубачев О.Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997.

[102] Повесть временных лет // ПСРЛ. Т. 1. С. 11, 235.

[103] Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1994. С. 468.

[104] Халанский М. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904. С. 29.

[105] Расторгуев П.А. Северско-белорусский говор. Л., 1927. С. 201–206.

[106] Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 67.

Черниговщины, остатком языка летописной северы. А.А. Шахматов считал язык северы южнорусским, а саму северу причислял к среднерусским племенам. А.И. Соболевский сближал древнекиевский говор с языком северы и считал остатками последнего говоры западной части Курского края и, в частности, говор «горюнов», имеющий много общего с белорусским[107].

В.В. Мавродин склонен считать жителей севера Черниговщины потомками летописной северы, прошедшими определенный путь смешений, скрещений и трансформаций. Прежде всего, он констатирует, что население с архаическими диалектами в Северской земле – это население не было в полном смысле слова ни украинским, ни русским, ни белорусским. «Оно было северянами»[108].

Мы знаем о языке летописной северы только то, что язык ее, как и язык полян, древлян, вятичей, радимичей и других, названных летописцем славянских племен, представляет собой «словенск язык в Руси». На основании изучения современных диалектов, которые в той или иной мере связываются учеными с языком северы, можно лишь примерно судить о некоторых его особенностях. Сам же этот язык является предметом дальнейших разысканий исследователей.

Мы рассмотрели летописную северу как один из союзов племен, существовавших у восточных славян в конце первобытной эпохи. Союзы племен представляют собой социально-этнические единицы развитого первобытного общества, обладавшие относительной автономией, определенной культурной общностью и сознанием единства[109]. В то же время союзы племен далеко не всегда складывались из однородных в этническом отношении локальных групп, что видно на примере Северского племенного объединения.

Севера как племенное объединение, несомненно, была социально-этнической единицей восточнославянского общества накануне образования Древнерусского государства. Она занимала определенную территорию, указанную летописцем; обладала определенной культурной общностью, о чем свидетельствуют памятники роменской культуры; видимо, было и определенное сознание единства – совсем не случайно, значительно позже, в XV – XVI вв. «всплывают» севрюки на этой территории. С другой стороны, союзы племен, хотя и являются территориальными объединениями и призваны выполнять определенные политические функции, все же основа их – родоплеменные связи. Складывание

---

[107] Соболевский А.И. Древне-киевский говор. СПб., 1885; Крымский А. Филология и погодинская гипотеза // Киевская старина. 1888. Т. 9.

[108] Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 66.

[109] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 135; Его же. Очерки теории этноса. М., 1983.

территориального и политического единства феодального общества основано на качественно иных связях и отношениях.

В 70-е гг. прошлого века среди отечественных историков все большее число сторонников завоевывает мнение о наличии на стыке процессов разложения родоплеменного строя и складывания классового общества «своеобразного переходного периода, характеризуемого наличием элементов эксплуатации в рамках социальных институтов общинного типа»[110]. По мнению Л.П. Лашука, для общества древних славян этот переходный период характерен созданием территориально-союзных объединений, «в которых сложно сочетались и соподчинялись отношения родственные и соседские, хозяйственные и военно-оборонительно-наступательные, поземельно-общинные и индивидуального владения, публично-правовые и личностные (авторитарные и подчиненные), наконец, отношения соплеменников и чужеземцев, победителей и покоренных». Все это оказало определенное воздействие на прежние этноплеменные общности, которые начинают переоформляться в территориально-племенные и чисто земляческие (областные) общности, в политические предгосударственные образования, а затем и в настоящие княжества[111]. Славянские общности этого периода имели двухступенчатую структуру: несколько относительно небольших образований, которые ряд ученых условно определяют как «племенные княжества», составляли, как правило, более крупные – «союзы племенных княжеств»[112] или союзы племен. Именно таким объединением и была летописная севера. Создание территориально-политических общностей явилось важной предпосылкой формирования государственности у восточных славян.

---

[110] Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. Вып. II. М., 1977. С. 26; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. С. 566–567.

[111] Лашук Л.П. Указ. соч. С. 81–82.

[112] История России. Т. 1. М., 1995. С. 14.

Глава 3.
СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

3.1. Северская земля в составе Древнерусского государства и феодальных княжеств

Оценивая место Древнерусского государства в истории восточных славян, академик Б. Д. Греков писал: «Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии»[1]. В течение IX – X вв. в состав этого государства вошли все восточные славяне, в том числе и население Северского племенного объединения, а также некоторые неславянские народы и племена. Самим фактом своего появления и развития Древнерусское государство способствовало установлению общности в материальной и духовной культуре восточного славянства, сплачивая его воедино общностью внутренней жизни и международного положения, создавая предпосылки образования древнерусской народности[2]. Восточнославянские племена начали объединяться в этническую общность не только в силу своего общего происхождения и бытия, но и в результате единства территории, государственно-политической жизни, религии (христианства), духовной культуры, права («Русская правда»), общности языка[3], а также задач и интересов в борьбе с внешними врагами. Именно к периоду Киевской Руси восходят истоки общности восточнославянских народов; тогда зародилось сознание единства происхождения, историко-культурной и этнической близости, родства и неразрывной связи отдельных частей Руси.

Но древнерусское государство не успело и не смогло окончательно слить восточнославянские племена в единый народ-этнос. Экономические связи между отдельными землями, которые составляли общую территорию формирующейся древнерусской народности, хотя и нельзя полностью игнорировать, но не следует и преувеличивать; они были весьма слабыми[4]. Языковые, культурные и бытовые особенности населения бывших племенных объединений не успели окончательно стереться. Рост феодальной раздробленности направил в иное русло процесс этнической консолидации, а новые политические условия, в кото-

---

[1] Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 10–11.

[2] Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 395.

[3] Сопоставляя летописи разных центров Руси, М.П. Погодин пришел к заключению, что в домонгольский период в Киеве, Новгороде и Владимире говорили на одном языке. – Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871.

[4] Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 12–13.

рых оказались различные древнерусские земли в период феодальной раздробленности и особенно после монгольского завоевания, определили процесс обособления отдельных частей древнерусского населения и создали предпосылки для формирования на его основе трех восточнославянских народов.

Изучение историко-этнических процессов в одной из земель-княжеств Древнерусского государства – Чернигово-Северской земле – неразрывно связано с проблемой определения этнической структуры этого государства. Проблема эта актуальна, поскольку ее разрешение является ключом для определения преемника древнерусского историко-культурного наследия, и крайне сложная, потому что разрешению ее мешают не только ограниченность и фрагментарность источников, но и политическая конъюнктура и политико-идеологические влияния. Существо проблемы этнического состава Древнерусского государства может быть сформулировано в вопросе: существовала ли в Древнерусском государстве стойкая единая древнерусская этническая общность или отдельные праэтносы русских, украинцев и белорусов?

Одну из первых попыток дать ответ на этот вопрос сделал во второй половине XVII в. Феодосий Сафонович, который в своей «Хронике» представил Киевскую Русь как государство, где проживает единый народ от Галича до Владимира-на-Клязьме. В работах М.Карамзина, С. Соловьева, В.Ключевского идея этнического единства восточнославянских народов была выражена следующим образом: Киевская Русь – это первый период существования Русского государства, а праукраинцы и прабелорусы являются ветвями единого русского народа. В середине XIX в. М.Погодин создал концепцию, согласно которой в Киеве до XIII в. жили русские, которые после монгольского нашествия эмигрировали на Верхнюю Волгу, а на их место с Галиции и Волыни пришли украинцы.

Критикуя взгляды русских историков XIX в., М.Грушевский создал свою концепцию этнического состава Древнерусского государства. В своих работах он утверждал идею непрерывности и неразрывности украинского исторического процесса, начиная с IV в. н. э. По его мнению, украинский народ на своих исторических землях существовал сначала под названием анты, затем поляне, а затем русы. Киевское государство было созданием одного народа – украинско-русского. Владимиро-Московское государство не является ни наследником, ни преемником Киевского государства, оно выросло на своем корне и является результатом энергии и активности великорусского (российского) народа.

В советской исторической науке была создана теория единой древнерусской народности, родоначальниками которой были выдающиеся ученые Б.Греков, В.Мавродин, Л.Черепнин. В определенной степени существование официальной концепции древнерусской народности

сдерживало всестороннюю разработку проблемы этнического состава Древнерусского государства. С момента провозглашения независимости Украины там начинается новый раунд дискуссий, в центре которых оказались проблемы формирования восточнославянских народов и этнической структуры Киевской Руси. Тезис о существовании единой древнерусской народности отстаивают ученые П.Толочко, М.Котляр, О.Моця, В.Ричка[5] и др. Ряд исследователей (И.Брайчевский, Я.Исаевич, М.Дашкевич, Л.Зализняк[6] и др.), развивая идеи М.Грушевского, стремятся обосновать разные варианты «особности» украинского народа, считая именно его доминирующим этносом Киевской Руси.

Сторонники существования единой восточнославянской этнокультурной общности убеждены, что под влиянием усиления политического единства, укрепления централизации государства, введения единой религии – христианства, в ходе борьбы против внешних врагов активно шли процессы этнической консолидации древнерусского населения. С их точки зрения, о реальном существовании в пределах Киевской Руси древнерусской народности свидетельствуют такие общественные процессы и явления, как:

– сформировался единый древнерусский литературный язык как язык государственного управления и законодательства, развития литературы и культуры;

– укоренились единые традиции, обычаи, юридические нормы (начиная со второй половины первого тысячелетия на большей части восточнославянской территории существовал стереотипный подкурганный обряд погребения; на просторах всего Древнерусского государства функционировала «Русская правда» и т.д.);

– сложилась единая материальная культура (археологические раскопки и письменные источники свидетельствуют о полной или частичной аналогичности в разных районах Древнерусского государства таких компонентов культуры, как одежда воинов и знати, оружие, оборонительные сооружения, способ строительства дорог, типы тех или иных ремесленных изделий и т.п.);

– появилось единое русское этническое самосознание (летописцы, как правило, говорят о Руси как совокупности всех земель-княжеств; все восточнославянское население органично приняло этноним «руський», «русин», «русич»);

---

[5] Толочко П. Киевская Русь. Киев, 1996; Котляр М. Історія України в особах. Давньоруська держава. Київ, 1996; Моця О., Ричка В. Київська Русь: від язичництва до християнства. Київ, 1996.

[6] Брайчевський М. Вступ до історичної науки. Київ, 1995; Залізняк Л. Нариси стародавньої історії України. Київ, 1994; Залізняк Л. Давньоруська народність – імперський міф чи історична реальність // Пам'ять століть. 1996. № 2; Ісаевич Я. Україна давня і нова. Народ, релігія, культура. Львів, 1996;

– консолидировался элитный слой феодалов Древней Руси, который вел свою родословную от династии Рюриковичей и не разделял себя этнически.

Сторонники идеи самостоятельного развития отдельных восточнославянских народов, стремясь утвердить правомерность своей точки зрения, выдвигают свои контраргументы:

– распространение единого языка не может быть завершающим аккордом, определяющим фактором в процессе этнической консолидации, ведь распространение латыни в Западной Европе не привело к образованию «единой латинской народности». К тому же в Киевской Руси единым был лишь церковнославянский язык, а язык светский в процессе освоения восточными славянами северных и северо-восточных территорий испытал влияние угро-финского и балтийского этнических массивов. В результате сформировались ряд диалектов: псковско-полоцко-смоленский, новгородско-владимиро-суздальский и пр.;

– древнерусское государство было полиэтничным. В его состав входили многие неславянские племена: балтские этнические образования (литы, прусы, ятвяги и др.), угро-фины (меря, мурома, мордва и др.), тюркские народы (печенеги, торки, берендеи и пр.). Даже те 15 славянских племен, которые вошли в состав Древнерусского государства, уже в VIII в. не были единым народом. Летописец Нестор пишет о них: «Все племена имели свои обычаи, и законы предков своих, и заветы, каждый – свой норов». Чтобы переплавить эти разнородные этнические образования в единую этнокультурную общность необходимы были огромные усилия и время. Однако неразвитость коммуникаций, огромная территория, относительная слабость влияния центра на окраины, непродолжительность существования Древнерусского государства (лишь в конце X в. окончательно сформировались государственные структуры, а уже в середине XII в. государство распалось на независимые княжества) существенно усложняют процесс этнической консолидации, ослабляют единство и фактически исключают возможность появления единого этнического самосознания среди широких народных масс;

– политическое единство Киевской Руси (единое название государства, одна правящая династия, общерусское самосознание правящей верхушки и пр.) не свидетельствует об этнической монолитности. Эти черты присущи всем империям, в частности, Российской империи, которая собрала под властью Романовых 130 народов, была политически единым государством – им правила одна династия, правящая верхушка в провинциях имела московско-центристские взгляды, но совсем не представляла собой однородный этнический массив[7].

---

[7] Залізняк Л. Давньоруська народність – імперський міф чи історична реальність // Пам′ять століть. 1996. № 2. С. 2–14.

Таким образом, в основе альтернативы теории единой восточнославянской этнокультурной общности лежит тезис о том, что украинский, русский и белорусский этносы начали консолидироваться задолго до образования Древнерусского государства.

На наш взгляд, концепции существования украинского этноса с IV в. н. э. и его доминирования в Древнерусском государстве, с одной стороны, не представляют убедительных аргументов, а с другой – слишком очевидна их политическая тенденциозность. Изучение формирования и развития населения Северской земли на протяжении ее тысячелетней истории наглядно показывает, что процесс формирования восточнославянских народов был сложным и противоречивым, а население Древнерусского государства (так и не ставшего единым этносом) нельзя полностью отождествлять ни с одним из современных народов-этносов: русскими, украинцами или белорусами. Древнерусское население, несомненно, было общей основой, на которой в ходе исторического развития сформировались эти народы.

Процесс формирования отдельных земель-княжеств как единиц территориального деления Древнерусского государства был довольно сложным. Древнерусские земли, которые затем сформировались в самостоятельные княжества, возникали не путем простой трансформации племенной территории в государственную, как это происходило у славян Сербии, Хорватии, Карантании (Словении) и у полабских славян[8]. Они складывались либо из слияния племенных территорий через подчинение одному союзу племенных княжеств других союзов (Киевская земля охватывала территорию полян и древлян), либо на основе племенного деления территории и включения в состав разных княжеств (севера, радимичи, вятичи)[9].

Племенные объединения, названия которых сохранили нам главным образом источники IX и последующих веков, существовали длительное время, по мнению некоторых исследователей, с VII по X и даже XI в.[10] Племенные князья были еще очень многими нитями связаны с родоплеменным строем, они вышли из этого строя, выросли из среды племенной знати и опирались на эту знать, они тесно связаны с советом племенных старейшин, с вечем. Племенные князья известны из источников и у западных славян – у поляков, чехов, прибалтийских славян[11]. Сам факт появления племенных князей говорит о начавшемся зарождении новых отношений, о появлении должностных лиц, получивших новые функции, не равнозначные функциям прежних племенных старей-

---

[8] История России. Т.1. М., 1995. С. 15.

[9] Ловмяньский Г. Происхождение славянских государств // Вопросы истории. 1977. № 12. С. 185–186; История России. М., 1995. Т.1. С. 15.

[10] Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 219.

[11] Lowmianski H. Pozatki Polski. III. Warszawa, 1967. S. 469–474.

шин. Так, по словам Энгельса, органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в роде, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность[12]. Таким образом, изменения социальной организации свидетельствуют о трансформации родоплеменного общества с присущим ему способом производства в феодальное. Но случилось это не сразу, не скачкообразно.

Процесс распада родоплеменных отношений на территории Северской земли не был одновременным. Население западных северских областей уже в конце IX в. приняло участие в формировании раннегосударственного образования «Русской земли»[13]. Согласно Начальной летописи, в X в. Чернигов входил в состав великокняжеского домена, получившего название «Русской земли» в узком смысле. В Чернигове сидел воевода киевского великого князя, а великокняжеская дружина контролировала земли Чернигова[14].

Процесс распада родоплеменных отношений и становления классового общества в лесостепной и степной полосе Северской земли с течением времени переносится все далее на север. Трансформация из родовой организации поземельной территориальной общины произошла здесь в значительной мере под влиянием смены подсечного земледелия пашенным[15]. Косвенно могут свидетельствовать о смене форм земледелия летописные сообщения об основной податной единице, с которой в разное время взималась дань. Так, в IX в. севера и вятичи платили дань (сначала хазарам, затем киевскому князю) «по беле и веверице от дыма», то через сто лет, в X в. вятичи дают «козарам по щелягу от рала», а под 981 г. сообщается, что Владимир возложил «на ня дань от плуга якоже и отец его имаше»[16]. Эти летописные замечания иллюстрируют утверждение новой системы хозяйства, где плужное земледелие играет главную роль. Изменение системы хозяйства повлекло и соответствующие изменения в социальной организации жизни. Конечно, новая территориальная организация одержала победу не сразу: «…потребовалась упорная и длительная борьба, пока она могла утвердиться… на место старой организации по родам»[17].

Ядро Древнерусского государства создали несколько племенных объединений или княжений, связанных между собой теснейшим языко-

---

[12] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.21. С. 164–165.

[13] Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X – XIII вв. М., 1975. С. 68.

[14] Повесть временных лет. Т.1. М.; Л., 1950. С. 47–48.

[15] Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.) Л., 1940. С. 84.

[16] ПСРЛ. Т. С. 19–24.

[17] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 170.

вым и этническим родством. В то же время в пределах этого государства оказались не только славянские, но и угро-финские племена, которые вследствие колонизации и культурного воздействия рано подверглись обрусению. Собственно, восточнославянские племена, а точнее, сложные племенные объединения, тяготевшие к русскому государству, вступали только в данническую зависимость, сохраняя значительную политическую самостоятельность, то есть процесс формирования феодальных государственных территорий шел в пределах отдельных земель, вокруг отдельных центров, таких как Киев, Чернигов, Новгород и др., хотя сам процесс феодализации был, безусловно, общим для всей Руси. Это, по словам Б.А. Рыбакова, было ощущение «своей земли», имевшей свой центр притяжения в виде срединного города, центра союза племен. Понятие «земли» подготавливало к появлению понятия «народность», которая состояла из полутора-двух десятков таких земель[18].

В процессе феодализации восточнославянского общества отечественные историки выделяют два связанных между собой исторических явления: «окняжение» территории соседских общин и образование светских и духовных вотчин. Процесс окняжения есть не что иное, как подчинение одной «земли» за другой власти киевских князей. Результатом этого процесса была феодализация земель и превращение дани в феодальную ренту. Этот процесс шел на протяжении X – XI вв.[19]

Как сообщает летописец, еще в середине IX в. (859 г.) поляне, северa и вятичи были данниками хазар, платили им «по беле и веверице от дыма», но через несколько десятилетий ситуация изменилась. На рубеже IX-X вв. политическое могущество Хазарского каганата заметно ослабло. Киевские князья не замедлили воспользоваться этим. В 884 г. киевский князь Олег совершает поход в Северскую землю, «победи» северян, возложил на них «дань легъку» и запретил им платить хазарскую дань[20]. Затем данниками Олега становятся вятичи; они стали платить ему по «щелягу, яко же и козарам». Это был начальный этап подчинения Киеву племенных союзов восточных славян и в первую очередь северян. По-видимому, подчинение Северского племенного объединения носило несколько иной характер, чем вятичей и древлян. На северян возложена «дань легъка», вятичи платят «яко же и козарам»; в Северскую землю Олег ходил только раз, на древлян и вятичей неоднократно снаряжали походы киевские князья[21]. По мнению исследователей, слияние к середине X в. западносеверянской территории с полянской свидетельствовало о сложении территориального полити-

---

[18] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XI – XIII вв. М., 1993. С. 235–358.

[19] Новосельцев А.П., Пашуто В.М., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 146, 150–151.

[20] ПСРЛ. Т. 1. С. 19, 24.

[21] Там же. С. 24, 42, 58–59, 65, 81–84, 248; Т. II. С. 31–32, 46–48, 53 и др.

ческого ядра Древнерусского государства[22]. Освоение восточных северских земель происходило в иных условиях, в условиях существования раннефеодального государства, которое «решительно отграничило последующую эпоху от порядков первобытнообщинного строя»[23]. Подчинение всей северы являлось, таким образом, важным этапом для окончательного покорения киевскими князьями радимичей и вятичей.

В покорении киевскими князьями восточных северян, радимичей и вятичей большое значение играли крупные дружинные центры на Левобережье в X – XI вв.: Сновск, Стародуб, Новгород-Северский. Археологические исследования Чернигова и курганов X века в его окрестностях выявляют значительную имущественную и социальную дифференциацию населения, заметную роль дружинного элемента в жизни этой области. Данные археологии позволили Б.А. Рыбакову сделать вывод, что вассалитет без земельных пожалований был, очевидно, пройденным этапом к началу X в. для феодалов Чернигова[24]. Черниговское боярство далеко за пределами города осуществляло власть над окрестными селами, над землей, превращая ее в свою феодальную собственность, являющуюся основой феодальной системы отношений. Применяя все виды насилия, феодалы постепенно утверждали свое господство, превращая общинников в холопов и закупов. При всей неприглядности картины закабаления свободных общинников, нельзя не учитывать, что в феодальной вотчине накапливались людские и материальные резервы и создавались условия для расширенного воспроизводства. Отнюдь не князья с их бесконечной борьбой за престолы, перемещающиеся из одного феодального центра в другой, то завоевывающие новые земли, то уступающие свои более удачливому сопернику, могли быть цементирующей силой земель и княжеств. Такой силой, такими организующими центрами или, по образному выражению Б.А. Рыбакова, «узлами прочности» хозяйственной жизни стали боярские вотчины[25].

Чтобы умножить свои богатства, феодалы стремились увеличить дань. Однако такое увеличение ограничивалось размером того прибавочного продукта, который получали общинники. Посягательство же на необходимый продукт подрывало экономику и приводило к явлениям, подобным древлянскому восстанию 945 г. «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось, – по точному замечанию Маркса, – не размером их ренты, а числом их подданных»[26].

---

[22] Зайцев А.К. Черниговское княжество. С. 68.

[23] Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 49.

[24] Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11. С. 7–93.

[25] Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 206–214; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв.

[26] Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 729.

Поэтому феодалы стремились расширить свои владения и увеличить число подданных. На самых начальных этапах развития феодализма расширение феодальных владений шло путем присвоения общинных земель и закабаления общинников. Этим создавалось ядро будущего феодального княжества. Таким ядром будущей Черниговской земли стали Чернигов с окрестностями, а также Сновск, Стародуб, Новгород-Северский.

Позже, когда общинные земли в основном были захвачены, расширение феодальных владений возможно было лишь за счет захвата соседних земель. В этом основная причина феодальных войн, о которых так часто повествуют наши летописи.

В начале XI в. становится очевидной тенденция к обособлению левобережных областей Киевского государства. Первая попытка разделитъ «Русскую землю» по Днепру была предпринята в 1024 г. тмутараканским князем Мстиславом Владимировичем. Исход битвы при Листвене вынудил Ярослава уступить Мстиславу чернигово-переяславскую землю. Кстати, в этом сражении «в челе» войска Мстислава летописец указывает «север»[27], что лишний раз подтверждает глубинную связь северы с Причерноморской Русью. Это последнее летописное упоминание северы как племенного наименования. Однако после смерти Мстислава Ярославу (Мудрому) на некоторое время удается достичь былого единства «Русской земли». Окончательное выделение Черниговского и Переяславского княжества произошло в середине XI в., когда после смерти Ярослава (1054 г.) черниговский стол достался его сыну Святославу, а переяславский – другому его сыну – Всеволоду [28].

Аналогичные процессы протекали и в других землях Древнерусского государства. Раньше других сепаратистские тенденции проявили Новгород и Полоцк. У каждой из этих земель были собственные торговые пути в Западную Европу, что увеличивало их самостоятельность, а половецкая опасность им никогда не угрожала. В связи с дроблением сложившегося при Ярославе единого государства обычно возникает два вопроса: как датировать начало феодальной раздробленности и как ее оценивать.

Раннефеодальное государство, каким была Киевская Русь, дало возможность собранным в его пределах племенным объединениям пройти процесс первичной феодализации общества. Это была временная политическая форма, особенно необходимая в условиях постоянной внешней опасности. Развитой феодализм характеризуется потребностью наладить нормальное производство на феодальных началах в деревне и в городе. Огромные масштабы Киевской Руси для этого не нужны. Фео-

---

[27] ПСРЛ. Т.II. С. 135–136.
[28] Там же. С. 149–150.

дальному хозяйству тогда не под силу было действенно объединить колоссальные пространства Киевщины и Полесья, Черниговщины и новгородских озер, Волыни и приморской Тмутаракани. Объединение было непрочным и отчасти вызванным внешними причинами. Время для централизованного государства в таких масштабах еще не настало. Как писал Б.А. Рыбаков, «для молодого русского феодализма IX – XI вв. единая Киевская Русь была как бы нянькой, воспитавшей и охранившей от всяких бед и напастей целую семью русских княжеств. Они пережили в ее составе и двухвековой натиск печенегов, и вторжение варяжских отрядов, и неурядицу княжеских распрей, и несколько войн с половецкими ханами, а к XII в. выросли настолько, что смогли начать самостоятельную жизнь»[29].

Итак, начало периода феодальной раздробленности исследователи относят к рубежу XI – XII вв. Известный съезд князей 1097 г. в Любече объявил принцип «каждый держит отчину свою», тем самым узаконив принцип майората, а заодно и феодальную раздробленность.

Период феодальной раздробленности полон сложных и противоречивых процессов. Особенно заметны отрицательные стороны эпохи: междуусобные войны и возрастающее дробление княжеских владений и ослабление общего военного потенциала, облегчающее иноземное завоевание. Не случайно вопрос о распаде как негативном явлении всегда поднимался, когда стране надо было объединиться против внешнего врага. Но экономический и культурный результат эпохи XII – начала XIII вв. оказался поистине ошеломляющим: бурный рост городов и, соответственно, ремесел, подъем села за счет расширения используемых земель и повышения урожайности, расцвет культуры во всех ее проявлениях[30]. Из этого следует, что новая политическая форма, очевидно, содействовала в этот период прогрессивному развитию. Расчленение раннефеодальных грандиозных империй на ряд фактически (а иногда и юридически) суверенных княжеств-королевств было неизбежным этапом в развитии феодального общества, будь то Киевская Русь в Восточной Европе или империя Каролингов в Центральной Европе. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но феодальная раздробленность – это не время регресса и движения вспять, а скорее время исторической интеграции. Почему?

Феодальная раздробленность – это время повсеместного подъема земли, чему раздробленная власть не могла противостоять, хотя, несомненно, стремилась. Всюду активизируются вече. Земля, как правило,

---

[29] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. С. 473.

[30] Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. Гл. 5–6; Муравьев А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX – XVII вв. М., 1984. Гл. 2.

не участвует в княжеских усобицах, если они не затрагивают непосредственных интересов Земли. Княжеская власть всюду в той или иной форме контролируется самоуправлением Земли, а княжеские дружины в это время ограничиваются несколькими сотнями воинов. По справедливой оценке Б.А. Рыбакова, для данной поры институт боярства был более целесообразным, чем княжеская власть. Именно подъем Земли обеспечил подъем экономики и бурный рост населения.

Экономической основой и обоснованием феодальной раздробленности считают натуральное хозяйство. Это верно. Но и в первобытности, и при появлении переходных форм в виде союзов племен, и в необъятной по своей территории Киевской Руси господствовало натуральное хозяйство. Но в XII в. одновременно с распадом Киевской Руси исконная замкнутость хозяйства начала частично нарушаться: городские мастера все больше переходили к работе на рынок, их продукция все в большей степени проникала в деревню, не меняя, правда, основ хозяйства, но создавая принципиально новые контакты города с возникающим деревенским рынком. Интеграция эта шла, как правило, вокруг столиц крупнейших княжеств, которые были в свое время центрами союзов племен. Для Северской земли такими центрами в эпоху феодальной раздробленности становятся Чернигов и Новгород-Северский.

Территория Черниговского княжества XII в.[31] включала в себя несколько известных восточнославянских племенных союзов: северу (как основное ядро), полян, радимичей, вятичей, дреговичей (см. Приложение рис. 3). Однако ни один из них не вошел в эти пределы полностью. Юго-восточные земли северы по рекам Суле, Пслу, Ворскле, Уды вошли в состав Переяславского княжества[32] (см. Приложение рис. 4). Среди причин обособления Переяславской области от Черниговской В.В. Мавродин считал главной – различие этнического состава населения этих областей[33]. В составе населения южных районов Северской земли существенным был древний компонент алано-болгарского происхождения. Однако этнические различия не были главным фактором формирования границ феодальных княжеств, так как и Переяславское, и Черниговское княжества были многоэтничными по своему составу. Племенное деление на этой территории, очевидно, было стерто еще в период складывания «Русской земли»[34]. Исследуя вопрос о сложении территории Переяславского княжества, М.П. Кучера пришел

---

[31] Зайцев А.К. Черниговское княжество. Рис. 1. С. 73.

[32] Кучера М.П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X – XIII вв. Рис. 3. С. 123.

[33] Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 10, 156.

[34] Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 29.

к обоснованному выводу, что «решающую роль в формировании границ Переяславского княжества сыграло оборонительное строительство при Владимире». «Княжество возникло на Левобережье Днепра в пределах области, укрепленной великокняжеской властью в конце X в.»[35] Заселялись «Владимировы городы» выходцами из различных племен: словен, кривичей, чуди, вятичей – «бе бо рать от печенег»[36]. Таким образом, главная цель строительства городков-крепостей состояла в ограждении Руси и прежде всего Киева от печенежской опасности. В то же время «городы» по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне были центрами политического господства киевских князей над окрестным населением. Сеть крепостей прочно связала Переяславль со столицей Руси – Киевом. Вообще вся политическая история Переяславского княжества характеризуется значительной зависимостью от киевских князей, старшие сыновья которых, как правило, занимали переяславский стол.

Однако, юго-восточный укрепленный рубеж по Суле, ставший устойчивой границей Переяславского княжества со стороны степи, не был крайним пределом славянского расселения. Значительно дальше на юго-восток по рекам Пслу, Ворскле, Северскому Донцу простирались укрепленные поселения северы. Эта часть бывших владений Северского племенного объединения, в связи с половецкими вторжениями, так и осталась не полностью освоенной Переяславлем[37]. Видимо, население именно этих районов Северской земли в значительной степени связано своим происхождением с неславянскими племенами лесостепного Левобережья. Позднее это население имело наиболее непосредственные контакты с кочевым миром южнорусских степей.

Собственно, Переяславщина (по Супою, Трубежу вплоть до Днепра) находилась под сильным влиянием Киева, не только политическим, но и культурным. И.П. Русанова, пересмотрев границу полян и северы (по погребальным памятникам X – XII вв.) пришла к выводу, что полянам принадлежала значительная территория Левобережья Днепра до междуречья Сулы и Хорола; севере отводится лишь бассейн Сейма и верховья Сулы[38]. Но установленная И.П. Русановой граница полян и северы относится ко времени, когда собственно северы и, в особенности, полян как этнической общности уже не существовало. С другой стороны, вывод И.П. Русановой противоречит свидетельству «Повести временных лет», что севера «седоша» по Десне, Сейму и Суле. В статье «Черниговское княжество» А.К. Зайцев приходит к аргументированному выводу,

---

[35] Кучера М.П. Переяславское княжество. С. 126–127, 142–143.

[36] ПСРЛ. Т. 1. С. 120.

[37] Кучера М.П. Переяславское княжество. С. 126–127.

[38] Русанова И.П. Курганы полян X – XII вв. // САИ. Вып. Е1–24. 1966. С. 25–26. Табл. 19–20.

что этническая граница, отмеченная И.П. Русановой, несомненно, существовала в середине X в., но, по его мнению, она отражала политическую границу, разделявшую в IX в. северу на две части: западную – в составе «Русской земли» и восточную, находящуюся в зависимости от Хазарского каганата до конца IX в. Далее Зайцев пишет, что восточные северяне в результате своей обособленности от «Русской земли» выработали к концу X в. несколько иные, собственно северянские этнические особенности, которые наши отражение в погребальном обряде и в форме женских украшений (спиральные височные кольца)[39]. Относительно территории Переяславского княжества И.П. Кучера высказал мнение, что полянское население было немногочисленным и концентрировалось в основном в районе Днепра[40].

Нам думается, что отмеченная археологами и исследователями в области исторической географии граница между западной и восточной частью Северской земли отражала сложные этносоциальные процессы, протекавшие здесь в IV –X вв. Восточная или, вернее, юго-восточная часть Северской территории, безусловно, сохраняла следы древнего дославянского населения. Местные традиции здесь были сильнее, чем в северо-западной (возле Чернигова) и западной (Переяславщина) части. По-видимому, после образования Древнерусского государства с центром в Киеве, шел процесс постепенной нивелировки культуры в рамках этого государства, больше затрагивая центральные районы и слабее периферию. Нельзя забывать и то обстоятельство, что неславянское население северо-запада Северской земли и юго-востока ее было этнически неоднородным. Этот неславянский субстрат также мог оказать определенное влияние на различия, проявившиеся в археологических памятниках X – XII вв., между населением северо-западных и юго-восточных районов Северской земли.

Несмотря на разделение территории летописных «племен» границами феодальных княжеств, культурная общность Северской земли очень долго сохранялась и прослеживается по материалам раскопок курганов XII – XIII вв. и по еще более поздним данным диалектологии[41]. Наметившаяся тенденция к созданию общей древнерусской культуры больше заметна в центрах земель-княжеств. Сами же земли, в силу социально-экономических причин ранней стадии развития феодализма, были еще в значительной степени обособлены и замкнуты.

В Черниговской земле времен Древнерусского государства существовало как бы два слоя связей: политические с Киевом и глубинные,

---

[39] Зайцев А.К. Указ. соч. С. 65.

[40] Кучера М.П. Указ. соч. С. 120.

[41] Рыбаков Б.А. Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. М., 1958. С. 856.

традиционные с юго-востоком, берущие начало в глубокой древности. Данные о существование тесных и давних торговых связей северы со своими юго-восточными соседями приводит В.В. Мавродин[42].

Северские земли были тесно связаны с Тмутараканью, которая при разделе уделов в 1054 г. была причислена к уделу Северской земли и во все времена своего существования сохраняла о ней тесную неразрывную связь[43]. Тмутараканское княжество было наследственным владением одной из линий черниговских князей, возможно, связанных своим происхождением с савирами, саварами, савриками древних авторов. Характерно, что первым черниговским князем был Мстислав Владимирович, который как князь Тмутараканский считал свое право на черниговский престол неоспоримым и преимущественным даже перед своим братом – великим князем Ярославом. Временное отделение Чернигова при Мстиславе способствовало созданию социально-экономических предпосылок обособления феодального княжества – Черниговской земли[44]. Обособлению также благоприятствовали указанные связи Чернигова с юго-востоком, Тмутараканью и Кавказом: когда появились в степях половцы, то черниговские князья, более других связанные со степным миром, наладили с ними дружественные отношения, породнились и широко пользовались поддержкой «поганых».

Отделение Чернигова лишало Киев доходов, поступавших из Левобережья, в пользу Чернигова. Это способствовало сложению военно-административного аппарата черниговского княжеского стола и содействовало развитию особых, по отношению к Киеву, экономических интересов черниговской феодальной знати. В это же время заметно возвышение самого Чернигова, в котором ведется значительное каменное строительство[45].

Не останавливаясь на перипетиях борьбы князей за черниговский стол после того, как Святослав Ярославович, изгнав своего брата Изяслава, занял в 1073 г. киевский стол, заметим только, что наиболее упорно добивались черниговского стола сыновья Святослава Борис и Олег, пришедшие из Тмутаракани. Борьба Святославичей с Мономахом завершилась в 1097 г., когда на Любечском съезде был принят принцип династического разделения Русской земли между княжескими ветвями. Черниговские владения были признаны за сыновьями Святослава Ярославича (родоначальник черниговских князей) – Давидом,

---

[42] Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 92.

[43] Рыбаков Б.А. Древние славяне в Причерноморье // Славне. 1954. № 2. С. 23–24; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI вв. Смоленск; М., 1995. С. 170–194.

[44] Зайцев А.К. Указ. соч. С. 76.

[45] ПСРЛ. Т.1. С. 150. Т.2. С. 138.

Олегом и Ярославом[46]. Одновременно Любечский съезд санкционировал разделение территориалъного ядра Черниговской земли [47] на два княжеских владения с центрами в Чернигове и Новгороде-Северском. В раннем отделении Новгород-Северского княжества сказалась определенная обособленность Северской земли, отмечаемая русскими летописцами, но не это было главным. Появление новых княжеств связано с дальнейшим развитием феодального общества и начавшимся периодом феодальной раздробленности. Политические и экономические условия, подготовившие разделение Черниговской земли на две основные части, подробно рассматриваются в работе А.К. Зайцева «Черниговское княжество». Для нашей темы важен другой аспект.

Среди дореволюционных исследователей преобладало представление о севере как специфически степном племени, которое занимало бассейн Северского Донца и Азовское побережье (А.А. Шахматов, Д.И. Багалей, П.В. Голубовский, Н.П. Барсов). Ярый противник такого взгляда М.С. Грушевский [48] впадал в другую крайность, считая северу племенем родственным полянам и чуждым радимичам и вятичам. Хотя, как известно, летописец (сам полянин) говорит о единстве многих обычаев и образа жизни северы, радимичей и вятичей. Выше мы уже говорили, что Северский племенной союз, видимо, был этнически сложным образованием. В него вошли как северные лесные племена, так и южные, тесно связанные с полукочевыми и кочевыми народами Причерноморских степей.

После образования Древнерусского государства и с развитием феодальных отношений старое племенное членение населения постепенно исчезает. Возникают феодальные княжества, которые на первых порах объединялись управлением из Киева, а после падения его роли древнерусского стольного города обособляются в самостоятельные земли-княжества[49].

Территория бывшей Северской земли вошла в состав Черниговского и Переяславского княжеств. Границы княжеств не совпадали с границами летописных племен. Переяславскую землю населяли потомки полян и северы, а также, в силу ее стратегического значения, гарнизоны крепостей пополнялись представителями северных областей Древнерусского государства. Потомки полян концентрировались преимущественно в западных районах княжества, составляя значительную часть населения его устойчивой территории. Их влияние на социально-экономическую и культурную жизнь всего населения Переяславской

---

[46] ПСРЛ. Т.1. С. 257. Т.2. С. 231.
[47] Зайцев А.К. Указ. соч. С. 78.
[48] Грушевський М.С. Чернігів і північне Лівобережжя. Київ. 1928. С. 112–114.
[49] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. Гл. 5–6.

земли, видимо, было определяющим. Северские поселения, выдвинувшиеся далеко в степь, к юго-востоку от укрепленной границы Переяславского княжества по междуречью Сулы и Хорола, так и не были окончательно освоены государственной властью ни Переяславского, ни Черниговского княжеств. Видимо, население этих земель лишь способствовало охране границ от кочевников. Впоследствии поселения по Пслу, Ворскле, Северскому Донцу попали под власть половцев.

Черниговское княжество, охватывавшее в XII в. значительную территорию (см. Приложение рис. 5), было еще более сложным в этническом отношении. В состав его вошли земли северы по Десне и Сейму, верхнеокские вятичи, радимичи в бассейне Сожа и дреговичи по правобережью Днепра. Территориальное ядро княжества составили земли северы. Часть земли дреговичей с центрами Случеск и Клеческ входила в состав Черниговского княжества эпизодически[50]. Зато указанные области радимичей и вятичей долгое время были прочно связаны с Чернигово-Северскими феодальными центрами и сохраняли определенное тяготение к ним некоторое время после татаро-монгольского завоевания.

Политико-административное деление княжества[51], а также историко-географические области в его пределах (Курск с Посемьем, Подесенье, Лесная земля и др.) совсем не связаны с этническими границами бывших племен.

Как уже отмечалось выше, территориальное единство Черниговского княжества было нарушено в конце XI века. В этническом отношении территориальное ядро княжества не было единым и до обособления Новгорода-Северского. Собственно Черниговская земля (в узком смысле слова – Черниговская волость) очень рано была втянута в процесс формирования Киевского государства, что сказалось на культурном облике ее населения. В период существования Черниговского княжества эта волость со значительным количеством городов имела важное стратегическое значение для черниговских князей. Здесь находились основные княжеские владения – «вся жизнь» их. По-видимому, на юге волости, в Задесенье, князья селили вассальных кочевников, таких как известные черниговские ковуи. Несомненно, жили в Чернигове и других городах волости потомки полян. Однако, до начала XIII в. Черниговско-Северская земля выступает в источниках как единое политическое целое. Несомненно, что в пределах этого целого наметились тенденции к сближению, к нивелировке местных особенностей, хотя процесс этот

---

[50] Зайцев А.К. Указ соч. С. 104–105.

[51] Вопрос политико-административного деления Черниговского княжества подробно рассматривается в указанной работе А.К. Зайцева.

нельзя преувеличивать и забывать о замкнутости феодального хозяйства и господства феодальной раздробленности.

На протяжении всей своей истории население южных и юго-восточных районов Северской земли соприкасалось с кочевыми племенами. Г.А. Федоров-Давыдов разделил материалы позднекочевнических курганов конца IX – начала XIII вв. на три хронологические группы, каждая из которых свидетельствует о последовательном преобладании в южно-русских степях до монгольского нашествия тех или иных тюркоязычных кочевых племен[52]. Этими племенами были: печенеги, торки, половцы.

На рубеже IX – X вв. печенеги ворвались в южно-русские степи. Под их ударами окончательно рухнул ослабевший к тому времени Хазарский каганат. Экономика и культура полукочевых народов, заселявших донские степи и лесостепи, были в значительной степени уничтожены[53]. Рядом ученых (К. Киричек, Д.А. Рассовский, М.Фасмер, А.М. Щербак) делались попытки определить по топонимическим данным границы расселения печенегов. Топонимы, связанные с именем «печенег» выявлены на значительных пространствах Южной и Восточной Европы. Известны они и на территории Северской земли возле Новгорода-Северского и на современной Харьковщине[54].

Почти полтора столетия вела Русь постоянную и жестокую борьбу с печенегами[55]. Исследователи отмечают, что на этом этапе борьбы с кочевниками русские ограничивались только охраной границы и постепенным перенесением укрепленных линий к югу. В глубь степи походов не организовывалось. Даже окончательный разгром печенегов в 1036 г. произошел под стенами Киева, во время наступления их на Русь. С. А. Плетнева объясняет это тем, что для печенегов был характерен наиболее архаичный способ кочевания – таборный (название С. И. Руденко). При таборном кочевании племена кочуют круглый год, постоянно передвигаясь по степи в пределах определенной (достаточно обширной) территории. При таком образе жизни кочевники практически неуловимы, и походы в степь теряли смысл.

Союз торков (гузов), занявший господствующее положение в южнорусских степях после разгрома печенегов, не оставил никаких археологических памятников[56]. Менее чем за 20 лет торки в полном

---

[52] Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 9.

[53] Артамонов М.И. История хазар. Л., 1972. С. 349–352; Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 189.

[54] Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 138.

[55] Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62. С. 216.

[56] Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 141.

смысле прошли через южнорусские степи и так же, как печенеги, ушли на запад – в Византию. Однако небольшие соединения печенегов и торков остались в степях Приднестровья и Подонья. Об этом свидетельствуют некоторые упоминания их летописцем, относящиеся к XII в. В 1103 г.[57] большое войско русских князей во главе с Владимиром Мономахом и переяславским Святополком ходили от Переяславля вниз по Днепру на половецкие вежи. Поход был удачным: «взята бо тогда скоты и овцы и кони и верблюды и веже с добытком и с челядью». Вместе с половецким полоном русские «заяша печенеги и торки с вежами и приидоша в Русь»»[58]. Под 1116 г. снова упоминаются торки и печенеги, но уже у Дона, где они потерпели поражение от половцев и ушли «в Русь к Володимиру»[59]. Появившиеся в середине XI в. у границ Руси новые кочевники – половцы, несомненно, потеснили остатки печенегов и торков. Последние нередко искали покровительства у киевских, переяславских и черниговских князей. Князья селили их в пограничных районах, создавая тем самым прочный, хотя далеко не всегда верный, заслон от половцев[60]. Поселения вассальных печенежско-торческих кочевников были известны под Черниговом, Переяславлем, на Трубеже. Переходя к оседлому образу жизни, они, несомненно, смешивались с местным населением. Печенежский элемент был особенно значительным в Переяславском княжестве и на Правобережье Днепра, в Поросье. С 1140-х гг. в русских летописях появляется термин «черные клобуки»[61], видимо, общий для племен печенегов, торков и берендеев[62].

Однако политическое господство печенегов, а затем торков, не означало полного вытеснения из южнорусских степей ее старых обитателей. Некоторые адыгские племена, входившие прежде в состав Хазарского каганата, и какие-то группы хазар оставались здесь. Известно, что Мстислав Тмутараканский в 1022 году воевал с касогами. В единоборстве с касогским князем Редедей победил Мстислав, перерезав ему горло ножом. Затем Мстислав «вышедъ в землю его (Редеди) и взя все имение его и жену его и дети его и дань възложиши касоги». Годом позже (1023) «поиде Мстислав на Ярослава с козари и с касоги»[63].

---

[57] Б.А. Рыбаков считает, что рассказ сдублирован летописцами и почти в одних и тех же выражениях помещен под 1103 и 1111 гг. Достоверным, по его мнению, является текст 1111 г., написанный, судя по языку, черниговцем между 1111 и 1113 гг. – Древняя Русь. М., 1963. С. 115–124, 280–282; Смерды // История СССР. 1979. № 1, 2.

[58] ПСРЛ. Т.2. С. 255.

[59] Там же. С. 284.

[60] Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X – XII вв. С. 265.

[61] ПСРЛ. Т.2. С. 323.

[62] Историю образования и развития этого кочевнического объединения см.: Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков // САИ. Вып. Е. 1–19. М., 1973.

[63] ПСРЛ. Т. 2. С. 134.

Настоящим бичом южнорусских княжеств с середины XI в. становятся половцы. С. А. Плетнева, нанеся на карту все половецкие походы, упомянутые в летописи с указанием города или земли, подвергшихся нападению, пришла в выводу, что в подавляющем большинстве случаев половцы разоряли пограничные земли Поросья и Переяславской земли[64]. Северные районы Северской земли почти не испытывали половецких вторжений. Один раз половцы дошли до Чернигова, но были разбиты у Сновска (1068 г.). Поражением закончились и еще два похода половцев к Стародубу (1080 и 1106 гг.)[65].

В XI в. устойчиво половецкими землями были в основном берега среднего и нижнего Северского Донца[66]. К середине XII в. половцы кочевали в степях от Волги до Днепра[67]. В интересующих нас пределах половецкие владения простирались до междуречья рек Сулы и Орели и в направлении с запада на восток примерно совпадали с границей лесостепи и степи[68]. Таким образом, юго-восточные земли Северской земли по Пслу, Ворскле, Северскому Донцу оказались в пределах половецких кочевий.

На территории этой области известны укрепленные городища северы VIII – X вв. (роменская культура). Многие из них были сожжены в X в. печенегами[69], однако в большинстве восстановлены и обитаемы в XI-XII вв.[70] Видимо, в период половецкого господства древнее северское население этих земель было немногочисленным и концентрировалось главным образом по берегам рек. Известно, например, что русское население Белой Вежи (Саркел) сохраняло за собой этот город до 1117 г. и только после серии сокрушительных походов русских дружин на «Дон»[71] вынуждено было покинуть его. Город из форпоста русских в степи превратился в половецкое зимовище[72]. По-видимому, часть населения вынуждена была уйти и из других поселений. В начале XII в.

---

[64] Плетнева С. А. Половецкая земля. С. 268. Рис. 2.
[65] ПСРЛ. Т.1. С. 281. Т. 2. С. 257.
[66] Плетнева С. А. Половецкая земля. С. 271.
[67] ПСРЛ. Т. 1. С. 455.
[68] Плетнева С. А. Половецкая земля. С. 275. Рис. 7 на с. 296.
[69] Ляскоронский В. История Переяславской земли. Киев, 1897. С. 199, 209.
[70] Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. С. 192, 217. Рис. 88.
[71] Следует иметь в виду, что «Дон» русских летописей – это Северский Донец. На этот факт обратил внимание еще Н.П. Барсов в связи с описанием похода русских князей на половцев в 1103 г. (Очерки русской исторической географии. С. 149). Впоследствии Б.А. Рыбаков в небольшой статье убедительно доказал, что летописцы называли «Доном» современный Северский Донец. – Дон и Донец в «Слове о полку Игореве» // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1. М., 1958. С. 5–11.
[72] Плетнева С. А. Половецкая земля. С. 294.

древнерусское население покинуло Тмутаракань[73]. Однако какая-то часть потомков древней северы, по всей видимости, продолжала обитать в своих городищах и под половецким господством. В половецкой земле XII в. известны города: Шарукань, Сугров, Балин. С. А. Плетнева предположительно локализует их соответственно современным Чугуеву, Змиеву, Гайдарам Харьковской области[74]. Маловероятно, чтобы кочевники-половцы составляли основное население этих городов. Как правило, на завоеванной кочевниками территории среди городского населения преобладали местные жители, которые продолжали заниматься ремеслами и земледелием. Одним из свидетельств этого может служить летописный рассказ о походе в 1111 г. переяславского князя Ярополка в союзе с сыном черниговского князя Всеволодом Давидовичем на «Дон» против половцев[75]. Русскими князьями были взяты все три половецких города. Характерно замечание летописца о том, что жители Шаруканя дружественно настроены к русским. Несомненно, будь эти жители половцами, вряд ли стали бы они оказывать теплый прием русским дружинникам. И еще интересная деталь – Ярополк Владимирович взял отсюда жену себе – «ясьского князя дщерь». В VII – IX вв. это была аланская земля и потомки их – ясы – жили здесь в XII в. и даже имели своего князя. Видимо, «половецкие» города были населены не половцами, а потомками алан и древней северы. Конечно, половецкие ханы владели городами, давали им свои имена, рядовые половцы видимо ставили свои вежи у городских укреплений, но населяли их главным образом древние обитатели этой земли.

Последний период половецкой истории в южнорусских степях, с конца XII в. до татаро-монгольского завоевания, характеризуется отсутствием военных столкновений между половцами и южнорусскими князьями. Этот период знаменуется широчайшим участием кочевников в междуусобных войнах русских князей[76]. Новгород-Северские Ольговичи были в родстве с некоторыми половецкими ханами и особенно часто использовали своих половецких «уив» (дядей) в междуусобной борьбе.

В 30-х годах XIII в. кончилась власть половцев над южнорусскими степями. Прекращаются летописные известия о них. Из других источников известно, что половцы вели упорную борьбу с татаро-монголами[77]. Войдя в состав Золотой Орды, половцы остались на преж-

---

[73] Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 70–71.

[74] Плетнева С. А. Половецкая земля. С. 270–271.

[75] ПСРЛ. Т. 2. С. 284.

[76] Плетнева С. А. Половецкая земля. С. 275–300.

[77] Греков Б.Д., Якубовский Л.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 57–59; Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 228–235.

них местах. Г.А. Федоров-Давыдов, проследивший на археологическом материале перемещения, совершавшиеся в половецкой степи конца XIII в. и в XIV в., отметил откочевку значительного количества полоцев в Поволжье[78].

Накануне татаро-монгольского вторжения исследователи отмечают наличие в древнерусских княжествах кроме центробежных еще и центростремительных тенденций[79]. Объединительный процесс шел в двух направлениях: на северо-востоке вокруг Ростово-Суздальской земли и на юго-западе вокруг Галицко-Волынской. Чернигово-Северская земля оказалась как бы в срединном положении не только географически, но и в смысле политических интересов и, видимо, экономических связей. Черниговские князья вели постоянную борьбу с владимиро-суздальскими князьями за свои северо-восточные земли – «Лесная земля» и «Вятичи». На юге их главными соперниками были галицко-волынские князья. Княжеские распри и феодальные усобицы продолжались. Едва наметившийся в русских княжествах объединительный процесс был прерван нашествием монголо-татар.

3.2. Влияние монголо-татарского завоевания на населенность и население Северской земли

Вопрос о роли монгольского нашествия и золотоордынского ига в русской истории всегда относился к разряду чрезвычайно важных и одновременно сложных, дискуссионных. Исчерпывающе однозначного ответа на этот вопрос мы не имеет до сих пор. Изучение проблемы на протяжении нескольких столетий привело исследователей к абсолютно разным оценкам и порой полярным выводам. Одни из них (Л. Гумилев, Б.Васильев и др.) считают, что ига фактически не было, а был союз Руси с Ордой; другие – указывают на разрушительные последствия золотоордынского ига, которое затормозило развитие древнерусских земель, обусловив в перспективе заметное отставание от стран Западной Европы (Б. Рыбаков, П. Толочко, М. Котляр и др.).

Широко распространенный как в научной, так и в популярной литературе термин «татаро-монгольское нашествие» является условным и не совсем точным. Собственно, монголы не составляли большинства в войске – их насчитывалось лишь несколько процентов от общей численности завоевателей, но именно они были цементирующим ядром, воинской элитой, которая вела за собой покоренные народы. Что касается татар, то этот народ – лишь один из покоренных, представители которого занимали высокие посты при дворе монгольского хана, но их

---

[78] Федоров-Давыдов Г.А. Указ соч. С. 150–163. Рис. 22, 23.

[79] Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 6; Зайцев А.К. Указ. соч. С. 111–117.

роль в монгольском государстве не была доминирующей. Таким образом, грандиозную экспансию восточных народов в западном направлении целесообразнее называть монгольской, так как именно монголы были ее организаторами и лидерами.

Появление термина «монголо-татары» обусловлено многими обстоятельствами. Так, китайские хронисты, описывая народы, что проживали на север от Китая, в районе Великой Степи, называли все степные этнические объединения одним именем «татары», как мы называем европейцами всех жителей Западной Европы. Со временем эта традиция укоренилась в европейской терминологии XIII – XIV вв., в которой понятие «татары» употреблялось для обозначения монголов-завоевателей. Поэтому в средневековую эпоху слова «татары» и «монголы» для хронистов и летописцев стали практически синонимами. Возможно, синтетический термин «монголо-татары» употреблялся для более полной и всеобъемлющей характеристики ордынцев, ведь он фиксировал определенное единство лидеров (монголы) и массы (татары как сборное название кочевников Большой Степи).

Наступление монголо-татар на Русь, как известно, не ограничивалось походом Батыя. Только общая картина – нашествие Батыя и более поздние монголо-татарские походы – дает представление о поистине огромном уроне, нанесенном древнерусским землям завоевателями и позволяет правильно понять процессы, происходившие в русских княжествах во второй половине XIII в. Многочисленные свидетельства источников говорят о непрекращающихся татарских ратях в течение второй половины XIII в.[80]

Уже первые последствия завоевательных походов монголов были катастрофическими для древнерусских земель. Во-первых, в результате разрушения городов произошло падение их роли и значимости. Из 74 древнерусских городов XII – XIII вв., известных по археологическим раскопкам, 49 были разорены полчищами Батыя, кроме того, 14 так и не возродились, 15 со временем превратились в села. Во второй половине XIII века не был построен ни один новый город, а домонгольского уровня каменного строительства удалось достигнуть лишь через сто лет после нашествия Батыя[81]. Во-вторых, разрушение городов, гибель или рабство значительной части ремесленников привели к упадку ремесла и торговли, утрате преемственности в ремесленном производстве, исчезновении целых отраслей производства, таких как, например, ювелирное с техниками эмали, черни, зерни; резьбы по камню, некоторых видов оружейного искусства и др. В-третьих, физическое уничтожение,

---

[80] Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 167–168.

[81] Бойко О.Д. Історія України. Київ, 1999. С. 50.

рабство и бегство стали основными факторами заметного уменьшения численности населения на юге Руси. Впрочем, тотального запустения степной и особенно лесостепной части древнерусских земель не произошло. Как отмечал М.Грушевский, лесной пояс стал своеобразным резервуаром, в котором степное население пряталось во времена лихолетья, а при более благоприятных условиях снова начинало обживать оставленные земли. В-четвертых, уничтожение в борьбе с завоевателями значительной части феодальной элиты не только заметно ослабило противодействие завоевателям со стороны местного населения в начальный период установления господства монгол, но и существенно затормозило и деформировало развитие феодального землевладения и всей системы феодальных отношений.

Сущность золотоордынского господства как исторического явления состоит в формировании и укреплении стойкой системы зависимости русских земель от завоевателей. Золотоордынское иго проявилось прежде всего в трех сферах: экономической (система податей и повинностей – дань, мито, плужное, подводное, корм, ловчее и пр.); политической (утверждение Ордой князей на столах и выдача им ярлыков на управление землями); военной (обязанность русских княжеств направлять своих воинов в монгольское войско и принимать участие в его военных походах). Следить за сохранением и укреплением системы зависимости призваны были ханские наместники в русских землях – баскаки. Кроме того, с целью ослабления Руси Золотая Орда на протяжении почти всего периода своего господства практиковала опустошительные походы в русские земли. Лишь до середины XIV в. на земли Северо-Восточной и Юго-Западной Руси было осуществлено более 20 военных нападений ордынцев[82].

В противовес взглядам Карамзина и Костомарова, А.Н. Насонов доказал, что основная линия активной монгольской политики на Руси выражалась не в стремлении создать единое государство из политически раздробленного общества, а «в стремлении всячески препятствовать консолидации, поддерживать взаимную рознь отдельных политических групп и княжеств». Централизованное русское государство создавалось как раз в процессе борьбы с татарами, начиная с конца XIV в., «когда борьба была возможна по состоянию самой Золотой Орды»[83]. Монгольское завоевание предопределило появление ряда устойчивых тенденций, которые заметно повлияли на историческое развитие русских земель, качественно изменили характер государственных структур, наложили значительный отпечаток на ментальность народа. В результате двухсотлетнего ордынского господства произошло постепенное вытес-

---

[82] Там же. С. 51.
[83] Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 5.

нение во взаимоотношениях между князем и местной знатью принципа вассалитета и утверждение системы подданства. Особенно эта тенденция заметна в Северо-Восточной Руси, где влияние ордынцев было наиболее ощутимо.

Вассалитет – средневековая система личной зависимости одних феодалов (вассалов) от других, более могущественных феодалов (сеньоров). Принцип вассалитета допускал некоторые права и привилегии для различных категорий населения, что в определенной степени ограничивало своеволие монарха. Именно права и свободы, которые базировались на вассалитете, со временем легли в основу европейской правовой системы, способствовали формированию буржуазных отношений. После монгольского завоевания принцип вассалитета активно вытесняется системой подданства. Этому способствовали ряд причин. Во-первых, столкновение князей с монгольской моделью управления надолго запечатлело в их генетический код сам дух подданства: абсолютную покорность подданных и беспредельную власть правителя (власть по типу восточной деспотии). В обмен на собственный суверенитет в Орде вместе с ярлыком князь получал неограниченную власть над своими подданными. Во-вторых, после гибели значительной части феодальной элиты (князей и дружинников), которые были опорой и олицетворением вассальных отношений, создаются условия для формирования новой знати (посадники, тиуны, мечники), которая формировалась уже на почве подданства. Со временем именно эта система подданства стала основой для создания Российской империи с абсолютной, неограниченной властью монарха.

Псковская первая летопись и «Летопись Авраамки» сообщают дату падения Чернигова – 18 октября 1239 года[84]. Чернигово-Северская земля, представлявшая в княжеское время одну из цветущих областей со многими городами, после татарского нашествия значительно опустела. Прежние центры ее – Чернигов, Новгород-Северский – потеряли политическое значение. Прекратили существование подавляющее большинство поселений в междуречье нижней Десны и Днепра[85], где сосредотачивалась «вся жизнь» черниговских князей. Спасаясь от постоянных татарских «ратей», которые в последней четверти XIII в. происходили почти ежегодно[86], жители бегут в более безопасные места. Определенное единство населения, сложившееся в рамках Черниговского княжества как раннефеодального образования было нарушено. На некоторое время центр политической жизни Черниговского княжества передвига-

---

[84] ПСРЛ. Т. 1. С. 469. Т. 2. С. 782. Т. 4. С. 51.

[85] Шекун А.В., Веремейчик Е.М. Селища IX – XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. Киев, 1988. С. 106.

[86] Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 167.

ется на север, к верховьям рек Десны, Сейма, Оки, и Брянск становится столицей княжества, а его князья именуются одновременно и великими князьями Черниговскими[87].

За время от нашествия Батыя до подчинения Южной Руси литовским князем Ольгердом имеется очень мало летописных известий о судьбах Чернигово-Северской земли. Черниговская летопись, по всей видимости, существовавшая[88], не дошла до нас. Соответственно молчанию летописей, отсутствуют систематические сведения о Северской земле этого периода и у дореволюционных историков (П.В. Голубовский, Д.И. Багалей). В.В. Мавродин также вынужден признать, что не может дать связной истории Северских княжеств за время татаро-монгольского завоевания[89].

Положение Северской земли во время татарского владычества было весьма тяжелым, в особенности для ее юго-восточных областей, граничащих с татарскими кочевьями. В летописях часто встречается выражение, что враги «землю всю пусту сотвориша». В то же время сами летописные указания на запустение, порой свидетельствуют, что часть населения оставалась на прежних местах. Так, например, в летописном рассказе о князе Михаиле Черниговском, убитом в 1246 г. в ставке Батыя, описывается состояние княжества после монголо-татарского нашествия: «Села от того нечестивого Батыева плениния запустеша и ныне лесом зарасташа, точно знамениа имен им памятных от рода в род предпосылаются»[90]. В этом же сказании говорится, что иные жители Черниговской земли бежали в дальние страны, но другие скрывались в пещерах, в горах и лесах, а затем возвращались к своим старым жилищам – ведь кто-то же передавал «из рода в род» названия «памятные» сел и городов. Описание границ черниговских, составленное примерно в 1153 г.[91] свидетельствует о постоянном существовании некоторых сел (Блестовичи, Хоробор) с домонгольских времен – летописные Блестовит (1151 г.) и Хоробор (1153 г.)[92], а в наше время это с. Блистово и

---

[87] Зотов Р.В. О Черниговских князьях по «Любецкому синодику» и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 191.

[88] Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.; Л., 1938. С. 364; Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 47, 72.

[89] Мавродин В.В. Левобережная Украина под властью татаро-монголов // Ученые записки ЛГУ. 1939. Вып. 32. С. 51.

[90] ПСРЛ. Т. 15. С. 386.

[91] Документы МАМЮ. Т. 1. М., 1897. С. 63–64; Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута // Чтение в обществе Истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1892. Кн. 4. С. 288–289; Василенко Н. Очерки по истории Западной Руси и Украины. Киев, 1916. С. 560.

[92] ПСРЛ. Т. 2. С. 58, 73.

с. Макошин. Даже в такой, казалось бы, более всего опустошенной области, как Переяславская, до XIX века удержались названия одиннадцати сел Переяславского уезда с княжеской эпохи[93]. По замечанию Любецкого синодика, князь Черниговский Олег Романович по смерти своей «оставил двадцать тем людей»[94], т.е. 200000. На сохранение остатков местного населения в Переяславской земле указывает также создание в 1261 г. объединенной Сарайской и Переяславской епархии[95]. Она обслуживала русское население Нижнего Дона, Приазовья, Северного Кавказа и Переяславщины.

Дореволюционный историк О.М. Андрияшев, анализируя демографические последствия монгольского нашествия, с удивлением отмечал, что Посеймье, которое находилось недалеко от татарских кочевий, должно пострадать от татар не менее других частей Северской земли. Однако именно здесь, как и до нашествия, продолжает существовать много мелких княжеств, из чего Андрияшев делает вывод, что в этом районе «люду не поменшало»[96]. Другой дореволюционный исследователь П.Г. Клепатский отмечал, что путивльское Посеймье, которое в древнерусский период не было «лакомым кусочком для искателей уделов и, очевидно, было вовсе не многолюдным», в XIV в. превращается в «цветущую провинцию»[97], что впоследствии подтвердили археологические исследования этого региона[98].

Если разоренная Переяславская земля как княжество в результате монголо-татарского завоевания прекратила свое существование и попала в непосредственное подчинение татар[99], то Чернигово-Северской землей татары управляли при помощи местных князей. Процесс феодального дробления в этот период усилился. Наряду с Черниговским княжеством здесь во второй половине XIII и XIV в. существовали Новгород-Северское, Путивльское, Глуховское, Трубчевское, Рыльское, Курское и Брянское княжества. Все княжества были поставлены в вассальную зависимость от Золотой Орды. Хан оставил князей и бояр на их местах, но подчинил своей власти. Русское население было обложено данью в пользу хана и татарской знати. Для определения размеров дани в регионе проводились переписи местного населения. Сведения о первой переписи, которая прошла в конце 1245 – нача-

---

[93] Стороженко О. Очерки Переяславщины // Киевская старина. 1891. № 11. С. 207.

[94] Зотов Р.В. Указ. соч. С. 202.

[95] Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1917. Т. 2. Первая половина тома. С. 60; Вторая половина тома. С. 27–28.

[96] Андріяшев О. Нарис історії колонізації Сіверськоі землі до початку XVI ст. // Записки Історично-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1928. Кн. 20. С. 115–116.

[97] Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912. С. 433–434.

[98] Березовець Д.Т. Дослідження на території Путивльського району, Сумськоі області // Археологічні пам′ятки УРСР. Київ, 1952. Т.3. С. 242.

[99] Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 299–300.

ле 1246 г. сохранились в «Житии» Михаила Черниговского и «Истории монголов» Плано Карпини[100]. По мнению исследователей, эти сведения происходят из одного источника общерусского характера[101].

В княжества назначались баскаки (наместники) с войсками; под их контролем находились князья[102]. Так, к примеру, в летописи под 1283–1284 гг. есть рассказ об откупнике Ахмате, который держал «баскачество Курского княженья» и на землях князя рыльского и воргольского Олега основал две слободы, куда люди «со всех сторон сшедшеся»[103]. Этот эпизод не только очередной раз подтверждает наличие института баскаков в русских княжествах, но, и это более интересно, говорит о неоднозначности миграционных процессов в Северской земле второй половины XIII века. Традиционно эти процессы характеризовались лишь как отлив населения на север, в верховья Десны и Оки, но, видимо, были и процессы обратного движения (при несомненном превалировании первых). Обратное движение населения могло быть там, где возникала возможность обосноваться под покровительством татарских наместников. Об этом же говорит и П.Г. Клепатский, указывая как на историческую аналогию, на летописных болоховцев, «седящих за татары»[104].

В годы татарского господства независимо от древней Северской земли протекала экономическая и политическая жизнь так называемых «Верхнеокских», или «Верховских», княжеств (Новосиль, Одоев, Белев, Торуса, Карачев и др.). Единственным указанием на старинные связи их с Чернигово-Северской землей являлось только черниговское происхождение их княжеских линий[105]. Современный исследователь политической истории древнерусских княжеств XIII – XIV вв. Д.Н. Александров полагает, что Верховские княжества на протяжении всей второй половины XIII в. не фигурируют на страницах ни одной известной летописи, не упоминаются ни в одном актовом источнике за вторую половину XIII века. Однако в начале XIV в. карачаевские князья приняли активное участие в политической борьбе, разгоревшейся на территории бывшей Чернигово-Северской земли. Карачаеский князь Святослав Мстиславич даже на короткое время захватил черниговский княжеский престол, но,

---

[100] Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 228; Плано Карпини И. История монголов. СПб., 1911. С. 33.

[101] Стависький В.І. До питання про загальноруське літописання 40-х років XIII ст. // Український історичний журнал. 1991. № 8. С. 141–147.

[102] Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунов А.Ю, Терещенко Ю.Я. Основы курса истории России. М., 1997. С. 74–75.

[103] ПСРЛ. Т. 1. Ст. 481–482.

[104] Клепатский П.Г. Указ. соч. С. 433–434; ПСРЛ. Т. 1. Ст. 838.

[105] Мавродин В.В. Левобережная Украина под властью татаро-монголов. С. 48.

несмотря на имеющиеся политические перспективы, Карачаевское княжество не стало ведущим в обозначенном регионе[106].

Больше всего в собственно Батыево нашествие пострадали города и городское население, тщетно искавшее спасения за крепостными стенами. Вопрос о последствиях монголо-татарского нашествия для русского города хорошо разработан советскими историками[107]. Именно городам и городской культуре древней Руси монгольское завоевание нанесло самый непоправимый урон. Древнерусские города, развивавшиеся в рамках общеевропейского социокультурного процесса, после монгольского завоевания утратили перспективу стать центрами складывания новых буржуазных отношений.

Последующие после Батыева нашествия татарские рати в основном разоряли сельские местности, так как города, за немногими исключениями, не подвергались разгрому, и населению их удавалось отсидеться за городскими стенами. Татарские погромы подорвали экономику феодальной деревни. В условиях постоянной военной опасности, особенно в южных городах и юго-восточных районах Северской земли, значительно уменьшилась роль земледелия. Важными занятиями наряду с земледелием становятся бортничество, собирательство, охота[108].

Ослабленные и обескровленные земли Северские становятся с конца XIII в. легкой добычей для соседей. Северные области, землю вятичей, постепенно прибрали к рукам Московские князья. Рязанские князья также стремились расширить свои владения за счет Северских земель, но в XIV веке наступательному движению Рязани был положен предел, с одной стороны Москвой, с другой – Литвой[109].

По всей видимости, монгольское завоевание не сказалось существенным образом на этническом составе населения Чернигово-Северской земли. Сам характер монгольского владычества на Руси вообще и в Черниговской земле в частности, свидетельствует об этом[110]. Русские земли не вошли в состав Золотой Орды. На территории Руси не было создано постоянно действующего административного аппарата завоевателей. Даже институт баскаков в начале XIV в. фактически ликвидируется. В соответствии с монгольскими стереотипами поведения хан тре-

---

[106] Александров Д.Н. Княжеские владения в Южной, Юго-Западной, Западной и Юго-Восточной Руси (13–14 вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1997. С. 40–41.

[107] Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956; Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л., 1958; Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV – XV вв. М., 1959; и др.

[108] Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т.1. С. 722.

[109] Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 146.

[110] Мавродин В.В. Левобережная Украина под властью татаро-монголов; Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 53; Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 157–158.

бовал от завоеванных народов покорности, исполнения приказов, но не отказа от их веры, традиций и обычаев. Именно эти особенности золотоордынского господства в значительной мере дали возможность восточным славянам не только сохранить собственную этническую самобытность, но и накопить государственнотворческие силы.

Лишь на самом юге Северской земли южнее Сулы, в древней стране торков, черных клобуков и половцев, исследователи отмечают постоянное оседание кочевых племен[111]. Эти кочевники представляли собой старое население южнорусских степей, состоявшее главным образом из половецких, а также остатков печенежско-торческих племен. Войдя в состав Золотой Орды, эти племена со временем стали именоваться «татарами». На протяжении XIV – XV и начала XVI вв. «татары» кочевали у самой северной границы лесостепи, часть из них переходила к оседлому образу жизни. Аналогичный процесс на нижнем Дону, Днепре, Кубани имел место в скифо-сарматские времена, а на территории северной лесостепи – в VIII – IX вв. (салтово-маяцкая культура) и позже – в X – XII вв., когда в южнорусские княжества, в том числе и Черниговское (черниговские ковуи), проникала тюркская «колонизация». Подобное явление наблюдается здесь и в татарские времена. Конечно, далеко на север кочевники заходили не часто, была своеобразная «нейтральная» полоса, где ходила русская «сторожа» и оставалось уцелевшее древнее местное население.

В целом же, в пределах Древней Руси в результате татарского нашествия отмечается перемещение отдельных групп среди собственно русского населения. Северо-Восточная Русь, несомненно, испытала в этот период значительный прилив населения с юга, о чем свидетельствуют русские летописи, в частности, «Степенная книга» сообщает, что люди шли «в Суздальскую землю от славныя реки Днепра и от всех стран Русская земли: Галичане, Волыньстии, Черниговцы, Переяславцы... И тако множахуся»[112]. При опустошении Черниговской земли часть ее жителей спасалась в лесах Брянщины, а также на Правобережье Днепра, в Галицко-Волынской земле. В самой Северской земле, оказавшейся на татарском пограничье, сохранялось древнее население, хотя и существенно поредевшее. Наиболее безопасными для жизни были лесные районы севера Черниговской земли; сюда устремилось население из пристепного Посемья и южной Черниговщины, из опустошенной Переяславской земли, что отнюдь не означало полного запустения и обезлюдения этого края. В XV в. по рекам Суле, Пслу, Ворскле,

---

[111] АЮЗР. Киев, 1886. Ч.7. Т. 1. С. 35; Багалей Д.И. Очерки истории колонизации степной окраины Московского государства. М.,1887. С. 73–74; Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 316–317; Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 247–249.

[112] ПСРЛ. Т. 21. С. 253.

в «сиверских уходах» живут севрюки[113]. Несколько иначе обстоит вопрос с городским населением. Еще князь Владимир, строя в X в. для защиты от печенегов города по рекам Стугне, Суле, Трубежу и Остру, заселял их не только местными жителями, но и своими дружинниками, в числе которых были словене, кривичи, вятичи, чудь и, вероятно, поляне. Таким образом, этнический состав городов часто отличался большей сложностью и пестротой чем основное население края. В татарское нашествие больше всего пострадало городское население. Новое возрождение городов Северской земли происходило не только на основе местного населения, что было связано в XV – XVII вв. с военно-сторожевой спецификой порубежных областей.

Таким образом, учитывая культурный и генетический вклад разных этнических элементов в формирование славянского населения древней Северской земли, можно сделать следующие выводы.

Летописная севера представляла собой племенной союз, существовавший примерно в VIII – X вв. н.э. на юго-восточной окраине восточнославянского этнокультурного мира. В своей основе Северский племенной союз был разноэтничным образованием; корни этой разноэтничности восходят к носителям зарубенецкой, черняховской, волынцевской и других археологических культур. В то же время славянские племена, по всей видимости, играли решающую роль и, в конечном итоге, определили этнический облик всего населения древней Северской земли. Происхождение названия «севера», вероятно, связано с алано-болгарским населением Причерноморских степей[114].

В основе формирования Чернигово-Северского и Переяславского княжеств лежали качественно иные связи и отношения, чем в предшествующий период. Это раннефеодальные образования. Процесс разложения родоплеменных отношений и феодализации являлся общим для всех восточных славян, хотя и не одновременным, феодализация общества устанавливала определенный строй отношений и связей. Формирующиеся феодальные земли нарушали границы племенных объединений, сложившихся на базе первобытнообщинных отношений.

В пределах раннефеодальных княжеств, образовавшихся на землях северы – Черниговском и Переяславском, видим тот же смешанный состав населения. В их границах оказываются севера, вятичи, радимичи, поляне, по южным и восточным рубежам оседают кочевые тюркоязыч-

---

[113] Багалей Д.И. Очерки истории колонизации степеной окраины Московского государства. С. 68; Багновская Н.М. Севрюки (население Северской земли в XIV – XVI вв) // Вестник МГУ. История. 1980. № 1. С. 57–69.

[114] Багновская Н.М. Свидетельства различных источников о происхождении названия племени «севера» // Гуманитарные науки. Сб. статей. Вып. 11. М., 2000. С. 12; Акашев Ю.Д., Багновская Н.М. Летописная севера // Проблемы отечественной истории. Сб. статей. Вып. 1. М., 2001. С. 10–11.

ные народы, со временем славянизирующиеся. Основную территорию Черниговского княжества составили земли северы, т.е. летописная севера была ядром формирования Чернигово-Северской земли как раннефеодального образования. Южные земли Северского племенного объединения отошли к Переяславскому княжеству. Феодальные земли как бы «перекроили племена», соединив в своих границах не прежнее единство, а разные группы. Выдвинувшиеся далеко в степь юго-восточные северские поселения со временем оказались под властью половецких ханов.

Вторжение монголо-татар отразилось прежде всего на социально-экономической жизни края. Произошла консервация и дальнейшее углубление феодальной раздробленности. Заметные изменения произошли в численности населения различных областей Северской земли; отмечаются значительные перемещения населения в северные районы. На этнический состав населения собственно монгольское завоевание не оказало заметного влияния. С другой стороны, столь грандиозное по своей значимости историческое событие, как монголо-татарское завоевание Руси, несомненно, повлияло не только на дальнейший ход исторического развития Северской земли, но и на течение этнических процессов в ее пределах. В результате ослабления обороноспособности Руси в XIV – XV вв. южные и западные русские земли оказываются в составе Литовского княжества и Польского государства, в том числе и значительная часть Северской земли попадает в зависимость от Великого княжества литовского. Юго-восточные и северо-восточные северские земли остаются под властью Орды, а впоследствии входят в состав Московского государства. В результате этого население попадает под влияние разных государств и культурных традиций, которые существенно меняют характер и динамику их общественного развития. Этническая дифференциация древнерусского населения в этот период углубляется, и начинается процесс формирования русской, украинской и белорусской народности.

Глава 4.
НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ В XIV–XVI ВВ.

4.1. Северская земля в составе Великого княжества Литовского

Бесконечные монголо-татарские рати на протяжении второй половины XIII в., от которых больше всего страдали южные и юго-западные древнерусские земли, сделали свое дело. К началу XIV в. древний Киев полностью утратил свое значение не только стольного города и политико-экономического центра древнерусских земель, но и, после отъезда в 1300 г. в северо-восточные земли православного митрополита, потерял значение духовного и культурного центра. Последующие столетия ознаменовались не только золотоордынским господством, но и ожесточенной борьбой за древнерусское наследие между Литвой, Польшей и Московским государством. Первым успехов на этом поприще достигло Великое княжество Литовское.

Литовский период истории древнерусских земель – достаточно длительный и важный этап их развития. Реконструкция не только политических и социально-экономических, но и историко-этнических процессов этого периода составляет одну из важных задач современной восточнославянской медиевистики. Осуществление таких исследований выглядит наиболее перспективно на основе регионального принципа, тем более что, как известно, Великое княжество Литовское представляло собой конгломерат отдельных земель, которые на протяжении XIV – XVI вв. сохраняли значительные локальные особенности, генетически восходящие к более ранним периодам их исторического развития.

Период существования Великого княжества Литовского до унии 1569 г. оценивается рядом историков как время существования Литовско-Русского государства, которое сохраняло традиции Древнерусского государства. Другие исследователи убеждены, что в это время шел процесс превращения русских земель в литовскую провинцию. Такие разногласия связаны с тем, что время пребывания русских земель в составе Великого княжества Литовского имеет одну важную особенность: оно состояло из разных по продолжительности и содержанию периодов, в рамках которых доминировала то одна, то другая тенденция.

XIV век – время интенсивного увеличения территории Великого княжества Литовского. Свое проникновение на Русь Литовское княжество начало еще со времен Миндовга (1230–1263 гг.). Тогда главным объектом стали западнорусские (белорусские) земли. Во времена его преемника Гедимина (1316–1341 гг.) начинается экспансия в юго-западные древнерусские (украинские) земли. Вместе с другими древнерусскими землями (Волынь, Подолия, Киевщина) в состав Литовского государства вошла Северская земля.

Утверждение литовского господства в Северской земле имело длительную предысторию. В источниках начала XIII в. отмечены первые столкновения местных князей с литовцами. Под 1203 или 1204 гг.

в Новгородской Первой летописи записано: «победиша Олговиця литву, избиша их 7 сот и 1000»[1]. В Московском летописном своде конца XV в. встречаем известие, что в 1220 г. «приходиша литва и воеваша волость Черниговскую и постиг их, изби всех, а полон отъят»[2]. Безусловно, в этот период речь может идти о спорадических набегах литовских дружин с целью грабежа. После монгольского нашествия ситуация в корне меняется в сторону значительной военной активизации Литвы в этом регионе.

В середине XIII в. князь Миндовг (Миндаугас) объединил воинственные языческие племена литовцев, чтобы дать отпор экспансии Тевтонского ордена немецких крестоносцев, который возник на прибалтийской земле. Из этой борьбы литовцы вышли объединенными и сильными, как никогда ранее. Почувствовав свою военную мощь, литовские военные дружины пытаются проявить ее в древнерусских землях, находящихся под властью Золотой Орды. В 1258 г. воевода Миндовга Хвал «иже велико убийство творяше земле Черниговской», а в 1263 г. «послал бяшетъ Миндовг всю свою силу за Днепр на Романа на Бряньского князя»[3]. Однако во второй половине XIII в. «заднепрянскые князи» находились целиком и полностью «в воли татарьской»[4] и военные походы литовцев не принесли им территориальных приобретений.

В белорусско-литовских летописях широкой редакции имеются рассказы об основании литовцами, вскоре после монгольского нашествия, на русских землях города Новгорода (современный Новогрудок), о военных сражениях литовских князей с царем Заволжской Орды и о поражении «того царя, и всю его моць татарскую», и о походе на Русскую землю и взятии городов Мозырь, Чернигов, Стародуб и Карачев[5]. Эти рассказы впоследствии попали в «Хроники» М.Стрийковского, И.Бельского, Ф.Софоновича и в украинский хронограф[6]. Однако современные исследователи считают, что белорусско-литовские летописи датируются первой половиной XVI в. и отмечены ярко выраженной политической тенденциозностью, в частности стремлением доказать исторические права Великого княжества Литовского на Северскую землю,

---

[1] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 45, 246.

[2] ПСРЛ. Т.25. М.; Л., 1949. С. 117–118.

[3] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М. 1962. Ст. 840, 860–862.

[4] Там же. Ст. 872, 892.

[5] Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 91, 129–130, 146–148, 174–176, 194–196, 215–217; Хроника Быховца // ПСРЛ. Т.32. М., 1975. С. 130–131.

[6] Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska Zmodzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Cz. 1. S. 247–248; Kronika Polska Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. T. 1. S. 257; Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 171–172; Хроника литовская и жмойтская // ПСРЛ. Т.32. С. 23–24.

которая с начала XVI в. находилась в составе Московского государства. Это и объясняет легендарный характер приведенных выше рассказов[7].

Легендарный характер имеет и рассказ о завоевании Волыни и Киевщины князем Гедимином, в котором среди киевских «пригородков», покоренных Гедимином, называется и северский Путивль[8]. На рубеже XIX – XX вв. в исторической литературе развернулась дискуссия о достоверности данного рассказа. В то время победило мнение историков В.Б. Антоновича, Р.В. Зотова, Ф.И. Леонтовича, О.Е. Преснякова о недостоверности данного рассказа. Точку в данной полемике поставил П.Г. Клепатский, который, проанализировав все аргументы «за» и «против» включения Северщины в состав Великого княжества Литовского Гедимином, пришел к выводу, что рассказ широкой редакции литовско-русской летописи о завоевании Киева времен Гедимина, не известен из других, более ранних источников и имеет против себя множество никем пока не опровергнутых возражений[9]. Однако, вскоре после выхода в свет работы П.Г. Клепатского, появляется публикация М.Д. Приселкова и М.Р. Фасмера «Отрывков В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века»[10], которая послужила толчком к пересмотру мнения о легендарном характере литовского завоевания Киева в 30-х гг. XIV в. С этого времени в исторической литературе преобладает мнение о литовской супрематии над Киевом и округой со времен Гедимина[11]. Современная украинская исследовательница

---

[7] Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 70–77; Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 158–172; Русина О.В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 55–56.

[8] Летописи белорусско-литовские. С. 96, 153, 180, 200, 221; Хроника Быховца. С. 137.

[9] Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912. С. 1–12.

[10] Приселков М.Д., Фасмер М.Р. Отрывки В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия Отделения русского языка и словесности имп.Академии наук. 1916 г. Т.XX1. Кн. 1. Пг., 1916. С. 48–70.

[11] Петрунь Ф. Українські степи за ранньої татарської та за литовської доби: Замітки і зауваження // Полуднева Україна. Київ, 1930. С. 160; Kuczynski S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rzadami Litwy. Warszawa, 1936. S. 106–108; Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 156; Батура Р.К. Борьба Литовского великого княжества против Золотой Орды: От нашествия полчищ Бату до битвы у Синих Вод. Автореферат диссертации на соикание ученой степени кандидата исторических наук. Вильнюс, 1972. С. 20–21; Шабульдо Ф.М. Про початок приєднання Великим князівством Литовським земель Південно-Західної Русі // Украньский історичний журнал. 1984. № 6. С. 44–46; Его же. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 26–31; Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983. С. 243–244; Гудавичюс Э. По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском // Феодализм в Балтийском регионе. Рига, 1985. С. 39; Ставиский В.И. «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 98–99; Яковенко Н.М. Українська шляхта з кінця XIV ст. до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 84; Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993. С. 94–96.

О.В. Русина подвергла текст отрывков В.Н. Бенешевича скрупулезному источниковедческому анализу и пришла к выводу об отсутствии веских доказательств историчности Гедиминового завоевания Киева[12].

Итак, концепция присоединения к Литовскому государству Северских княжества в 20-х – 30-х гг. XIV в., активно пропагандируемая М. Стрийковским на основании недостоверных источников XV – XVI вв., несомненно, была элементом официальной идеологии и инструментом в дипломатической практике XVI – XVII вв. Что касается действительного времени вхождения Северских княжеств в состав Великого княжества Литовского, то О.В. Русина считает, что единственный населенный пункт на Северщине, относительно которого есть определенные свидетельства достоверных источников, – это Брянск. Осенью 1356 г. «воевал Олгерд Брянеск и Смоленск», а в следующем году Смоленский князь Василий «приде из Орды, сел на княженьи в Дьбряньске; и, мало пребыв… преставися; и бысть в Бряньске лихостию лихих людей замятьня велика и опустенье града; и потом нача обладати Ольгерд Брянском»[13]. По мнению ряда исследователей, благодаря деятельности пролитовски настроенных групп местного боярства, процесс утверждения в Брянске Ольгерда носил сравнительно мирный характер и произошел примерно в период между 1357 и 1360 гг.[14] Однако покорение Брянска нельзя отождествлять с включением всей Северской земли в состав Великого княжества Литовского. Действительно, многие исследователи называют Брянск этого времени «центром», «главным городом» Северской земли[15], но это не совсем верно. Брянск с середины XI в. принадлежал черниговским князям, а во второй половине XIII в. даже стал ненадолго их резиденцией (в связи с монгольским завоеванием), но уже в 90-х гг. того столетия оказался под контролем смоленских князей[16].

---

[12] Русина О.В. Указ. соч. С. 60–66.

[13] Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т.10. М., 1965. С. 228; Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Ст. 65.

[14] Андріяшев О. Нарис історіі колоніизаціі Сіверськоі землі до початку XVI віку // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. Кн. 20. Київ, 1928. С. 116; Kuczynski S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rzadami Litwy. S. 116–120; Клепатский П.Г. Указ. соч. С. 16–22; Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 65.

[15] Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда // Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т.1. С. 115; Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев, 1889. Т.1. С. 209; Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 44; Клепатский П.Г. Указ. соч. С. XXIII; Андріяшев О. Указ. соч. С. 21; Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в.: (По материалам археологических исследований). Киев, 1982. С. 37.

[16] Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 307; Грушевський М.С. Історія Украіни-Руси. Львів, 1905. Т.3. С. 179.

Соответственно, борьба Ольгерда за Брянск представляла собой один из аспектов литовско-смоленских отношений, стремление Литвы вернуть себе контроль над Смоленском, утраченный в начале 1350-х гг.[17]

По мнению О.В. Русиной, для разрешения вопроса о присоединении Северщины к Великому княжеству литовскому важным является факт одновременного перехода под власть Ольгерда Брянска и Киева, которые находились под непосредственным контролем Орды, о чем свидетельствует участие Орды в брянских делах первой половины – середины XIV в. и присутствие ханского баскака в окружении Федора Киевского, которого (или его тезку) со временем заменил сын Ольгерда Владимир[18]. Возможны два варианта развития событий на Киевщине: или Владимир Ольгердович сразу признал превосходство Орды, или, по мнению Грушевского, «о своих правах на Киев татарские властители вспомнили и напомнили литовским князьям» позже[19], после окончания феодальных усобиц в Орде, которые вспыхнули после гибели хана Джанибека (1357 г.). Известно, что на протяжении 1359–1361 гг. в золотоордынской столице Сарае сменилось семь ханов, а в 1362 г. Орда распалась на две части с границей по Волге. Последующие два десятилетия, до прихода к власти Тохтамыша (1380 г.), были заполнены напряженной борьбой между сарайскими правителями и марионеточными ханами волжского Правобережья[20]. Впрочем, не следует преувеличивать масштабы ослабления Орды. Фактический правитель ее правобережной части – Мамай – удержал под своей властью земли западнее Волги, подавив сепаратистские выступления феодалов своего улуса. Поэтому взаимоотношения между правобережной Ордой и Литвой строились в этот период, скорее всего, не на военном противоборстве, а на принципиально иной основе – договорной. В современной литературе было высказано предположение о возможности заключения какого-то компромиссного соглашения в середине 60-х гг. XIV в., когда обозначилось сближение Литвы и Орды в политико-дипломатической сфере[21].

Таким образом, инкорпорация северских земель в состав Великого княжества Литовского была осуществлена в 50–60-е гг. XIV в., скорее всего, на договорных началах, в форме кондоминиума, что предусмат-

---

[17] Флоря Б.Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 60–65.

[18] Русина О.В. Указ. соч. С. 79.

[19] Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 494–496.

[20] Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 181–191.

[21] Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 151–152.

ривало сохранение даннической зависимости оккупированных Литвой территорий от Орды. Подобный режим существовал и на галицких землях, захваченных Польшей, о чем свидетельствует письмо папы Иннокентия XI королю Казимиру от 1357 г., где он намекает последнему, что тот продолжает платить татарам ежегодную дань с подвластных ему русских земель. Аналогичным был и статус Луцкой волости Любарта по соглашению 1366 г.[22] Только признание ордынского верховенства дало возможность Ольгерду распространить свой политический контроль на Юго-Западную Русь, причем сразу, а не поэтапно, как это осуществлялось в других регионах. Это объясняет отсутствие известий о присоединении, в частности, северских земель к Литве, его как бы «незаметность» для тогдашних хронистов. Кстати, зависимость от Орды рассматривалась последней как вполне реальная, не случайно значительно позже, в 1514 г. крымский хан Менгли-Гирей требовал от Василия III, чтобы тот вернул Литве Северщину, выступая как ее суверен: «Область наша к нам тянет: Брянеск, Стародуб, Почап, Новый городок (Новгород-Северский), Рылеск, Путивль, Карачев, Радогощ, – те писаные восмь городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали по нашему слову»[23].

Хотелось бы обратить внимание на то, что в современной украинской исторической литературе делается очевидный акцент на так называемое «бархатное» литовское проникновение в древнерусские (современные украинские) земли. Пишется, что население приветствовало войска Ольгерда во время продвижения вглубь славянской территории, что литовская власть, сменившая жестокую ордынскую, была мягкой и толерантной, что в конечном итоге произошло ославянивание литовских правителей и созданное без особых завоевательских усилий новое государство представляло собой государство, в котором от народа-завоевателя осталось только название[24].

Несомненно, общеизвестны факты влияния православия на территории Литовского государства, использование в качестве правовой основы государства «Русской правды», русского языка в качестве государственного и многое другое. При этом нужно помнить, что собственно литовские этнические земли составляли в этот период лишь десятую часть государства, и его правители, чтобы удержать под своей властью присоединенные территории, вынуждены были придерживаться правила: «Старого не менять, нового не внедрять». С другой стороны, признавая факт даннической зависимости Литвы от Орды, невозможно не

---

[22] Грушевський М.С. Історія Україні-Руси. Т.4. С. 43, 47.

[23] Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 95. С. 153–154.

[24] Бойко О.Д. Історія України. Київ, 1999. С. 81–83; Субтельний О. Україна. Історія. Київ. 1993. С. 98; Русина О.В. Указ. соч. С. 85–87.

задаться вопросом: на чьи плечи легла эта двойная дань? Ответ очевиден – на население древнерусских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского. Кроме того, процесс ассимиляции завоевателей, о котором так часто пишется в литературе, не завершился. События развернулись несколько иначе. Начиная с правления Ягайла (1377–1392 гг.) в Литовском государстве все больше набирают силу тенденции сближения с Польшей, а Кревская уния 1385 г. коренным образом меняет положение юго-западных русских земель. Видимо, не такой уж радужной была эта двойная зависимость, как видится это сегодня некоторым украинским авторам, на мнении которых, очевидно, сказались политико-идеологические пристрастия.

Таким образом, нет оснований считать, что во второй половине XIV в. в результате военной активности Литовского княжества и в первую очередь Ольгерда была ликвидирована зависимость южнорусских земель, в том числе и Северской земли, от Орды, и только со временем ордынская супрематия возобновилась. Эти представления сформировались более поздней традицией и прежде всего белорусско-литовскими летописями XVI в., в которых династическим претензиям московских властителей на «всю Русскую землю» противопоставлялось право завоевания («право меча»), целиком приемлемое в средневековую эпоху как историко-юридический аргумент.

В последней трети XIV – XV вв., по словам М.С. Грушевского, Северщину держит маленькая группа второстепенных членов Гедиминовой династии, получивших свои волости от сильнейшего литовского князя (то есть Ольгерда), который роздал их в держание[25]. Владея своими уделами «с руки» великого князя литовского, северские князья оставались в сфере верховного права «господаря», соответственно, всякое великокняжеское пожалование фактически было «до воли господарской», так как перемещение князей с удела на удел, соответственно потребностям внешне и внутреннеполитической конъюнктуры, было типичным явлением того времени.

Выражение вассальной зависимости северских князей от великого князя литовского проявлялось в «послушестве»: уплате ежегодной дани, при необходимости предоставлении военной помощи «господарю». В остальном владетельные князья оставались практически автономными единицами Литовского государства. Хорошо характеризует масштаб их суверенитета факт чеканки собственной монеты одним из могущественнейших северских князей – Дмитрием Корибутом[26].

---

[25] Грушевський М.С. Історія Украіни-Русі. Т.4. С. 67–68.
[26] Козубовський Г.А. Сіверські монети XIV ст. Київ, 1992. С. 40.

В известных нам источниках среди литовских уделов в Северской земле наиболее полно представлен брянский[27], известный как владение князя Дмитрия Ольгердовича, который выступает не только как брянский, но и как трубчевский князь. Впрочем, количество данных о Брянске в последней четверти XIV в. является мизерным в сравнении с первой половиной этого века, поскольку, по наблюдениям Л.Л. Муравьевой, с подчинением его Литве «цепь брянских известий в летописях прерывается»[28]. В сравнении с упоминаниями брянских князей, данные летописей о Чернигове и его владетелях в конце XIV в. почти отсутствуют. Единственное упоминание о Чернигове встречается в Евреиновской летописи и связано с указанием на Чернигов и Чарторыеск как на удел Константина Ольгердовича, который, очевидно, сменил там Романа Михайловича в начале 1370-х гг.[29]

Характерная для Северской земли долитовского периода административно-территориальная раздробленность сохранилась и в литовское время. Способствовали такому сохранению переделы уделов между Гедиминовичами, вызванные периодическими отъездами на протяжении XIV – XV вв. из Великого княжества Литовского северских и верховских князей и их бояр в Московское государство и обратно. Уже в конце 1370-х гг. на сторону Москвы перешли некоторые литовские князья: Андрей Полоцкий, Дмитрий Волынский и Владимир Серпуховской, которые в 1379 г. осуществили рейд вглубь северских территорий, в результате которого на службу к великому князю московскому перешел Дмитрий Ольгердович Трубчевский[30]. К этому факту истории Великого княжества Литовского неоднократно обращались в своих исследованиях специалисты, споря о точности даты события и его достоверности[31]. Факт отъезда Дмитрия Ольгердовича не был чем-то экстраординарным. В 1408 г. на московскую службу перешел князь Свидригайло Ольгердович, а с ним ряд черниговских, стародубских и брянских бояр. В 40-е годы XV в. участники феодальных усобиц в Московском государстве неоднократно находили убежище за литовским рубежом[32]. Таким образом, практика смены подданства северскими князьями на протяжении XIV – XV вв. отражала борьбу феодальных групп за сохранение своей власти и влияния.

---

[27] Это перемирная грамота Ольгерда с великим князем московским Дмитрием Ивановичем 1372 г. – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.; Л., 1950. № 6. С. 22; Грамоты XIV ст. № 23. С. 47; Сказания и повести о Куликовской битве. С. 17, 36.

[28] Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси… С. 253.

[29] Летописи белорусско-литовские. С. 223; Хроника Быховца. С. 141.

[30] Рогожский летописец. Ст. 138.

[31] Описание дискуссий по этой проблеме в исторической литературе см.: Русина О.В. Указ. соч. С. 165–166.

[32] Там же. С. 173–174.

В 30-е годы XV в. система уделов на территории Северской земли была фактически ликвидирована, и практически весь регион (Чернигов, Гомель, Стародуб, Трубчевск, Брянск, Новгород-Северский, Радогощ, Рыльск, Почеп, Мглин) вошел в состав великокняжеского домена[33]. Однако после гибели Сигизмунда Кейстутовича его преемник на великокняжеском столе Казимир начинает серию земельных роздач, отраженных в одном из документов Литовской Метрики – так называемой книге «данин» Казимира за 1440–1445 гг.[34] Обращает на себя внимание охват этими актами именно северских территорий в районе Чернигова, Стародуба, Новгорода-Северского, Трубчевска, Рыльска, Почепа, Мглина, Радогоща и др.

Известно, что Казимир пожаловал Брянск, Гомель, Стародуб и «иные многие места» князю Василию Ярославичу Боровскому, который бежал в Литву после того, как Шемяка захватил и ослепил Василия II. Однако княжество Василия Боровского просуществовало недолго: в 1447 г. он покинул Литву и вернулся к активной политической борьбе в Московском государстве[35]. В 1454 г. Стародуб и Гомель были переданы Казимиром ближайшему сподвижнику Шемяки князю Ивану Андреевичу Можайскому; в 1465 г. к этим землям был пожалован Брянск, а в 1496 г. Александр Казимирович жалует Семену Можайскому Чернигов и волости Карачев и Хотимль[36]. Еще один выходец из Московского княжества – князь Иван Дмитриевич Шемячич – получил от Казимира Новгород-Северский и Рыльск. Статус этих земель обрисован в жалованных грамотах князю Можайскому, согласно которым земли получены «ув отчину» с обязательством верно служить великому князю литовскому[37]. Таким образом, возрождение системы удельного землевладения на северских землях в середине XV в. связано не с династическими уделами Гедиминовичей, а с обширными вотчинами московских князей, вынужденных из-за политической нестабильности искать прибежище в Литовском государстве. Как неоднократно отмечалось в специальной литературе[38], со стороны Литовского государства

---

[33] Русская историческая библиотека. Т.27. Ст. 14, 28–30, 45–46, 49–51, 53, 57, 82, 116.

[34] Бережков Н.Г. Литовская Метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. С. 57, 71–77, 116.

[35] Московский летописный свод конца XV века. С. 266–269.

[36] Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 123, 744–746; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее Акты Западной России). Т. 1. № 139. С. 163–164.

[37] Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 123; Акты Западной России. Т. 1. № 139. С. 163–164.

[38] Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII – XV столетий. Пг., 1918. С. 409; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С. 407–408; Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 49; Кром М.М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 63.

образование на территории Северской земли княжеств во главе с представителями московской правящей династии объясняется возможностью использования их как претендентов на московский стол.

В эволюции административно-территориального устройства Северщины литовского периода очень велика роль традиции. Особенно это заметно по традиции административной подчиненности г. Путивля Киеву, несмотря на отсутствие непосредственной географической связи его с Киевской землей. По мнению О.В. Русиной, зависимость Путивля от Киева сформировалась на рубеже XIII – XIV вв. в связи с возобновлением на Киевщине традиции княжеского правления, прерванной вскоре после монгольского нашествия. В то время на киевском столе утвердились путивльские князья, но, очевидно, сохранили тесную связь со своей отчиной. Следы этой связи и проявляются впоследствии в виде административной подчиненности Путивля Киеву[39].

Под непосредственным управлением Литовского государства во второй половине XV в. находились лишь три уезда: Черниговский (до 1496 г.), Брянский (1440–1465, 1485–1500 гг.) и Путивльский (1470–1500 гг.). Согласно данным литовской Метрики, термин «уезд» как название административно-территориальной единицы применительно к указанному региону вошел в употребление в 90-х гг. XV в.[40] Вся административная власть в уезде сосредотачивалась в руках великокняжеского наместника.

По данным Литовской Метрики прослеживаются следующие функции наместника: обеспечение общественного порядка, контроль прибыли с «господарских» земель и «увязанье» в них (введение во владение) пожалованных особ, сбор прямых податей, контроль сбора пошлин, «увязанье» откупщиков, оплата «кредитных» квитанций великого князя[41]. Прерогативы наместников ограничивались необходимостью придерживаться «старины», но на практике «новины» наместников были не редким явлением[42]. Наместник в своей административной деятельности опирался на «урядников»: конюшего, ловчего, скарбника, поездничего, сокольничего и др. Все эти «уряды», связанные с определенными «именьями», находились в «колейном» то есть поочередном держании местных бояр[43].

---

[39] Андріяшев О. Нарис історії колонізації Сіверськоі землі до початку XVI ст. С. 126; Русина О.В. Указ. соч. С. 108–109.

[40] Акты Литовской Метрики. Вып. 1. № 223. С. 88; № 339. С. 131; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 510, 516–517.

[41] Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1. С. 712–713.

[42] Акты Литовской Метрики. Вып. 1. № 328. С. 128; Вып. 2. № 471. С. 21; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 643–644.

[43] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 330 об.-331; Акты Литовской Метрики. Вып. 2. № 435. С. 5.

Уезды состояли из волостей, которые управлялись «колейно» местными боярами. Бояре очень дорожили этой сословной прерогативой, так как, управляя в свою очередь волостью, каждый «выбирал на себя» прибыли с волости[44]. Следует отметить, что институт поочередного держания волостей был достаточно распространен на русских землях Литовского государства и давно обратил на себя внимание исследователей[45].

Рассматривая вопрос о самоуправлении в Северской земле литовского времени, следует отметить институт сотников, фиксируемый в ряде источников[46]. К сожалению, их функции в источниках не очерчены. Исследователи видят в них представителей местного самоуправления в волостях и некоторых городах[47]. Предположение С. Кучинского о существовании в г. Путивле времен правления Казимира магдебурского права[48] не нашло поддержки у других исследователей. Кучинский в своем предположении опирался на упоминание путивльского войта в реестре «данин» Казимира[49]. Но еще М.В. Довнар-Запольский отмечал, что в XV – XVI вв. даже в небольших городах представители городских общин на русском праве назывались войтами под влиянием магдебургских городов[50]. О.В. Русина не исключает, что случайное упоминание о путивльском войте может быть связано с фактом существования в г. Путивле иностранной торговой колонии, которая жила на своем, немецком, праве[51].

О состоянии феодального землевладения в регионе дают представления документы времен королей Казимира и Александра. В этих актах[52], представляющих собой королевские земельные пожалования («данины»), их подтверждения и судебные решения («выроки»), наиболее полно представлены Путивльский и Брянский уезды. Королевские «данины» и пожалования светских и церковных феодалов были глав-

---

[44] Русская историческая библиотека. Т.27. Ст. 245–246, 284; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 330об.-331.

[45] Владимирский-Буданов М.Ф. Поместное право в древнюю эпоху Литовско-Русского государства // ЧИОНЛ. 1889. Кн. 3. С. 76–78; Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. С. 703–704.

[46] Акты Литовской Метрики. Вып. 2. № 471. С. 21; № 511. С 43; Акты Западной России. Т. 1. № 178. С. 202; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 727.

[47] Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 142; Довнар-Запольский М. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905. Приложения. № 1. С. 3–5.

[48] Kuczynski S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rzadami Litwy. S. 251–252, 370.

[49] Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 306 (1488 г.).

[50] Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. С. 54–55.

[51] Русина О.В. Указ.соч. С. 125.

[52] Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 28, 51, 426, 644–645, 734, 735, 736; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 279. С. 109; № 339. С. 131–132; № 385. С. 153; Вып. 2. № 434. С. 4; № 437. С. 6; № 511. С. 43.

ным источником роста боярского землевладения в регионе во второй половине XV в. Увеличение боярского землевладения осуществлялось также путем прямого захвата земель или их покупки. Личные владения великих литовских князей на Северщине были очень незначительны. Их личные хозяйства находились преимущественно на землях собственно Литвы (то есть Аукштайтии) и смежных с нею территорий. Впрочем, в актовом материале встречаются редкие упоминания о небольших великокняжеских дворах в Северской земле, которые, не принося существенных доходов, раздавались служилым людям[53]. Наиболее значительными светскими землевладельцами в Северской земле были два княжеских рода – Шемячичи и Можайские. Их владения сформировались в середине XV века. Многочисленные Гедиминовичи, владевшие северскими землями в последней трети XIV – первой трети XV вв., не укоренились здесь. Исключение составляет лишь Дмитрий Ольгердович, потомкам которого на протяжении второй половины XV в. принадлежал Трубчевск. С XIV в. до конца XV в. просуществовала вотчина татарских князей Яголдайовичей. Основной причиной неустойчивости крупного княжеского землевладения в Северской земле следует считать феодальные распри 1390-х и 1430-х годов, а также выезды из Литовского государства ряда князей, которые сидели в Северщине.

Сохранилось очень мало данных относительно церковного землевладения в регионе. Оно, несомненно, было. Об этом свидетельствует, в частности, подтвердительная грамота Александра на «данины» черниго-брянского епископа Нектария своему боярину Григорию Иванову[54]. Сохранилось несколько жалованных грамот и выписей северских монастырей – путивльского Молчинского, брянского Свенского, новгород-северского Спасо-Преображенского – которые охватывают послелитовский период (50-е гг. XVI – начало XVII вв.)[55] и в которых нет ссылок на традицию, другими словами, этих земельных владений в XV в. могло и не быть. Впрочем, не вызывающим сомнения является факт существования в Северщине литовского времени владений Киево-Печерского монастыря. Об этом, в частности, свидетельствуют две грамоты Сигизмунда I от 1540 г. с разрешением на возобновление сбора печерскими монахами «за границей», то есть на территории Московского государства, дани, что «с давних часов хоживала з украинных северских городов, з Стародуба и з Новагородка, к тому манастырю»[56]. После включения Киевщины в состав Польско-Литовского государства, ко-

---

[53] Леонтович Ф.И. К истории административного строя Литовского государства (оттиск с «Варшавских университетских известий» 1899 г.). С. 71; Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. С. 302.

[54] Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 754.

[55] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 6. Лл. 137–143.

[56] Акты Западной России. Т. 2. № 204. С. 368 – 370.

роль Сигизмунд-Август по просьбе печерского архимандрита Иллариона Пясочинского утвердил разрешение «по дань до Москвы посылати»[57], но в условиях Ливонской войны выплата дани фактически прекратилась. По окончанию войны в 1583 г. архимандрит Мелентий (Хребтович) обратился к Ивану IV с вопросом о восстановлении поступления дани «по прежнему преданью и обычаю», на что из Москвы ответили, что «старые книги в пожар погорели, и на Москве сыскать того не могли». Тогда думному дьяку Андрею Щелканову было поручено «послать сыскать в те городы северские, ис которых городов в Киев к Пречистой Богородице в Печерской монастырь наша милостыня давана». Иван IV пообещал архимандриту после «сыску» выдать «о той милости указ свой». Таким образом, актовый материал убедительно свидетельствует о регулярной дани Печерскому монастырю с его северских владений и многие исследователи подтверждают это в своих работах[58]. О.В. Русина предполагает, что земли в окрестностях Новгорода-Северского и Стародуба были пожалованы монастырю князями Можайскими и Шемячичами, которые во второй половине XV в. владели этими городами[59]. В целом в XIV – XV вв. церковное землевладение в Северских землях, несомненно, значительно уступало по масштабам светскому.

По территории Северской земли проходили важные торговые пути, соединяющие Крым и Северное Причерноморье с Волго-Окским бассейном. Из низовий Днепра купеческие караваны шли суходолом или по Днепру («землею или водою») мимо Черкас и Канева к Киеву, где открывался речной и сухопутный путь на Чернигов и дальше, вверх по Десне, на Новгород-Северский (связанный торговыми путями с Рыльском и Путивлем) и Брянск; оттуда через Брынь, Серенск, Воротынск, Калугу, Торусу, Серпухов и Лопасно купцы добирались к Москве[60]. Кроме этого хорошо известного торгового пути, существовал контрабандный «шлях полем»: от Перекопа по Муравской дороге до истоков Коломака, где поворачивал на Путивль, а от Путивля торговые караваны шли через Новгород-Северский и Брянск или через Новосиль к Москве[61].

---

[57] Там же. Т. 3. СПб., 1848. № 52. С. 157–158.

[58] Кулиш П.А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1. № 7. С. 17–19; Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. С. 83; Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т.1. С. 12; Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993. Ч. 1. С. 65.

[59] Русина О.В. Указ. соч. С. 154–155.

[60] Торгівля на Україні: XIV – середина XVII століття (Волинь і Наддніпрянщина). Київ, 1990. № 11. С. 25–26.

[61] Там же. № 56. С. 76–77.

Торговые пути через Северскую землю были прежде всего транзитными. По ним шли восточные товары: ткани, одежда, ковры, шелк-сырец, пряности, краски, драгоценности, оружие, ладан и пр[62]. Часть из них, несомненно, реализовывалась на рынках Северщины, а часть вместе с продуктами местных промыслов скупалась московскими купцами. Основными товарами местного производства, пользовавшимися спросом у приезжих купцов, были мед, воск и меха. Так, в 1489 г. купцы с Коломны и Можайска приобрели в Путивле сто двадцать кадей меду, сорок пудов воску, двести шкурок бобра, сто выдровых шкур, сорок горностаев, семь рысей, сорок лисиц, полторы тысячи белки. Они же перекупали восточные товары: шелк, тафту, атлас, краски, одежду[63]. В северских городах, как великокняжеских, так и частновладельческих, с купцов взымали таможенные и торговые сборы. Сеть таможен охватывала в 1488 г. Гомель, Новгород-Северский, Радогощ, Трубчевск, Брянск, Стародуб, Чернигов, Любеч и Путивль[64]. Ставки таможенных сборов в то время составляли: в Чернигове – три гроша с воза, два – с вьюка; в Гомеле – два гроша с воза и с вьюка; в Новгороде-Северском, Радогоще, Трубчевске и Брянске – грош с воза[65]. Следует отметить, что в конце XV в. в связи с участившимися нападениями татар объем торговли через Путивль существенно сократился, о чем свидетельствует прогрессирующее уменьшение общей стоимости путивльских таможенных сборов (при сдаче их в аренду сроком на три года). В 1486 г. эта стоимость равнялась 1100, в 1490 г. – 1000, а в 1495 г. – 800 копам широких грошей[66]. Для московских и иностранных купцов более безопасным стал путь Днепром на Смоленск и далее, через Вязьму и Можайск, к Москве[67]. Снижение торговой активности, несомненно, не лучшим образом сказалось на экономической жизни региона.

По документам Литовской Метрики прослеживается процесс замещения натуральной дани денежной, что может свидетельствовать об относительной активизации товарно-денежных отношений в регионе в связи с развитием торговли. Так, в 1496 г. жители г. Дрокова платили великому князю литовскому наряду с традиционными мехами «полшес-

---

[62] Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. С. 66–95.

[63] Сборник имп. Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 35. С. 22–23, 26, 260; Акты Западной России. Т.1. № 157. С. 178.

[64] Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 463–464; Торгівля на Україні. № 18. С. 34–35.

[65] Сб. РИО. Т. 35. С. 9–10 (1488 г.); Демченко В. Торговля Москвы с Литвой, Крымом и Турцией по дипломатическим сношениям эпохи Ивана III и Василия III // Minerva. Киев, 1917. Вып. 6. С. 61.

[66] Русская историческая библиотека. Т.27. Ст. 218, 220; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 195. С. 75; Торгівля на Україні. № 16. С. 31.

[67] Фехнер М.В. Указ. соч. С. 17.

тадесят коп грошей» или стоимость шкурки бобра, куницы – деньгами[68]. В 1498 г. брянские рыбаки вносили в великокняжескую казну «по два бобры, а кадь рыбы, а за орехи воденые… сорок грошей»[69]. В конце XV в., по данным 1527 г., от г. Мглина великому князю литовскому «дани хоживало 50 кадей меду, а поголовщины 50 коп грошей широкое личъбы»[70]. В Северской земле прямой налог имел название поголовщины, но М.В. Довнар-Запольский, опираясь на данные документа 1527 г. обоснованно отмечал, что кратное соотношение дымов с данями дает все основания считать, что поголовщина накладывается собственно на дым, представляя собой аналог киевской подымщины[71].

По мнению некоторых исследователей, переводя натуральную дань в денежную, великокняжеская казна не просто стремилась унифицировать даннические отношения «господарских» подданных, а шла навстречу новым экономическим отношениям, то есть способствовала развитию обмена и активизации денежного обращения[72]. Думается, что великокняжеская казна просто шла в ногу со временем, а также собственными потребностями и возможностями своих подданных. Материалы монетных кладов XIV – XV вв. свидетельствуют, что в денежном обороте находились кроме литовских и пражских «широких грошей», польские и генуэзско-крымские (кафинские) монеты[73].

Как уже отмечалось выше, активизация торговли была важным фактором развития товарно-денежных отношений и городской экономики. Однако изменившаяся на рубеже XV – XVI вв. внешнеполитическая ситуация, приведшая к изменению торговых путей, отрицательно сказалась на экономике края. В целом темпы развития северских городов были, видимо, невысокими. Относительно низкая заселенность Северской земли, наличие обширных лесных массивов, богатых дичью и медом, обусловили преобладание традиционных промыслов (охоты, бортничества и рыболовства) в структуре хозяйственных занятий населения. Это существенно отличало Северщину от западных областей Великого княжества Литовского, где в XIV – XV вв. хлебопашество было важнейшей отраслью хозяйства, а начиная с XVI в. хлеб экспорти-

---

[68] Акты Литовско-Русского государства. № 33. С. 63.

[69] Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 707.

[70] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 223. Л. 183 об.; Русина О.В. Указ. соч. Приложение. С. 212.

[71] Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. С. 712–713.

[72] Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. С. 265–266; Клепатский Р.Г. Очерки по истории Киевской земли. С. XL.

[73] Котляр М.Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971. С. 74–75, 77–78, 80.

ровался[74]. Отставание аграрной сферы определило консервативность общественных отношений, выразившихся в преобладании раннефеодальных форм повинностей (натуральная дань медом, рыбой и мехами), сохранении архаичных элементов в управлении (древнерусская номенклатура «урядов», держание «урядов» и волостей «колеей»). Вместе с тем следует отметить, что часть промышленной продукции шла на внешний рынок, в отдельные периоды отмечалось расширение посевных площадей и рост внутреннего обмена, что представляло фактор социально-экономического развития.

Неоднозначными были этнические взаимоотношения этого периода. В отечественной литературе превалирует осмысление русско-татарских отношений преимущественно в категориях противостояния, непримиримого антагонизма, что, несомненно, имело место и о чем свидетельствуют эпические произведения и фольклор. Между тем, на протяжении второй половины XIII – XIV вв. вырабатывались и определенные формы сожительства двух этносов[75]. Существовали зоны, где тюркско-славянские контакты отмечались особой интенсивностью, прежде всего в результате наличия в этих зонах оседлого тюркского населения. На основании ярлыков XV – XVI вв. великим литовским князьям Ф.Петрунь локализовал такие контактные зоны[76]. Особое внимание исследователь обратил на ту обстоятельность, с которой в ярлыках описана Путивльщина, относительно которой в них приведено «больше данных, нежели для собственно Киевщины»[77], в состав которой она тогда входила. Об особом месте этого региона в тогдашних политических взаимоотношениях свидетельствует и требование Менгли-Гирея выделить ему путивльскую дань, предъявленную великому князю литовскому Александру в 1500 г.[78], а также упоминание Путивля в перечне городов, «что из старины к Перекопской Орде тянули»: «по тем городком дараги (тюрк. – управитель) были и ясаки с тех людей имали»[79]. Видимо, с оседанием в южнорусских землях тюркского населения связано и формирование таких территориальных образований, как упоминаемая в ярлыках «тьма» татарского князя Яголдая Сарайовича в верховьях Псла, Сейма, Оскола и Северского Донца, которая как отдельный феод просуществовала до 90-х гг. XV в. К таким же князям «темниим» при-

---

[74] Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого няжества Литовского при Ягеллонах. С. 224, 267.

[75] Дашкевич Я. Україна на межі між Сходом и Заходом (XIV – XVIII ст.) // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1991. Т. ССХХП. С. 43.

[76] Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі: До питання про татарську Україну // Східний світ. 1928. № 2. С. 175–187.

[77] Там же. С. 178.

[78] Акты западной России. Т. 1. № 183. С. 211.

[79] Сб. РИО Т. 35. СПб., 1892. № 62. С. 291.

надлежали, очевидно, и предки Глинских, чья «отчина», Глинск, также фигурирует в татарских ярлыках[80]. И хотя традиционно считается, что основатель этого рода Лекса получил свои владения от литовского князя Витовта, еще Ф. Петрунь предположил, что литовские князья не столько осаждали татар в южном порубежье, сколько переводили местных «тюркских династов на статус обычных землевладельцев»[81]. Значительное количество татарских родов в составе южнорусской шляхты XV – XVI вв.[82] свидетельствует о преимущественно ассимилятивной, а не экстерминативной политике великих князей литовских в отношении тюркского населения их государства. Таким образом, можно сказать, что в литовский период как русско-татарские, так и литовско-татарские отношения не имели сугубо конфронтационного характера: шел сложный и длительный процесс этнического взаимодействия.

Пребывание Северских земель в составе Великого княжества Литовского продолжалось более полутора веков. В середине XIV в. началось мягкое, «бархатное», но достаточно активное проникновение в земли бывшего Древнерусского государства. В этот период Литва стремилась толерантно относиться к местному населению, органично воспринимать его традиции и опыт. После заключения Кревской унии (1385 г.) русские земли в составе Литвы окончательно теряют остатки автономии, а с 1480 г. попадают в эпицентр московско-литовского противостояния. Северская земля оказывается театром бесконечных военных столкновений между Москвой и Литвой.

С ликвидацией в 1480 г. ордынского ига Москва все громче и активнее заявляет о себе как о центре «собирания земель Руси». Этому способствовали успехи политики Ивана III в борьбе за расширение своего государства в разных направлениях. В 1478 г. в состав Московского княжества вошла Новгородская земля, а 1485 г. – великое княжество Тверское – один из основных соперников Москвы. Таким образом, под властью Ивана III был объединен основной массив великорусских земель. Последствием этих событий стали изменения в титулатуре великого князя московского: с середины 80-х гг. XV в. он стал именоваться «государем и великим князем всея Руси». Это не только подводило итоги его политической деятельности, но содержало в себе выразительные претензии на власть над всеми восточнославянскими землями, значительная часть которых находилась в составе Литовского и Польского государства. Уже в 1489 г. Иван III впервые замечает великому князю

---

[80] Акты Западной России. Т. 1. № 1. С. 1; Т. 2. № 6. С. 4.

[81] Петрунь Ф. Ханскі ярлики на українські землі. С. 177, 180, 185.

[82] Dziadulewicz S. Pierwiastek turanski u szlachty ukrainskiej // Miesiecznik Heraldyczny. 1931. S. 133–140.

литовскому и королю Казимиру: «Наши города, и волости, и земли, и воды король за собою держит».

В специальной литературе досконально проанализирована та роль, которую играли в формировании внешнеполитического курса Ивана III экономические мотивы и, прежде всего, интересы торговли[83]. Проблема выхода к северным и западным торговым путям частично была решена присоединением к Московскому государству Новгорода и Твери. Относительно южного направления, то здесь принципиальную роль продолжал играть днепровский путь, ведущий в Крым и далее в страны Востока. О заинтересованности русских и великого князя московского в развитии этой торговли в 70-х гг. XV в. информировали свою метрополию, Геную, кафинские купцы[84]. Но условия торговли в южном направлении были в этот период весьма неблагоприятными. Дипломатическая переписка 80–90-х гг. XV в. пестрит многочисленными жалобами московских купцов на притеснения со стороны местной администрации в Киеве, Брянске, Чернигове, Радогоще, Новгороде-Северском, Гомеле и Мценске. Острое недовольство московского купечества вызывало и введение в перечисленных городах нового таможенного сбора – «тридцатого» от стоимости товара[85].

Московские правящие круги, отстаивая экономические интересы своего государства, активно использовали как дипломатические методы, так и военные. Приграничные конфликты на московско-литовском порубежье не прекращались на протяжении последних десятилетий XV в., что дало основание А.А. Зимину назвать эти события «странною войною»[86], так как формально война не была объявлена. Результаты этой пограничной войны часто оцениваются в литературе как присоединение к Москве территории Северских земель[87]. Некоторые украинские и литовские источники XVII в. датируют отложение Северщины от Великого княжества Литовского концом 80-х – началом 90-х гг. XV в[88]. Подробно исследовавшая проблему О.В. Русина пришла к заключению,

---

[83] Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.,1960. С. 401–405; Хорошкевич А.Л. Россия и мировые торговые пути конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 34, 37.

[84] Грушевський М.С. Козаки в 1470-х рр. // Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1903. Кн. 6. С. 2.

[85] Сб. РИО. Т. 35. С. 9–12, 25–32, 43–45, 63–65 (1488–1492 гг.).

[86] Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 93.

[87] Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 89; Батура Р.К., Пашуто В.Т. Культура Великого княжества Литовского // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 101; Зимин А.А. Россия на рубеже XV – XVI столетий. С 233.

[88] Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний журнал. 1989. № 5. С. 105; Хроника литовская и жмойтская. С. 95.

что, «несмотря на фрагментарность фактов, они выразительно свидетельствуют, что присоединение Северщины в 1500 г. было далеко не таким идилличным, как это часто изображалось в литературе»[89].

В конце 1502 г. сложился определенный баланс сил на московско-литовском театре военных действий. Стороны ощущали острую потребность в передышке. В марте 1503 г. совместное литовско-ливонское посольство, сформированное по предложению короля и великого князя Александра, прибыло в Москву для переговоров. Однако достичь договоренности о заключении мира не удалось: литовская сторона требовала возврата захваченных Москвой земель, среди которых основную территорию занимала Северская земля. В ответ Иван III изумленно отвечал: «Нам чего деля (ради чего) великому князю Александру тое своей отчины отступатись?»[90]. Когда перговоры оскончательно зашли в тупик, литовская сторона, по примеру Ливонии, предложила Москве 6-летнее перемирие на условиях сохранения статус-кво. Перемирие было заключено 28 марта 1503 г. К Москве переходили все северские города: Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Любеч, Гомель, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мглин, Дроков[91].

Дальнейшие московско-литовские переговоры «о вечном миру и о докончанье» возобновились в феврале 1504 г., однако ни одна из сторон не проявила склонности к компромиссу. Александр требовал «тые городы, и волости, и земли, и воды, отчину нашу, которые ж еси нам без всякое причины забрал, зася нам вернул». Иван III был не менее категоричен, отстаивая свои «отчинные права»: «Каждому отчина своя мила и каждому своего жаль. Ино ведь ведомо зятю нашему, Александру королю и великому князю, что Русская земля вся… наша отчина; и нам и ныне своей отчины жаль; а их отчина – Лятская земля да Литовская»[92]. Такого же курса придерживался преемник Ивана III, Василий III (1505–1533 гг.) в переговорах с Сигизмундом 1, который в 1506 г. сменил Александра на великокняжеском престоле. В результате в 1507 г. вспыхнула новая московско-литовская война. Благоприятные для Москвы внешние обстоятельства (Литва не получила поддержки Ливонии) и развернувшееся в самом княжестве Литовском под лозунгами борьбы с насильственным окатоличеванием восстание Михаила Глинского, привели уже в сентябре 1508 г. к просьбам со стороны литовского правительства о заключении мира. В октябре 1508 г. «князь велики Василей Иванович всеа Руси с королем Жидимонтом мир и вечное докончание взял, а городы рускые и с волостми, свою же вотчину, да князей служебных, князя Василиа

---

[89] Русина О.В. Указ. соч. С. 183–200.
[90] Сб. РИО. Т. 35. С. 380.
[91] Там же. С. 399–400.
[92] Там же. С. 460.

Ивановича Шемякина, да князя Василиа Семеновича Стародубскаго, и Новосилских князей, и Одоевскых, и Воротынскых, и Белевскых, и Трубецкых, и Масалских, и их вотчинами написал в свою сторону»[93]. Таким образом был юридически оформлен переход Северской земли в состав Московского государства. Закончилось полуторастолетнее пребывание этого региона в составе Великого княжества Литовского.

4.2. Севрюки

В дореволюционной исторической литературе долгое время было распространено мнение, особенно пропагандируемое польской буржуазной историографией (Яблоновский и др.), о полном запустении степной и предстепной части Украины в результате опустошений кочевников в конце XV – XVI вв. М.Ф. Владимирскому-Буданову принадлежит определенная заслуга в разоблачении этих тенденциозных концепций. Он собрал в трех томах «Архива Юго-Западной России» значительный актовый материал, свидетельствующий о сохранении местного населения, а также об основной роли его в дальнейшем увеличении населенности края. Переселения имели место, но, по мнению Владимирского-Буданова, это не была «польская колонизация», а движение родственного восточнославянского населения[94].

В украинской буржуазной историографии существовала тенденция к преувеличению степени разорения украинских земель («пусток»), на которой основывалась теория полных «приливов и отливов» населения. Утверждение о постоянном движении населения будущей Украины на протяжении столетий привело М.С. Грушевского к выводам, что «колонизационные волнения не позволяли отвердеть ни общественным, ни политическим отношениям»[95].

Советский исследователь А.И. Баранович привел конкретный материал, опровергающий мнение о полном запустении украйных земель в XV – XVI вв. и теорию «приливов и отливов населения». Он пришел к выводу, что «украинные земли», и в частности земли от Сейма и Десны до Полтавы, были в XVI в. сравнительно хорошо заселены. В то же время Баранович не отрицает частичной гибели, ухода на север населения в определенные периоды, при опустошительных набегах татар, и большого количества переселенцев из северных земель

---

[93] Акты Западной России. Т. 2. № 43. С. 53–56.

[94] Население Юго-Западной России от второй половины XIII в. до половины XV в. // Архив Юго-Западной России (далее АЮЗР). Ч.VII. Т.1. Киев, 1886; Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569) // АЮЗР. Ч. VII. Т. 2. Киев, 1890; Акты о заселении Южной России XVI – XVIII вв. // АЮЗР. Ч. VII. Т.3. Киев, 1905.

[95] Грушевський М.С. Історія Украіни-Руси. Т. 1. Киів, 1913. С. 13–15.

в украинные во второй половине XVI – начале XVII вв., при усилении феодальной эксплуатации в Речи Посполитой[96].

Сохранившиеся люстрации южнорусских владений Литвы XV – XVI вв., а также некоторые документы Московского государства XVI – XVII вв. говорят о жизни, приспособленной к постоянной угрозе. Жили здесь суровые, воинственные люди, которые именуются севрюками (севруками). Больше всех упоминаний о севрюках в источниках XVI в., но уже в XVII в. упоминания о них очень редки, хотя количество источников этого времени возросло, а к началу XVIII в. они совсем исчезают со страниц источников. Хотя некоторые реки и города по-прежнему именовались в означенных источниках северскими, а область по среднему течению Десны с городом Стародубом дольше всего именовалась Северой, Северской землей[97].

Так кто же такие севрюки или кого именуют источники XVI – XVII вв. севрюками?

Известный польский историк А. Яблоновский видел в севрюках промысловый люд, занимавшийся рыбной ловлей и охотой в отдаленных уходах. Происхождение их он связывал с тюркоязычными племенами, отмечая, что в начале XVI в. население это в общем имело славянский характер[98]. А.Соболевский также объяснял происхождение названия «севрук» от тюркского sawrug/sawrag[99]. Свое мнение о тюркском происхождении севрюков Яблоновский основывает на данных люстрации Киевского замка 1552 г. В списке киевских мещан[100] встречается много прозвищ, указывающих на этническое происхождение их носителей: Литвин, Москаль и др. Значительное число лиц среди киевских мещан носит фамилию Севрук (Севърукъ). У двух из них имена явно тюркского происхождения: Карай, Охмат. Но, во-первых, таких имен всего два. Остальные имена архаичны и связаны с дохристианскими древнеславянскими именами (Томило, Шкода) или обычные христианские имена: Иван, Михаил и пр. Во-вторых, о факте оседания тюркоязычных племен в юго-восточных районах Северской земли в течение XIV – XVI вв., отмечаемом рядом исследователей (Д.И. Багалей, В.В. Мавродин, Г.А. Федоров-Давыдов и др.), писалось выше. Поэтому вполне возможно, что население наиболее южных районов Северской земли, непосредственно соприка-

---

[96] Баранович А.И. Население предстепной Украины в XVI в. // Исторические записки АН СССР. 1950. Т. 32. С. 198–232.

[97] Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 19, 33, 73, 83, 132, 133, 178, 179, 198, 262.

[98] Левобережная Украина в XV – XVI вв. (изложение работы А.Яблоновского «Zadnieprze» // Киевская старина. 1896. № 5. С. 92.

[99] Соболевский А. Население Украины в XVI в. // Живая старина. СПб., 1893. Вып. III. С. 398.

[100] АЮЗР. Ч.VII. Т.1. С. 115–116.

савшееся с населением степей, впитало в себя какие-то группы тюркского происхождения, сохранявшее в XVI в. свои древние имена, но считавшее себя уже севрюками и под этими прозвищами записанное в списке киевских мещан как выходцы из Северской земли.

Наиболее ранние сведения о севрюках в известных нам русских источниках относятся к концу XV в. Они сообщают, что по рекам Трубеж, Сула, Псел, Ворскла, Орель жили севрюки[101]. В Никоновской летописи упоминается, что в Новгород-Северском княжестве были люди, которых называли северскими казаками, или севрюками[102]. Историк XIX века Г. Карпов отождествлял казаков и севрюков – «людей, носивших имя казаков, было много на службе Шемячича, и жили они около городов Путивля и Чернигова, на границе степи»[103]. По образу жизни севрюки в самом деле напоминали казаков, живших в соседних степных областях Украины и Дона. Так же, как казаки, они защищали свою землю от татар, занимались рыболовством, бортничеством, охотой в далеких уходах по Донцу, Осколу и в бассейне Дона[104], а иногда не прочь были и пограбить. К примеру, в 1549 г. ногайский князь Юсуф сообщал Ивану IV, что находящиеся на Дону севрюки нападают на купцов[105]. Видимо, подобные сведения о севрюках приводили к отождествлению их с казаками. Даже советский исследователь А.Г. Слюсарский считает севрюков «по положению и роду занятий казаками»[106]. Однако привлечение более широкого круга источников и всестороннее изучение вопроса свидетельствует о другом.

Мнение о том, что севрюки – это земледельческо-промысловое население, потомки летописной северы, остатки древних жителей Левобережья Днепра, высказывали некоторые дореволюционные исследователи[107]. На преемственную связь населения XV – XVI вв. – севрюков –

---

[101] Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделом собственной его императорского величества канцелярии. Т. II. СПб., 1851. С. 900–901.

[102] ПСРЛ. Т. XIII. С. 176, 215.

[103] Карпов Г. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508. М., 1867. С. 39.

[104] Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 210. Оп. 6-Д. Д. 146. Л. 1.

[105] Собрание государственных грамот и договоров (далее СГГД). Ч. 3. М., 1882. С. 227–233; Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 8.

[106] Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII – XVIII вв. Харьков, 1964. С. 50.

[107] Владимирский-Буданов М.Ф. Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской Унии (1569) // АЮЗР. Ч. VII. Т. 2. С. 45–46, 134, 175, 189; Лазаревский А.М. Лубенщина и князья Вишневецкие // Киевская старина. 1896. № 1. С. 127; Падалка Л.В. Прошлое Полтавской территории и ее заселение. Исследования и материалы. Полтава, 1914. С. 45–47; Василенко Н.П. Колонизация Левобережной Украины и движение украинского населения в пределы Московского государства // Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. Киев, 1916. С. 553–554; Андріяшев О. Нарис історії колонізації Сіверськоі землі до початку XVI віку.

с древнейшим населением Северской земли – северянами указывали также советские исследователи В.В. Мавродин, Б.А. Рыбаков, Г.Н. Анпилогов[108]. Преемственность эта подтверждается и происхождением названия «севруки-севрюки» от древнего «северяне» в результате снижения продуктивности суффикса –яни/-ани, вместо которого в XIV-XV вв. на юге восточнославянской территории распространяется суффикс -ук/-юк[109]. Древние северяне именуются теперь севруками (севрюками, северюками); жители Полесья зовутся полищуками, жители Пинщины – пинчуками и пр. В устном народном творчестве также нашло отражение представление о севрюках как о древних, исконных жителях своей земли. Так в одной из исторических песен XVI века севрюки называются людьми «стародавними», «живущими здесь давно»[110].

В разнородных источниках, относящихся к XV – XVII вв. севрюки многолики. Самое сложное, что о них обычно упоминается в связи с другими событиями, – отсюда отрывочность, а порой и противоречивость сведений.

Такие исследователи, как А.Яблоновский, М.Ф. Владимирский-Буданов, П.В. Голубовский, Д.И. Багалей, В.В. Мавродин, локализуют севрюков в сравнительно узком районе – по рекам Ворскле, Суле, Удаю. Связано это с характером известных им источников, где упоминаются севрюки. Это в основном люстрации замков XVI в.: Канева, Черкас, Киева и другие документы, собранные в многотомном издании «Архива Юго-Западной России». Люстраторы часто называют все Левобережье Днепра «Северской стороной», а уходы по рекам Ворскле, Суле, Удаю – «сиверскими»[111]. Историки, пользовавшиеся преимущественно русскими источниками, считали, что севрюки жили в Новгороде-Северском, Чернигове, Стародубе, Рыльске, Путивле[112]. Современная исследовательница О.В. Русина считает, что «на основании данных литовского времени разрешить вопрос о локализации этого региона практически

---

[108] Виноградський Ю. До історіі колонізаціі середньоі Чернігівщини // Історично-географічний збірник. Київ, 1931. Т. 4. С. 139, 143; Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Л., 1940. С. 61–67; Рыбаков Б.А. Поляне и северяне // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 94; Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник (по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х гг. XVII в.) // Советская археология.1964. № 4. С. 166.

[109] Денисевич Г.В. К истории диалектных слов, употребляемых в говорах Курско-Белгородского края // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 68. Воронеж, 1969. С. 186–187; Стрижак О.С. Сіверяни // Мовознавство. 1973. № 1. С. 66; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т.3. С. 589.

[110] Исторические песни XIII – XVI вв. М.; Л., 1960. С. 279–281.

[111] АЮЗР. Ч. VII. Т.1. С. 97–98, 103, 594 и др.

[112] Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. VII. Ч. 3. СПб., 1792. С. 23, 75; Карамзин Н.М. История Российского государства. Т. VII. СПб., 1819. Примечание 301: историческое описание земли Войска Донского. С. 8.

невозможно в связи с низкой информативностью письменного материала»[113]. Впрочем, обратившись к методу экстраполяции и использовав актовый материал XVI – XVII вв. можно в целом очертить регион Северской земли XIV – XVI вв.

В результате войны 1500–1503 гг. Северская земля перешла к Московскому государству. Но полностью ли она вошла в его состав или существовали за пределами Московского государства населенные пункты, которые определялись современниками как северские. Судя по категоричности документальных свидетельств: «князь московскии забрал вси земли сиверские и всю Сивер», «все городы северские и всее Северу»[114] – это было действительно так. Подтверждается это и категорическим требованием Сигизмунда I, обращенном к Василию III в 1517 г., вернуть «всее Северы»[115]. По свидетельствам, которые охватывают время пребывания Северской земли в составе Московского государства (1503–1618 гг.), положение этого региона очерчивается следующими городами и населенными пунктами: Брянск, Гомель, Дроков, Курск, Мглин, Моровск, Новгород-Северский, Почеп, Путивль, Радогощ, Рыльск, Стародуб, Трубчевск, Чернигов. В 1537 г. Москва утратила Гомель, который отошел к Литве[116], однако представление о нем как о северском городе сохранялось и в XVII в[117]. Остальные Северские города и земли оставались в составе Московского государства без изменений в течение всего XVI века[118].

В русских источниках XVI – первой половины XVII вв. севрюки чаще всего упоминаются в районе г. Путивля. Путивль был одинаково близок и к литовскому рубежу, и к «дикому полю». Такое положение придавало городу особенную важность: недаром он имел единственную на юге России в XVI в. каменную крепость и считался главным городом края[119]. Московское правительство уделяло этому важному стратегическому пункту значительное внимание, поэтому и сохранилось больше всего источников по истории Путивля[120].

---

[113] Русина О.В. Указ. соч. С. 41–42.

[114] Акты Западной России. Т.2. № 181. С. 334; Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т.35. С. 166, 234.

[115] Сб. РИО. Т. 35.С.509.

[116] Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 126.

[117] Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. С. 57.

[118] Шеломанова Н.Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970. С. 465–466.

[119] СГГД. Ч. 2. № 81. С. 176.

[120] Отдельная книга г.Путивлю 1594 г. – РГАДА. Ф.1209. Кн. 367; Росписной список г.Путивля 1626 г. – РГАДА. Ф.210. Оп.4. № 38; Строельная книга Путивля 1677 г. – РГАДА. Ф.210. Оп. 6-Ж. № 362. Л.63; Сметная книга Путивля и его пригородов 1684 г. – РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-А. № 80.

Другим районам Северской земли менее повезло в этом плане, однако отдельные свидетельства об их населении в XVI в. имеются. Так, в списке «обидных дел», учиненных в перемирное время польской стороной по отношению к Московским владениям, говорится, что «князь Александр Вишневецкий поставил новую слободу и острог на Лубне, и город хочет делати, а на Прилуцком городище на реке Удое в Черниговском уезде слободу же ставить хочет. А то Прилутцкое городище и река Удой со всеми угодьи по обе стороны искони наша земля Черниговского уезда, а была изначала та волость оброчная, а жили в ней бортники в нашем медвеном оброке. А после того волость, Прилутцкое городище, роздана в поместье при нашем отце… великом князе Иване Васильевиче… детям боярским черниговцом». И далее сообщается, что люди князя Вишневецкого «людей наших севрюков из наших волостей выбили… больше двухсот человек побили. А волости наши Путивльские запустошили, Хотенскую волость по Пслу и по Хоролу, волость Синетцкую, волость Клепетцкую, волость Тешковскую, а вверх по Удою и по городище Прилутцкое по обе стороны Удоя реки Черниговского уезда, у детей боярских, у черниговцов поместья их запустошили… А Новагородка Северского… волость бортную (запустошили)… И ныне приходя ис тех мест с Лубны в Путивльский уезд, и в Черниговский, и в Рыльский, и в новгородский уезд, и наших сиверских городов в уезды по многим местам, наших детей боярских и севрюков бьют и грабят и досмерти забивают и в нашу землю во многие места вступаются, и угодья всякими владеют, и рыбу ловят»[121].

Таким образом, источники свидетельствуют, что основной костяк населения Северской земли в XIV – XVI вв. составляли древние местные жители края, именуемые севрюками. Севрюки локализуются на значительной территории, охватывающей Черниговский, Новгород-Северский, Путивльский, Рыльский уезды, а также по рекам Ворскла, Псел, Сула, Удай, Трубеж. Эта территория в основном совпадает с областью распространения северянских памятников VIII – X вв. (роменская археологическая культура)[122], то есть с границами древней Северской земли.

Границы феодальных княжеств XI-XIII вв. как бы «скрыли» этнические границы древних племенных объединений восточных славян. Феодальные земли-княжества (Черниговское и Переяславское) соединили в своих границах не прежнее племенное единство, а различные группы:

---

[121] Сб. РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 146; Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. М. 1967. С. 73–74.

[122] Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. № 104. М.; Л., 1961. С. 217; Березовец Д.Т. Северяне (перед образованием Киевской Руси). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969. С. 19–23.

первое – северу, часть вятичей, радимичей и полян; второе – полян, северу и оседавшие по его рубежам кочевые группы. Но разрушение социальных родоплеменных связей отнюдь не является разрушением прежнего этнокультурного состояния населения (в смысле общности по языку, происхождению, территории, быту и т.д.). Эти связи сохраняются значительно дольше. В новых исторических условиях XIV – XVI вв. древние жители Северской земли как бы «проявляются» вновь под именем «севрюков-севруков».

Севрюки выстояли в постоянной борьбе со степняками. До 1571 г. охрана степной границы Московского государства во многом зависела именно от «путивльских севрюков», постоянно ездивших на Донецкие сторожи, посылая «вести» о приближении татар[123]. Не случайно прославился как удачливый полководец и гроза крымцев князь Рыльский и Новгород-Северский Василий Иванович Шемячич.

В первые десятилетия XVI в. московские воеводы приходили в Северскую землю только во время больших крымских походов. В борьбе с крымскими набегами жителям Северской земли помогала и природа края. Здесь было много лесов и оврагов, затруднявших продвижение татарской конницы. С другой стороны, татары часто предпочитали не иметь дело с воинственными севрюками, а направлялись к Москве или Рязани, где можно было легче грабить и меньше рисковать. И только когда в 50-х гг. XVI в. окончательно оформилась передовая оборонительная линия, защищавшая от крымских набегов Северскую землю, уезды за Окой и Рязанскую землю[124], Московское правительство заменило на донецких сторожах севрюков «прибранными» на станичную службу детьми боярскими, которые несли царскую службу «из поместий», а также конными казаками, которые наделялись «земельным жалованьем» на территории Путивльского и Рыльского уездов[125]. Вызвана эта замена была, конечно, не тем, что севрюки «стояли на сторожах неусторожливо», а появившейся у Московского государства к тому времени возможностью заняться устройством постоянной оборонительной линии. Однако и после реформы сторожевой службы, встречаем указания на то, что севрюки продолжают участвовать в обороне своей земли от татар[126]. Так же мужественно боролись севрюки и с вооруженными нападениями со стороны польских феодалов.

Польские феодалы в 80-е и начале 90-х гг. XVI в. в связи с приближением окончания срока действия перемирия 1582 г., заключенного между Россией и Польшей, энергично создавали отряды так

---

[123] Акты Московского государства (далее АМГ). Т. 1. СПб., 1890. С. 5–6.

[124] Каргалов В.В. На степной границе. М., 1974. С. 36, 126.

[125] АМГ. Т. 1. С. 5–6.

[126] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее Акты исторические). Т. 1. СПб., 1841. № 228. С. 433–434.

называемых «воровских черкас» и поощряли их частые набеги на юго-западные пограничные уезды Московского государства. В «обидных списках» русских посольств в Польшу постоянно говорится о наездах, грабежах и убийствах станичников в поместьях, а в ухожеях[127] – бортников-севрюков[128]. Севрюки устраивали иногда засады и расправлялись с грабителями: например, в отписке царю путивльского воеводы от 1589 г. сообщается о набеге черкасских казаков, которые пограбили у путивльских севрюков лошадей, хлеб, рушницы, но севрюки «отгромили» у них свои «борошны и лошади»[129]. Необходимо отметить, что эти постоянные вторжения в Северскую землю со стороны Речи Посполитой носили характер не только грабежей, а чаще захвата территории и заселения ее. Подданные Польского государства на захваченных у севрюков землях «станы ставят», и «в рыбных ловлях рыбу ловят», «места заседают и слободы ставят»[130]. В результате этой пограничной войны «запустошались» целые волости и постепенно туда проникали новые жители «черкасы»[131].

Иногда создается впечатление, что в социальном плане севрюки – это те же казаки на службе у Московского государства. Однако отождествлять севрюков с казаками нельзя. Итоговые сведения о социально-экономическом положении убитых и ограбленных жителей Путивльского и Черниговского уездов, приведенные Г.Н. Анпилоговым в специальной таблице[132], говорят о том, что волощане-севрюки принадлежали к категории государственных (дворцовых) крестьян, плативших медвяный оброк в царскую казну. Здесь же имеются сведения о начале закрепощения дворцовых крестьян. В одном из документов, относящихся ко времени походов Самозванца, о населении Северской земли говорится: «тутошние мужики севрюки…», «севрюки мужики люди простые…»[133]. То есть в массе своей севрюки – это мужики, сидящие на своей земле и занимающиеся своими «мужицкими» делами, а мужиками, как известно, мало интересовались в те времена: удел их был в основном одинаков и в Литве, и в Польше, и в Московском государстве. Другое дело,

---

[127] Ухожьи (ухожей) – участок, сдаваемый государством в аренду на несколько лет для сбора меда диких пчел, добычи пушных зверей, рыбной ловли.

[128] РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Л. 68, 129–133; Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. С. 81–83.

[129] Акты исторические. Т. 1. № 228. С. 433.

[130] РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Лл. 67–70, 83–85, 104–106, 108, 117, 118–122, 128 об., 169 об.; Бантыш-Каменский Д.Н. Переписка между Россией и Польшею по 1700 г. Ч. 1–3. М., 1862. С. 32–33, 77–78; Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. С. 63, 73–74, 80–86.

[131] Вопросу о «черкасах» и их роли в историко-этнических процессах на территории Северской земли будет посвящен раздел 5.1, главы 5.

[132] Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. С. 18.

[133] Сб. РИО. Т. 137. М., 1912. С. 259.

когда севрюки участвовали в обороне границы от татарских набегов, либо в столкновениях на московско-литовском рубеже – тогда сведения о них попадают на страницы разрядных и посольских дел. Характер этих источников и приводит порой к представлению о севрюках как о социальной группе вроде казаков.

В вопросе о хозяйственных занятиях севрюков также нет полной ясности. Люстраторы XVI в. говорят о севрюках исключительно как о промысловом населении Левобережья Днепра, которое занимается рыбной ловлей, охотой, бортничеством в «уходах» по рекам Суле, Псле, Ворскле, Удаю и пр.[134] Люстраторам выгодно было изображать Левобережные земли пустующими, без постоянного земледельческого населения, чтобы иметь основание на захват и заселение этих земель подданными Польско-Литовского государства. Свидетельством такой политики могут служить жалованные грамоты польских королей на раздачу земель в северских землях. В частности, в грамоте Сигизмунда III князю А.Вишневецкому говорится о «спущенье» с Вишневецкого «права его дожывотного з дву северы – з одное на Коломаку, а з другое на Счучно речках (притоках Ворсклы)»[135]. В другом документе – жалованной грамоте Сигизмунда-Августа черкасскому жителю Емельяну Ивановичу (1571 г.) – имеем детальное описание территориальных границ одной из «север» по реке Ворскле: «земли входной (то есть «уходной») северы, за Черкасы у двадцати милях»[136]. Однако в указанной области несомненно было постоянное северское население, возможно, не очень многочисленное, но жившее не только в уходах, но и в «селищах», об одном из которых говорится в документе 1552 г.: «Селище и городище за Днепром, у сивере на реце Ворскле, на имя Глинско»[137].

В русских источниках севрюки часто называются «бортниками», а их занятию бортничеством уделяется особое внимание. Еще в известном «Сказании о Мамаевом побоище» князь Дмитрий Рязанский говорил Андрею Полоцкому, что к нему приходили «медокормцы из Северы»[138], то есть уже в XV в. Северская земля была важным поставщиком меда. В XVI – XVII вв. севрюки-волощане платили медвяный оброк в царскую казну[139] и в связи с этим в актах писцового дела главным образом нашло отражение их занятие бортничеством. Вот не-

---

[134] АЮЗР. Т. 1. С. 103.

[135] Материалы по истории землевладения князей Вишневецких в Левобережной Украине. Сообщил Ф.Д. Николайчик // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца (далее ЧИОНЛ). 1900. Кн.14. Вып. 2. С. 104.

[136] Материалы для истории казацкого землевладения (1494–1668 гг.) // ЧИОНЛ. 1894. Кн. 8. Отд. 3. С. 11–13; АЮЗР. Ч.VII. Т. 1. С. 316.

[137] АЮЗР. Ч. VII. Т. 1. С. 90; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 563. Л.15 об.

[138] Повести о Куликовской битве. М., 1953. С. 93.

[139] РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Лл. 54–54 об., 67 об.-69, 136, 144 и др.; Там же. Ф.1209. Кн. 367, 368, 10554, 10555; Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник.

сколько примеров из разных источников: «Меду пресного приходыть старосте на год 11 кадей с северы, з уходов тых, што на Ворскле (1552 г.)»[140]; «В той же реце Суле уход, названый Лужок, зо всими пожитки и доходами тыми, которые бы одно из них здавна належали и выналезены были, меновите з сивера з даню медовою…» (1578, 1590 гг.)[141]; «По всех северах с пять тысечь пчелы побили, меды побрали, пасечников порезали, побивали» (1648 г.)[142] и др.

Бортничество было широко распространенным промыслом на всей территории Восточной Европы в лесной и лесостепной зоне. Мед и изготовленные из него продукты занимали важное место в структуре питания восточных славян. Высоко ценился также воск. Поэтому добыча дикого меда охранялась нормами феодального права как в Древней Руси, так и в Литовском и Московском государствах. Того, кто «со пчолами дерево посечеть», ожидала виселица[143]. Бортничество было развито в Северской земле еще в последней трети I тыс. н.э.[144] В древнерусский период обязательным атрибутом княжеского хозяйства были погреба для хранения меда[145]. Так, при разграблении двора Святослава Ольговича в Путивле в его медвяных погребах было найдено 5000 пудов меда[146]. По данным литовской Метрики, бортные земли на Северщине представляли собой самостоятельные хозяйственные объекты – предмет «данин» великого князя литовского. Бортные угодья входили также в состав земельных владений в районе Чернигова, Путивля, Брянска[147].

Хозяйственные занятия севрюков во многом определялись природными условиями Северской земли. В географическом отношении на территории расселения севрюков можно выделить два основных района: северный (Полесье) с малоплодородными почвами и значительными лесными массивами и южный – район лесостепи с плодородными почвами, удобными для земледелия[148]. Михаил Литвин, бывший в 1544 г.

---

[140] РГАДА. Ф.389. Оп. 1. Д. 563. Л.11 об.

[141] Материалы по истории землевладения князей Вишневецких в Левобережной Украине. С. 86.

[142] Акты ЮЗР. Т. 3. № 113. С. 111; № 125. С. 120.

[143] Акты Западной России. Т. 2. № 25. С. 27; № 31. С. 37.

[144] Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья: Роменская культура и ее предшественники. С. 126.

[145] Куза А.В. Новгород-Северский – стольный град Игоря Святославича // Новгороду-Северскому – 1000 лет: Тезисы докладов обл. науч.-практ. конференции. Чернигов; Новгород-Северский, 1989. С. 21.

[146] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Ст. 333, 334.

[147] Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 57, 734–735, 753–754; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып.1. № 314. С. 123; № 385. С. 153; Вып. 2. № 437. С. 6.

[148] Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России, из частей коей оное наместничество составлено, сочиненное в Чернигове 1786 г. Киев, 1851. С. 154–155; Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 30–31, 50.

в Киеве, пишет об его окрестностях, и это описание вполне отвечает условиям на левом берегу Днепра: «…пашни, вспаханные один раз двумя быками, дают богатую жатву, а необработанные поля производят травы и деревья с прекрасными плодами, питающие человека. Старые дубы и ясени, в которых образовались дупла, изобилуют роями пчел и сотами приятными цветом и вкусом. Зверей… множество (буйволы, дикие ослы, олени, козы, кабаны, газели)». «На берегах рек живет много бобров. Птиц удивительно много… реки до невероятности обильны всякого рода большой рыбой»[149].

Природные богатства южных районов Северской земли, безусловно, способствовали тому, что рыболовство, охота и бортничество играли значительную роль в хозяйстве населения. С другой стороны, постоянные татарские вторжения вели к сокращению обрабатываемых земель, к некоторому упадку земледелия в пограничных областях. На этом основании некоторые исследователи пишут о полном забвении земледелия[150], что, безусловно, неверно. Крестьянское хозяйство немыслимо без хлеба, а значит, и без выращивания его, особенно в XV – XVI вв., когда безраздельно господствовало натуральное хозяйство. Другой вопрос – о соотношении в хозяйственных занятиях этого времени между пашенным земледелием и промыслами. Еще М.В. Довнар-Запольский считал, что «в XVI в. преобладающим типом хозяйства здесь было не земледелие, а эксплуатация ухожаев»[151]. М.С. Грушевский также считал, что на Северщине в XV – XVI вв. пашенное земледелие «делило свое значение в хозяйстве… с разными другими источниками доходов, а собственно занимало рядом с ними второстепенную позицию»[152]. В современной литературе эту особенность экономики Северской земли исследователи определяют как преобладающее развитие промыслов – бортничества, рыболовства, охоты – в сравнении с земледелием[153]. Достаточно убедительное подтверждение этого вывода дают московские источники XVI в. – «обидные списки» 1580–90-х гг. – с перечнем «обид», причиненных польско-литовской стороной. Среди названных «обид» на Северщине преобладают разорения бортей, рыбных ловлей, бобровых го-

---

[149] Цит. по: Александрович М.Н. Остерский уезд. Киев, 1881. С. 9–10.

[150] Багалей Д.И. Займанщина в Левобережной Украине // Киевская старина. 1883. № 11. С. 560–561; Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 179.

[151] Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1. С. 722.

[152] Грушевський М. Історія України-Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 6: Життя економічне, культурне, національне XIV – XVII віків. С. 146.

[153] Шеламанова Н.Б. Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XVI века: (По материалам фонда Сношений России с Польшей ЦГАДА) // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 49.

нов и угон лошадей, однако говорится и об увезенном хлебе и сене[154]. Таким образом, в экономике Северщины этого времени преобладали занятия разнообразными промыслами при сохранении земледелия.

Ведущей отраслью земледелия было производство зерна. «Пашни» и пашные земли» фиксируются документами того времени, а среди зерновых культур упоминаются прежде всего рожь и пшеница[155]. Ехавший в конце XVI в. на Запорожье Эрих Лассота утверждает, что он видел среди полей деревянные срубы, из которых хлебопашцы отстреливались от неприятеля[156]. О том, что севрюки продолжали заниматься хлебопашеством в условиях постоянной военной опасности, свидетельствует также тот факт, что черкасы грабили у них главным образом «борошна», то есть хлеб[157]. В описании г. Канева 1552 г.[158] говорится относительно Левобережья, что «земля по полям мещанам на пашню издавна была свободна, но недавно князь Владимир Путивльский, вышедши из Москвы, начал на тех землях с пашен мещанских брать десятину»[159]. Плодородие пашенных земель в Северской земле отмечал в своих «Записках о Московии» С. Герберштейн[160].

О древних традициях земледелия в Северской земле свидетельствуют бортные знамена, изучавшиеся Г.Н. Анпилоговым на основании путивльских и рыльских переписных материалов конца XVI – начала XVII вв. Среди рисунков бортных знамен, изображающих различные орудия труда, предметы хозяйственного снаряжения, быта, природы, большое место занимают сельскохозяйственные орудия, особенно сохи и орики (то есть рала)[161]. Археологические материалы этого района дают разнообразные сельскохозяйственные орудия XIV-XV вв., аналогичные древнерусским[162]. О распаханной земле в урочищах бортных ухожеев упоминают писцовые материалы[163]. Распашей-клинов было довольно много в расположении бортных ухожеев, поэтому в хозяйстве земледельцев-бортников потребность в различных пашенных орудиях

---

[154] Там же.

[155] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 27. Ст.53, 645, 725, 754, 768; Акты Литовской Метрики. Т.1. Вып.1. № 314. С. 123; № 385. С. 153; Там же. Вып. 2. № 434. С. 4; № 437. С. 6.

[156] Путевые заметки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873. С. 15.

[157] Акты исторические. Т. 1. С. 133.

[158] В то время к г.Каневу относились значительные пространства на Левобережье по рекам Супою и вплоть до Удая и Сулы, а это уже Северские земли.

[159] АЮЗР. Ч. VII. Т. 1. С. 97–98.

[160] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 140.

[161] Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник. С. 157.

[162] Беляева С. А. Указ. соч. С. 52–55, 92.

[163] Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник. С. 156–162; Коткова Н.С. Название русских бортных знамен – историко-лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 120–133.

была велика. Среди названий бортных знамен, упоминаемых в рыльских и путивльских писцовых книгах, встречаются «острова», «островка». Согласно этнографическим материалам XX в., на севере и у белорусов одна из частей приспособления для хранения и сушки снопового хлеба, сена, гороха, льна и т.д. называется «острови» и представляет собой ель с частично обрубленными сучьями[164]. Наличие подобных приспособлений в ухожеях несомненно свидетельствует о земледельческих занятиях их хозяев.

В северных районах – северная Черниговщина, Стародубщина – земледелие, основанное на расчистке лесных участков, также имело древнюю и прочную основу[165], но из-за низкой урожайности малоплодородных почв, лесные промыслы (бортничество, собирательство, охота) играли существенную роль в хозяйстве населения. Важность этих промыслов для населения всех районов Северской земли обусловливалась, начиная с княжеских времен и вплоть до XVII в., необходимостью платить дань государству главным образом медом, а также скорою (мехами), сеном[166].

Города Северской земли – Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Стародуб, Брянск – отделялись один от другого обширными лесными массивами. Вот как об этом пишет С. Герберштейн: «вокруг Брянска – огромный лес», «Чернигов расположен за большим лесом, который достигает 24 миль в ширину». По словам Герберштейна, в этих лесах водились «огромное количество горностаев, белок и куниц»[167]. О богатстве животного мира Северской земли свидетельствуют и более поздние по времени данные (конец XVIII в.) о стародубской ярмарке, на которую привозили «з сотень Мглинской и Новомеской ведмежие, волчие, лисичие, куничие, беличьи, рыси, горностали, коз диких, бобровые и выдровые кожи»[168]. Естественно, в таких условиях охота была постоянным занятием населения, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания о «сочении зверя», «бобровых гонах», «бобровых берегах» и «ловищах» в жалованных грамотах[169]. Особенно ценился в то время куний мех, в связи с чем характерной выглядит жалоба депутации киев-

---

[164] Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 316.

[165] Горюнов Е.А. К истории Днепровского Левобережья в середине и третьей четверти 1 тысячелетия н.э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1977. С. 9–10.

[166] ПСРЛ. Т. 1. С. 58; Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов. Т. П. Киев, 1846, отдел второй; Антонович В.Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти Ольгерда // Монографии по истории Западной России. Т. 1. Киев, 1885. С. 62; АЮЗР. Ч. VII. Т. 1. С. 596–597.

[167] Герберштейн С. Указ. соч. С. 140–141.

[168] Опис Новгород-Сіверського намісництва (1779–1781). Київ, 1931. С. 39.

[169] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л.133 об.; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 399, 725, 735, 754, 769.

лян к Сигизмунду I об утрате путивльских волостей, с которых они «кони… ездживали и шубы теплы куньи одевали»[170].

Наличие разветвленной речной сети и большое количество рыбы[171] способствовало развитию рыболовства. Археологические раскопки выявили рыболовные снасти XIV – XV вв. (ости, крючки, грузила и пр.), сходные с древнерусскими[172].

В целом сведения о хозяйстве в Северской земле XV – XVI вв. очень скудны, что неоднократно отмечалось в литературе. Однако, исследуя сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., Н.Рожков пришел к выводу, что хозяйство Северских уездов этого времени не было в упадке[173]. Таким образом, в XIV-XVI вв. на территории Северской земли жило древнее местное население севрюки, занимавшееся земледелием, бортничеством, а также рыболовством, собирательством и охотой.

Начиная с XVII в. все меньше и меньше встречается упоминаний о севрюках, а к середине XVII в. наименование это почти исчезает со страниц источников. Ну а население, именовавшееся в XV – XVII вв. севрюками, исчезло ли оно вместе с названием или выступает уже под иным именем?

Еще в начале XVI в., войдя в состав Московского государства, Северская земля стала одним из звеньев в системе обороны «крымской украйны», а население ее частично привлекалось к участию в обороне границы. Проведенная московским правительством в начале 70-х гг. XVI в. перестройка станичной и сторожевой службы на поместной основе, одновременно подорвала старое феодальное оброчное и посадское землевладение, господствовавшее здесь раньше. Об этом, в частности, свидетельствуют факты, сообщаемые отдельной книгой 1594 г. по Путивльскому уезду[174]. Подобный процесс характерен и для других городов и уездов восточной части Северской земли – Рыльска, Новгорода-Северского. В западной части Северской земли (Черниговский уезд), которая меньше страдала от татарских нападений в силу природной защищенности лесами и реками, развитие поместного землевладения началось значительно раньше[175].

В Московском государстве конца XVI – начала XVI вв. класс феодалов оформился еще недостаточно четко. Сложившиеся в XIII – XIV

---

[170] Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Вып. 2. С. 8.

[171] АЮЗР. Ч. VII. Т. 1. С. 596.

[172] Беляева С. А. Указ. соч. С. 56–57.

[173] Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 101, 122, 123.

[174] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 367; Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. С. 300–305.

[175] Там же. С. 114–115.

вв. верхние этажи социальной пирамиды на Руси делились на бояр, слуг вольных и слуг под дворскими. Первые две группы обладали на своих землях широкими полномочиями: они судили население своих сел за все проступки и преступления. Слуги под дворскими (дворский – управляющий княжеским хозяйством), мелкие феодалы-землевладельцы, верной службой зарабатывали свое благополучие. Значительные изменения произошли в структуре феодального класса в XV в. Став подданными государя, удельные князья сохранили право собственности на свои земли, однако их владения по статусу все больше сближались с боярскими вотчинами. Князья и бояре платили налог местным властям, но имели законное право проживать и служить где и кому хотят. Боярин мог покинуть князя без предупреждения в любой момент, воспользовавшись правом «отказа». Недаром государи и удельные князья предпочитали боярам услуги холопов и зависимых людей. Однако право «отказа» являлось гарантией боярской свободы лишь до тех пор, пока его обладателям было куда уйти. После становления Московского государства они потеряли это право, а других гарантий независимости у них не было изначально.

Но наиболее важными для центральной власти были ее отношения с основной массой феодалов. Последние составляли основу войска, а значит, должны были иметь земельную собственность, так как государство не могло обеспечить их вооружением и лошадьми. Иными словами, великий князь, а затем и государь должны были проводить широкие земельные раздачи и в то же время гарантировать сохранность земель каждого феодала, не допускать смены их владельца. Поэтому служилые люди, получившие от князя земли, не имели права продавать или дарить их. Таких феодалов называли помещиками (от «испомещенный на новых землях»), а их владения – поместьями[176]. Раздавать поместья за службу особенно удобно было на окраинных землях[177], какой в XVI – XVII вв. была Северская земля.

Отдельная книга 1954 г. сообщает о происхождении помещиков из путивльских детей боярских, стрельцов, белодворцев, посадских людей, а также из волощан-севрюков[178]. Это свидетельствует о том, что в высшую категорию служилых людей – «служилых по отечеству» (по происхождению) – еще был открыт доступ из приборных служилых людей, а также различных «вольных» людей, то есть процесс кристаллизации классов и сословий на Руси еще не получил окончательного завершения.

---

[176] Россия и мир: Учебная книга по истории. М., 1994. Ч. 1. С. 91–92.
[177] Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 25–31.
[178] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 367. Лл. 287–296.

В период Средневековья этническое самосознание было многозначным и не всегда отчетливым; оно часто оттеснялось на второй план «земляческим» (узкотерриториальным) или религиозным самосознанием, чувством принадлежности «своему» сюзерену и т.п.[179] Севрюки, попавшие в одну из категорий служилых людей Московского государства, быстро теряют свое былое название. Еще в конце XVI в. они упоминаются в отдельной книге г. Путивля, а уже росписной список Путивля 1626 г. не говорит о них ни слова. В то же время примерно до середины XVII в. в источниках иногда употребляется название «севрюк» применительно к местным жителям Слободской Украины, интенсивно заселявшейся в то время так называемыми черкасами. В челобитной белгородского попа за 1657 г. говорится о севрюках, которые издавна жили и занимались промыслами во владениях Николавской церкви по рекам Лопань и Харьков, а теперь там поселились черкасы[180]. Некоторые исследователи приводят свидетельства документов за 1639 и 1647 гг. о том, что в бассейнах рек Ворсклы, Псла, Северского Донца были промыслы и «вотчины» (то есть ухожеи) севрюков[181]. Однако, в тех немногочисленных документах XVII в., где упоминаются севрюки, заметна тенденция чаще именовать их путивльцами, рылянами, белгородцами, черниговцами или согласно наименованиям различных категорий служилых людей. Так, в документе, относящемся к 1653 г., путивльский воевода Арсеньев сообщает о столкновениях местных государевых бортников севрюков с черкасами, которых правительство поселило «в новый Сумин город», построенный в устье реки Сумы[182]. Автор воеводской «отписки» явно предпочитает именовать местных жителей «путивльскими бортниками», «государевыми бортниками» и только дважды называет их «севрюками». Аналогичны этому другие документы, где название «севрюк» вообще не употребляется, но речь идет о местном населении путивльского, рыльского и других уездов бывшей Северской земли[183].

Дольше всего название «севрюк» держится в районах Слободской Украины, которые были окончательно освоены государственной властью только во второй половине XVII в. Но и применительно к этим районам упоминания о севрюках исчезают в документах примерно

---

[179] Бромлей Ю.В., Козлов В.И. Этнические процессы как предмет исследования // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 14.

[180] Материалы для истории г. Харькова в XVII в. Харьков, 1905. С. 9.

[181] Юркевич В. Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Богдана Хмельницького. Київ, 1932. С. 8 (примечание); Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII – XVIII вв. Харьков, 1964. С. 51.

[182] Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI – XVIII столетиях. Т. 1–2. Харьков, 1886–1890. Т. 1. № 8. С. 19–21.

[183] Там же. № 25, 30 и др.

с середины XVII в. А.Г. Слюсарский считает, что это связано с переходом севрюков в казачество[184]. Думается, что такое объяснение справедливо только для какой-то части севрюков – служилых людей, казаков. Население восточной части бывшей Северской земли в XVI – XVII вв. попадает в сферу социально-экономической и политической системы Русского государства и постепенно утрачивает свое былое название. Основная масса этого населения – мужики-севрюки – превращается в крепостных крестьян.

Северское население западной части бывшей Северской земли исторически было более тесно связано с областью Среднего Приднепровья, где шел процесс формирования украинской народности и государственности. В условиях тревожной пограничной жизни королевское правительство Речи Посполитой не только терпело казацкие поселения на юге, но само попыталось создать в первой половине XVII в. на севере казацкие отряды, предоставляя земельные участки за службу по 4 волоки (примерно 19 десятин пахотной земли) на коня. Были организованы сотни: Стародубская, Мглинская, Трубчевская, Почепская и др.[185], но количество записанных в них казаков (реестровых) было небольшим в сравнении с массой крестьянского населения[186]. Однако социальное значение новой системы землепользования и административного устройства, по-видимому, было значительным для общественной жизни северного Левобережья. Поэтому севрюки Черниговщины и Переяславщины несколько раньше утратили не только свое название, но и свою областную обособленность.

В то же время память о древнем названии жителей Северской земли сохранилась в ономастике (этнонимии и топонимии) края. Говоря о топонимах, связанных с названием «севера», следует иметь в виду, что их не так уж много. Общеизвестно название города Новгорода-Северского, реки Северский Донец, а также в XVII – XVIII вв. г. Стародуб именовался Северским. Однако, кроме этих топонимов, в Генеральном описании Левобережной Украины 1765–1769 гг. (Румянцевская опись) не зафиксирован ни один населенный пункт с названием, связанным с этнонимом «севера», «севрюк»[187]. По сведениям Черниговского статистического комитета, в конце XIX в. в Черниговской губер-

---

[184] Слюсарский А.Г. Указ. соч. С. 51.

[185] Романовский В.А. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII – XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963. С. 187.

[186] Бодянский О. Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора. М., 1875. С. XXIII; Шевченко Ф.П. Реестр війська запорізького 1649 р. – джерело історії козацтва на Україні // Історичні джерела та їх використання. Вип. 2. Київ, 1966. С. 31.

[187] Попова Л.А., Ревнивцева К.Г. Генеральний опис Лівобережної України 1765–1769 рр. Покажчик населенних пунктів. Київ, 1959.

нии известен только хутор «Северюков» Стародубского уезда[188]. Понятно, что жителям Северской земли, северянам, а затем севрюкам не было необходимости называть свои поселения, реки, урочища и пр. «северскими» или «северюковскими». Неслучайно сохранившиеся топонимы встречаются либо в области, куда продвигалось северское население (Северский Донец) и осваивало их, либо в пограничных районах северского расселения, где шло разграничение групп населения. Так, в некоторых документах Поместного приказа сохранились сведения об урочищах, колодцах, гатях, носивших названия «Севрюцких», «Севрючих». В Белгородской отказной книге 1637 г. говорится об урочище «Севрючий колодезь избище», находившимся на р. Липовом Донце против Непхаева болота[189]. Урочище «Севрюцкое гатище» в верховьях р. Псел упоминается в отказной книге Обоянского уезда за 1665 г.[190]

Но топоним «севрюк» встречается не только на юго-востоке бывшей Северской земли, где дольше всего держалось наименование местного населения севрюки. Известен он и на северо-западе края, в области соприкосновения древних северских поселений с радимичскими. Еще в 70-х гг. XVIII в. на левом берегу р. Сож против г. Гомеля существовали сельцо и деревня «Севрюки», а неподалеку упоминается большой лесной массив «Севрюковская пуща»[191]. Впоследствии бывшая деревня была переведена в ранг города и получила название город Новая Белица, а ее жители были записаны в мещане, однако старое название сохранилось в наименовании слободы «Севрюки»[192].

Этноним «севрюк» встречается в источниках XVII – XVIII вв. в виде прозвищ и фамилий среди различных социальных групп населения Северской земли. Например, в списке Новгород-Северских служилых людей, которые «сидели в осаде» встречаем Богдашку Севрюкова среди детей боярских, Севрючку Данилова среди имен жилецких стрельцов[193]. В одном из документов Разрядного приказа сообщается о побеге от боярина князя Бориса Лыкова его крепостного человека Война Севрюкова, приводится интересное описание внешности и одежды этого «вора и изменника», а также упоминаются его братья родные «такие же воры и изменники» Бушумко да Дунамко Севрюковы[194]. Попутно отметим, что у севрюков значительно дольше, чем в целом у восточных славян, сохранялись древние дохристианские сла-

---

[188] Список населенных мест Черниговской губернии, имеющих не менее 10-ти жителей по данным за 1892 год. Чернигов, 1892. С. 76.

[189] РГАДА. Ф.1209. Отказная книга № 15820. Лл. 408–411.

[190] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 31. Лл. 589–594.

[191] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ч. 5. Лл. 3–4 с об.; Ф. 248. Оп. 80. Д. 6597. Ч. 1. Л. 24.

[192] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 21752 (карты).

[193] АМГ. Т. 1. С. 68, 74.

[194] РГАДА. Ф.210. Оп. 17. № 13. Лл. 111–113.

вянские имена. В документе 1614 г. некий драгун Изот Севрюков просит о переводе его на службу из одного города в другой[195]. В реестре казацкого войска Сагайдачного среди имен полковников встречаем Цецюру Севрука[196]. В списке дворян Острогожской провинции (современная Воронежская область) 1767 г. встречаем фамилию Сиверский[197]. В наше время лингвист В.Г. Денисевич, изучая историю диалектных слов употребляемых в курско-белгородских говорах, зафиксировал в ряде районов этих областей фамилию «Севрюков». При этом Денисевич отмечает, что слово «севрюк» используется как прозвище и фамилия многих старожилов, предки которых переселились в Курский край из Путивля и междуречья Сейма и Десны[198]. Все это свидетельствует о том, что севрюки не исчезли, так сказать, физически, как население данной территории. Исчезло их название и выделение их как особой группы.

Как и топонимы, происходившие от слова «севрюк», этнонимы, связанные с этим названием, чаще встречаются не на собственно северской территории, а в пограничных или соседних областях, то есть там, где человек получал прозвище или фамилию по названию края, откуда он родом. Например, прозвище «Севрюк» встречается в люстрациях Киевского, Черкасского, Каневского замков, но его нет в описании Остерского замка. Тем самым фиксировалась принадлежность самого носителя имени или его предков к отличной от окружающего населения группе. В самом деле, какой смысл называться «севрюком» среди севрюков или «литвином» на территории Литовского государства? Заметим, что на территории Северской земли довольно часто встречаются фамилии Литвин, Литвинченко, Москаль, Коломыец, Бойко, Барышполец, Ляшок и др.[199], свидетельствующие о происхождении их носителей из разных областей или государств. Но появляются такие фамилии в значительном количестве, как правило, в документах не ранее XVII – XVIII вв.

Таким образом, севрюки – это исконное население Северской земли, потомки древней северы. В XIV – XVI вв. они представляли собой особую группу древнего восточнославянского населения. В силу исторических условий, в которых оказалась Северская земля после монгольского нашествия, ее древние жители сохраняли свою «особность» вплоть до

---

[195] Там же. Оп. 8. № 66.

[196] Грушевський М.С. Історія України-Русі. Т. VII С. 473.

[197] Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 1. С. 339–340.

[198] Денисевич В.Г. К истории диалектных слов, употребляемых в говорах Курско-Белгородского края // Известия Воронежского гос. пед. Института. Т. 68. Воронеж, 1969. С. 184–188.

[199] Романовський В.О. Переписні книги 1666 р. Київ, 1933. – Списки жителей Батуринского, Бахмачевского, Конотопского и Новомлынского уездов за 1666 г. – Сс. 19, 20, 24, 28, 29, 30, 39, 45, 48, 52, 54, 56, 57, 58.

XVII в., когда они были втянуты в процесс формирования украинской и русской народности. Причем севрюки не составили какой-то отдельной социальной или этносоциальной группы в составе русского или украинского народа, они органически влились в сам процесс формирования этих народов. Та часть севрюков, что попала в служилое сословие, особенно быстро потеряла свое былое наименование. Основную массу населения Северской земли – мужиков-севрюков – постигла впоследствии участь всех мужиков России – закрепощение.

О севрюках XV – XVII вв. сведения отрывочны и скудны, чтобы охарактеризовать их как определенную этническую общность. О.В. Русина, изучавшая историю Северской земли в составе Великого княжества Литовского, определяет эту область как диалектно-этнографическую, отмечая что этнокультурные особенности ее населения сложились в процессе «колонизации ими Левобережья Днепра и метисации на основе локального этносубстрата»[200]. Мы знаем, что севрюки жили на территории, в целом совпадающей с границами летописной северы, а русские, литовские и польские источники XIV – XVI вв. называют жителей Северской земли «севрюками»; это же название сохраняется в этнонимии и топонимии края и смежных районов. Оно происходит от названия древнейших обитателей Северской земли «северян» и, по всей видимости, было самоназванием местного населения этого края в XIV – первой половине XVII вв.

Отечественные исследователи, занимаясь типологизацией этнических общностей, отмечают наличие у этих общностей переходных состояний. При этом подобные состояния могут быть обусловлены процессами, протекающими как в социально-экономической, так и в этнической сфере. Чаще всего переходные состояния этнических общностей связаны с переходными периодами общественного развития[201]. Период XIV – начала XVII вв. – время формирования народностей у восточных славян[202]. При этом если с одной стороны протекал процесс, направленный на объединение в народность различных этнических групп, главным образом родственных восточнославянских, то с другой – еще долго продолжалось этноэволюционное развитие этих групп[203].

Севрюки, без сомнения, потомки летописной северы, локальная группа древнерусского населения, в силу исторических условий продолжавшая свое этноэволюционное развитие вплоть до начала XVII века. Геополитическая нестабильность на территории Северской земли в XIV – XVI вв., определявшаяся неоднократными передвижками гра-

---

[200] Русина О.В. Указ. соч. С. 47.

[201] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 151.

[202] Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 10–11.

[203] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. С. 159.

ниц между Московским государством, Великим княжеством Литовским и Польским королевством, боровшимися за территориальное наследие исторической Руси, способствовала более длительному сохранению этнокультурной обособленности населения этого региона по сравнению с другими регионами восточнославянского мира. Наиболее часто переходные состояния этнических общностей, таких как севрюки, завершаются изменением не только их этнических свойств, а прежде всего сменой этнического самосознания[204], что неизбежно выражается в смене самоназвания. Именно этот процесс, происходивший в Северской земле, прослеживается в письменных источниках XVII века: этноним «севрюки» исчезает.

В формировании новых этносов немалую роль играет взаимодействие многих этнических элементов, особенно в формировании таких крупных этносов, как русский и украинский. Севрюки явились одним из таких этнических элементов в процессе формирования украинского и, в меньшей степени, русского народа. В XVII в. завершается «этническое растворение» севрюков как отдельной этнокультурной группы населения. Основным фактором, способствовавшим этому «растворению», послужили социально-политические изменения, происходившие на территории Северской земли в XVII-XVIII вв. и связанные с ними переселенческие движения. Эти вопросы будут рассмотрены в следующей главе.

---

[204] Там же. С. 151.

Глава 5.
ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ В XVII–XVIII ВВ.

5.1. Историко-этнические процессы на территории Северской земли в XVII в. Черкасы

В дореволюционной исторической литературе большое внимание уделялось проблеме заселения Левобережной Украины, в том числе и Северской земли, в XVII в.; переселенческим движениям и политике Польского и Русского государства в этом вопросе[1]. Анализ этих взглядов и их аргументированная критика дана в работах А.И. Барановича[2], который не отрицает значительного количества переселенцев в «украинные» земли во второй половине XVI и особенно в XVII в. в связи с усилением феодальной эксплуатации в Речи Посполитой, но подчеркивает, что земли от Сейма и Десны до Полтавы были в XVI в. сравнительно хорошо заселены древними жителями края. В русских, литовских и польских источниках того времени древних жителей указанной области называют «северуками» или «севрюками». Они, без сомнения, представляли остатки древнего населения Северской земли, продолжавшее свое этноэволюционное развитие вплоть до начала XVII в.[3]

Однако следует иметь в виду, что направление этнических процессов на территории бывшей Северской земли в XVII в. не исчерпывается переселенческими движениями и тем более не определяется ими. Определяющими были новые социально-экономические условия развития этого края и конкретная историческая обстановка, которые в сумме обусловили и передвижение населения и все остальные этносоциальные процессы, давшие в результате ту этническую картину, которую мы имеем на территории бывшей Северской земли в XIX веке.

Как известно, еще в 1387 г. польские феодалы захватили Галицию и западную Волынь, а в 1430 г. – западную Подолию. Северские земли

---

[1] Багалей Д.И. Очерки истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; Владимирский-Буданов М.Ф. Передвижение южнорусского населения в эпоху Богдана Хмельницкого // Киевская старина (КС). 1888. № 7; Стороженко А. Очерки Переяславщины // КС. 1891. № 11; Яблоновский А. Левобережная Украина в XV – XVII вв. // КС. 1896. № 5; Лазаревский А.М. Лубенщина и князья Вишневецкие // КС. 1896. №№ 1, 2, 3; Барвинский В. Крестьяне в Левобережной Украине в XVII – XVIII вв. Харьков, 1909.

[2] Баранович А.И. Население предстепной Украины в XVI в. // Исторические записки АН СССР. 1950. №32. С. 198–233; Он же. К вопросу о запустении и заселении украинских земель в XVI – начале XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 40–42.

[3] Багновская Н.М. Севрюки (население Северской земли в XIV – XVI вв.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1980. № 1. С. 57–69.

к концу XIV в. почти полностью вошли в состав Великого княжества Литовского. Господствующее положение в экономической и политической жизни Литовского государства занимали крупные магнаты, сосредоточившие в своих руках огромные земельные владения. Однако в связи с экономическим и политическим усилением шляхты и под ее нажимом, литовские сеймы в 60-х годах XVI в. приняли ряд постановлений, уравнивавших шляхту в правах с магнатами. Великое княжество Литовское по образу Польши начало превращаться в шляхетскую республику с выборным монархом во главе. Завершился этот процесс в 1569 г. слиянием Литвы и Польши в одно федеративное польско-литовское государство – Речь Посполитую[4]. В составе этого государства оказалась большая часть украинских земель. К концу XVI в. на территории Речи Посполитой значительно возросли крестьянские повинности. На Волыни и в Галиции средняя норма барщины доходила уже до трех дней в неделю. [5]

Основная часть Северских земель в течении всего XVI в. входила в состав Московского государства[6]. Однако постоянные нападения «литовских людей» на Московские земли и агрессивные устремления польских и литовских феодалов привели к войне с Московским государством. По Деуглинскому перемирию 1618 г. Северская земля была разделена между Россией и Речью Посполитой. Россия получила Брянск, Путивль и Рыльск; за Речью Посполитой признаны были Стародуб, Новгород-Северский и Чернигов. Однако за пятнадцать лет от Деуглинского перемирия до Смоленской войны Речью Посполитой были захвачены земли по рекам Удаю, Лохвице, Ромну, среднему и верхнему Пслу. В результате граница России на юго-западе претерпела резкие изменения и сильно отодвинулась на север по сравнению с XVI в., почти под сам Путивль[7]. Таким образом, в начале XVII в. Северщина оказалась разделенной между двумя государствами. На Северских землях, отошедших к Польше, было создано Черниговское воеводство.

Правительство Польско-литовского государства после Люблинской унии признало первой и важнейшей мерой для «колонизации» южнорусских земель «роздачу пустынь» в феодальное владение. Решением сейма при Стефане Батории были законодательно утверждены эти роздачи, а при Сигизмунде III они приняли широчайший размах[8]. Шляхта,

---

[4] История Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1969. С. 154–156.

[5] Там же. С. 158.

[6] Шеломанова Н.Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970. Глава V1.

[7] Там же. С. 470.

[8] Jablonowski A. Polska XV1 w. pod wzgledem historyezno-statystycznym. TT. 9–11. Ukraina // Zlodla dziejowe. TT. 20–22. Warszawa, 1894–1897. S. 113–118.

появившаяся после 1569 г. в Поднепровье, а в начале XVII в. и на Северских землях, получала бывшие земли староств на разных правах (ленном и полного владения)[9] и всячески стремилась к дальнейшему увеличению крестьянских повинностей. Так, например, из списка повинностей, занесенных в люстрацию г. Остра 1628 г.[10], видно, что они становились все более многочисленными и обременительными в сравнении с предшествующими. Однако до барщины на территории Северской земли еще не доходило. Феодальная эксплуатация земледельческого населения в Черниговской земле и южнее, в бассейнах рек Сулы, Псла, Ворсклы, была значительно слабее, чем в западных областях Украины. Основной доход феодал получал не от барской запашки, а от других статей, среди которых на первом месте находилось винокурение и продажа водки[11]. Здесь господствовала натуральная рента. Многие крестьяне сидели на «слободах» от 5 до 20 и более лет, в зависимости от условий местности. В то же время переход к отработочной ренте в Галиции и на Волыни был вызван возросшим спросом на сельскохозяйственную продукцию, а наличие речных путей, связывающих эти области с польским и внешним рынками, позволяло сбывать ее. Таким образом, рост барщины и резкое усиление феодального гнета привели к тому, что в первой половине XVII в. на Левобережье устремились массы переселенцев из западных и северных областей Правобережной Украины[12].

Однако движение переселенцев в Северские земли началось значительно раньше, чем в XVII в., хотя в несравненно меньших масштабах и шло в основном с Правобережья Днепра и из пределов Московского государства.

По наблюдениям современных лингвистов, из всех областей Украины, в которых отмечены отантропонимичные балтизмы, больше всего таких названий сосредоточено в пределах Северской земли (на Черниговщине и Сумщине)[13]. В XIV – XV вв. в Чернигово-Северских княжествах одним из методов распространения литовского господства была замена русских удельных князей представителями Литовского великокняжеского рода Гедиминовичей. Результатом поселения литовских князей в Чернигове, Новгороде-Северском, Трубчевске, Стародубе,

---

[9] Багалей Д.И. Займанщина в Левобережной Украине XVII – XVIII ст. // КС. 1883. № 11. С. 561–562.

[10] Архив Юго-Западной России (АЮЗР). Ч. VII. Т. 1. С. 337–355.

[11] Романовский В.А. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII – XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963. С. 185.

[12] АЮЗР. Ч. VII. Т. III. Киев, 1905. Предисловие, с. XIX, XX; Компан О.С. До питання про заселеність Україні в XVII столітті // Український історичний журнал. 1960. № 1. С. 74–76.

[13] Непокупний А.П. Українсько-балтійскі студії // Мовознавство. 1968. № 6. С. 41.

Рыльске было, с одной стороны, обрусение Гедиминовичей, а с другой – некоторое распространение среди местного населения литовских личных имен, так как влияние одного языка на другой, даже с перспективой ассимиляции, никогда не бывает односторонним.

В то же время великие князья литовские производили раздачи земель в держание крупным вельможам литовского происхождения[14]. Так получили свое название по имени их владельцев некоторые села Черниговской земли. Например, название села Домыслин, возможно, произошло от имени литовского державца Домысла, что подтверждает документ, датированный М. Довнар-Запольским XV веком, где говорится, что «в Речеце и в Чернигове князю Борису Илинскому двор Домыслин до воли...»[15]. Под Речецей и Черниговом следует понимать не только города, но и их округи, которые жаловали великие князья Литовские своим феодалам. Традиционная форма жалованных грамот того времени: жалуется город или село «со всеми што к ним слушает», «зо всим, што к тым селцом прислухает» и т. д[16]. Иногда «державцы» называли свои имения по названию местности, откуда они родом. Вероятно, так появилось на Черниговщине в XV в. село Волыняне[17]. Однако в XIV-XV вв. речь может идти только о процессе «литовизации» верхних слоев населения Северской земли. Свидетельств более или менее значительных переселений на территорию Чернигово-Северской земли из пределов Литвы, Белоруссии и Волыни нет. Правда, некоторые исследователи высказывали мнение, что землевладельцы литовского происхождения приводили с собой крестьян из своих старых владений, впрочем, не подтверждая этого фактами[18].

Значительный фактический материал об участии переселенцев с Правобережья Украины и Литвы (Белоруссии) в заселении Чернигово-Северской земли приводит А.М. Лазаревский[19]. В «Описании старой Малороссии» Лазаревский отмечает в числе переселенцев в село Галенки на Конотопщине жителей галицкого города Станислава, а в Борзенское село Плиски жителей города Колонии[20]. А.М. Лазаревский также предполагает, что население Борзенского села Холмов (Холмів) связано

---

[14] Леонтович Ф. Акты Литовской метрики. Варшава, 1896. С. 18–19, 21–22 и др.

[15] Документы Московского архива министерства юстиции (МАМЮ). Т. 1. М., 1897. С. 26.

[16] Леонтович Ф. Акты Литовской метрики.

[17] Документы МАМЮ. Т. 1. С. 63.

[18] Виноградский Ю. До історіі колонізаціі середньоі Чернігівщини // ЦНБ АН Украины. Отдел рукописей. Ф. Х. № 4462.

[19] Лазаревский А.М. Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783) // Записки Черниговского губернского статистического комитета. Кн. 1. Чернигов, 1866. С. 23, 24, 76, 77, 79, 86; Он же. Описание старой Малороссии. Т. 2. (Нежинский полк). Киев, 1893. С. 3 и др.

[20] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 2. С. 147–149.

с переселенцами из Подолии, а село Уланов Глуховского уезда – выселок правобережного Уланова Каменец-Подольской губернии. Вероятно, также Борзенские села: Красностав, Тростянка – выселки из Красностава и Тростянки на Холмщине[21]. Все названные села, по мнению Лазаревского, возникли не позже первой трети XVII в. Тогда же основано было и село Чертории Глуховского уезда, где, как пишет Лазаревский, «насельники... вероятно, представляют собою выходцев из волынского села Чертории или Чортории»[22]. Интересно отметить также, что в городе Соснице и его предместье в XIX в. известен ряд семей с фамилией «Бойко»[23].

Северное Левобережье было в XVII в. более густо населено, чем южное[24]. Однако в южных районах Северской земли, в результате массовых переселений с Правобережья, быстро растет число сел и количество жителей. Так, в Миргородском уезде насчитывалось в 1625 г. около 30 сел, в Переяславском – 60, а густота населения составляла, соответственно, примерно 16 и 23 человека на 1 кв. км[25]. Значительная волна переселений падает на 70-е гг. XVII в. Она была вызвана турецкими опустошениями на Правобережье в 1670 г.[26] В конце XVII в. на юге Северской земли возник ряд новых поселений. Селились здесь и беглецы из Московского государства[27]. Переселения в XVI – XVII вв. из западных областей на восток и юго-восток современной украинской территории подтверждает также изучение диалектных границ украинского языка[28].

Еще в XVI в. в связи с созданием системы обороны «крымской украйны», Московское правительство заселяло южные пограничные земли служилыми людьми, выходцами как из центральных областей русского государства, так и выходцами из пределов Польско-Литовского. Отдельные русские села были основаны стрельцами, поселенными в пограничных уездах Северской земли (Новгород-Северском, Городнянском, Конотопском, Борзенском) после присоединения ее в 1503 г. к Московскому государству[29]. Тогда же здесь появляются русские боя-

---

[21] Там же. С. 149, 276, 481, 511.

[22] Там же. С. 437.

[23] В списке жителей г. Сосницы 1846 г. обозначено 15 семей с такой фамилией. – ЦНБ АН Украины. Отдел рукописей. Ф. Х. № 4462. С. 2–3.

[24] Компан О.С. До питання про заселеність Україні в XVII столітті. С. 76.

[25] Полтавские епархиальные ведомости. 1898. № 28. С. 103.

[26] Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в., составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720. Т.2. Киев, 1851. С. 355–356.

[27] Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России. Т. IX. СПб., 1877. С. 856–857.

[28] Жилко Ф.Т. Особенности диалектных групп украинского языка // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 26, 36–37.

[29] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 6. Чернигов, 1874. С. 200, 209, 335.

ре, которые иногда приводили с собой своих крестьян из разных областей Московского государства. Это не могло не оставить определенных следов. По мнению А. Лазаревского, «русское» влияние в Подесенье преобладало вплоть до периода «казаччины»[30]. Дальнейшая судьба западных и восточных областей древней Северской земли сложилась поразному.

Посемье с Путивлем и Рыльском с начала XVI в. оставалось в составе Московского государства и представляло собой южную пограничную область. Один из значительных этапов заселения русскими Посемья охватывает вторую половину XVI в., когда окончательно оформляется передовая оборонительная линия защиты от крымских набегов. Путивльский и Рыльский уезды заселялись русскими служилыми людьми, получавшими за службу земли и угодья. Вопрос о земле, кто ею должен владеть и на каких условиях, был главным в феодальной России XVI в. Обеспечение государственных потребностей могло быть достигнуто – при тогдашнем уровне экономического развития – прежде всего наделением землей государевых служилых людей. Проблема ограничения землевладения крупных феодалов и сосредоточения всей земли в руках государства с тем, чтобы «земля из службы не выходила» была главной задачей феодального правительства, «...с этим был неразрывно связан и вопрос об обеспечении земли рабочей силой»[31].

Существовавшая в XVI в. иерархическая структура феодальных землевладельцев в значительной мере консервировала обособленность отдельных земель и княжеств[32]. Установление поместной системы землевладения, получившей наибольшее распространение в пограничных областях, отражало начавшейся процесс ликвидации иерархической структуры земельных собственников. В то же время установление поместной системы землевладения, по мнению А.В. Даниловой, явилось одним из факторов, способствовавших сближению отдельных областей страны[33]. Значительно увеличилась подвижность определенной части населения – служилого сословия – в пределах государства. Но главной причиной, вызвавшей перемещение довольно значительных масс населения из центра страны на окраины, было резкое усиление налогового гнета в Русском государстве середины XVI в. Процесс роста повинностей и усиления крепостничества во второй половине XVI в. неодно-

---

[30] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 2. С. 317, 412.

[31] Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV – XVII вв. М., 1969. С 86.

[32] Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 71.

[33] Данилова Л.В. Исторические условия развития русской народности в период образования и укрепления централизованного государства в России // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 118.

кратно изучался в исторической литературе[34]. А.М. Сахаров отмечал, что «передвижка населения рассасывала социальные конфликты... открывала новые возможности для развития феодального землевладения и хозяйства на вновь осваиваемых землях». В это время отмечается перемещение значительных масс населения из центра страны, особенно из Новгородско-Псковской земли, где была самая высокая плотность населения России середины XVI в.[35] Отлив населения из центральных регионов России на ее окраины впоследствии приведет к ситуации, которую в исторической и экономической литературе принято называть «оскудением центра». О неоднозначных последствиях переселенческих движений XVI – XVII вв. пишет русский историк и религиозный философ Г.П. Федотов в своей работе «Судьба и грехи России». Он обращает внимание на «...медленное действие одного исторического явления, протекавшего помимо сознания и воли людей...» и почти ускользнувшего от внимания исследователей, имея в виду «...отлив сил, материальных и духовных от великорусского центра на окраины... лишь с XVI – XVII веков отвоеванные у степных кочевников»[36].

Один из сильных переселенческих потоков устремился на Северскую землю. Сохранившиеся материалы Разрядного приказа Московского государства[37] дают возможность установить из каких категорий населения формировалось служилое сословие Северского края. Очень интересна во многих отношениях среда этих «приборных» людей. Простое перечисление их в различных документах: дети боярские, стрельцы, атаманы, казаки, белодворцы, черкасы, севрюки, пушкари, затинщики и пр.[38] – свидетельствует, в первую очередь, о неоднородности служилого сословия, а также указывает на их происхождение (черкасы, севрюки). Все эти категории служилых людей были мелкими земельными собственниками. Наиболее крупные поместья имели дети бояр-

---

[34] Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; Каштанов С. М. Рост государственных повинностей во второй половине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 291–295; Шапиро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением XIV – XVI веков. Л., 1987.

[35] Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV-XVII вв. С. 76–78.

[36] Федотов Г.П. Судьба и грехи России / избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х тт. СПб., 1991. С. 246–247.

[37] Разрядный приказ существовал с 1549 по 1711 г., в его подчинении находились все дела служилого сословия.

[38] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Кн. 367. Л. 8 и др.; Ф. 210. Оп. 4. № 49; Акты Московского государства (АМГ). Т. 1. СПб., 1890. С. 5–6, 68–76 и др.; Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. М., 1967. С. 130 и др.

ские – 150–200 четвертей[39]. Казаки, стрельцы, пушкари и другие мелкие служилые люди – примерно 20–40 четвертные оклады[40].

С конца XVI в. на службе в пограничных городах Русского государства, в том числе и в районе Путивля, появились «черкасы». Со второй половины XVII в. до 20-х гг. XVIII в. идет массовое заселение юго-западной окраины Русского государства черкасами[41].

Черкасами, начиная с XIV в., в восточнославянских летописях называли бывших касогов (современных адыгейцев или черкесов) – коренных жителей северо-западного Кавказа. Украинская топонимия сохранила интересные сведения о тесных исторических связях народов Кавказа и современной Украины. Некоторые исследователи даже высказывали мнение об адыгском происхождении украинского казачества[42], что, без сомнения, не выдерживает критики, так как казачество было продуктом внутреннего развития украинского и русского общества XIV – XVI вв.

В так называемой «черкасской» проблеме[43] следует разграничивать три вопроса: во-первых, о происхождении этнонима «черкасы», во-вторых, о происхождении ряда географических названий (прежде всего г. Черкасы), и, наконец, кого именовали черкасами источники XVI – XVII вв.

Относительно Среднего Поднепровья этноним черкасы находим под 1152 г. в Московском летописном своде конца XV в.[44], откуда он попадает в списки Воскресенской летописи[45] и Лаврентьевского списка Никоновской летописи[46]. В русских летописях этноним касоги последний раз упоминается в 20-х годах XIII в.[47], а уже с начала XIV в. на страницах летописей появляется этноним «черкасы» (черкасы, шеломы чер-

---

[39] Четверть или четь в XIV-XVII вв. являлась основной мерой земли и сыпучего хлеба. Она примерно равна 0,5 десятинам; четь сыпучего хлеба равна количеству, которое необходимо, чтобы засеять четь земли.

[40] РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. № 49; Ф. 1209. Кн. 367. Л. 8–12 об.; Ф. 210. Оп. 7-А. Док. 80. Л. 84–143; АМГ. Т. 1. С. 18–19.

[41] Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины в XVII – XVIII вв.; Дяченко М.Т. Етнографічні дослідження Слобідськоі Украіни в XVIII – першій половині XIX ст. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Киев, 1970.

[42] Лещенко А.Ф. К вопросу о происхождении украинского казачества // Сборник статей по экономике и культуре. Вып. 1. Краснодар, 1927. С. 78–92.

[43] Обзор историографии «черкасской» проблемы см.: Горленко В. Про походження назви «черкаси» щодо украінців XVI – XVII ст. // Украінське козацтво: витоки, еволюція, спадщина. Київ, 1993. Вип. 2. С. 27–34.

[44] Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т.25. М.; Л., 1949. С. 54.

[45] Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т.7. СПб., 1856. С. 240.

[46] Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. С. 191.

[47] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1, М.,1962. Ст.446, 504; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Ст. 338; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 69.

касьские – 11346, 1366, 1380 гг.)[48], а также топоним «горы Черкасскыи» (1318–1319 гг.)[49] и собственное имя Черкасъ под 1339 г.[50]

В восточных (персидских, арабских и византийских) источниках слово и словосочетание с корнем «черкес» (черкес, Черкессия, страна черкесов, войска черкесов, племена черкесские и пр.) появляются со второй половины XIII – XIV в.[51] В западноевропейских мемуарах этнонимы «чиркасы» и «чекисы» упоминаются с 40–50-х годов XIII в.[52], а армянские источники конца XIII в. уже знают черкесов[53]. В монгольской хронике 1240 г. среди народов, завоеванных военачальником Чингисхана Субеетаем-Баатуром, названы и «серкесути»[54], которых не без оснований считают черкесами[55]. Кроме того, Рашид-ад-Дин упоминает имя Черкес[56]. Таким образом, этноним «черкес» относительно Северного Кавказа впервые упоминается под 1240 г., а немного позднее – в других письменных источниках. По мнению исследователей, в русские летописи этноним «черкасы» вместо древнерусского «касоги» попал опосредованно – через западноевропейцев, чем и объясняется его запоздалое употребление лишь в начале XIV в.[57]

Подавляющее большинство исследователей и в первую очередь краеведы и популяризаторы связывают появление названия «черкасы» на Днепре с черкесскими переселенцами[58]. В известном «Описании всех обитающих в Российском государстве народов...» излагается история появления на Днепре черкас в 1282 г., когда татарский баскак в курском

---

[48] Патриаршая или Никоновская летопись. С. 217; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т.18. СПб., 1913. С. 95, 105, 129; Ермолинская летопись. С. 108, 125; Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 12, 29, 80, 165; Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып 1. М., 1965. Ст. 57, 139.

[49] Тверская летопись. Ст. 411; Рогожский летописец. Ст. 39; Ермолинская летопись. С. 99; Типографская летопись // ПСРЛ. Т.24. Пг., 1921. С. 111.

[50] Патриаршая или Никоновская летопись. С. 210.

[51] Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 149, 231, 234, 288, 306, 503; М.; Л., 1941. Т.2. С. 15, 48; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т.1. Кн.1. С. 66, 73; Кн.2. С. 68, 275; Успенский Ф.И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Византийский временник. Л., 1926. Т. 24. С. 15; Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. Т.1. С. 51, 58.

[52] Путешествие в восточные страны Плано-Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 57, 111.

[53] История монголов по армянским источникам / Пер. и объяснения К.П. Патканова. СПб., 1873. Вып. 1. С. 32.

[54] Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 189,192.

[55] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 236.

[56] Рашид-ад-Дин. Указ. соч. Т.1. Кн. 1. С. 183.

[57] Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 25.

[58] Гудзенко П.А. Черкаська область: Географічний нарис. Київ, 1959. С. 43; Кругляк Ю. На крилах легенд. Київ, 1966. С. 63; Черкаська область. Історія міст і сіл Українськоі РСР. Київ, 1972. С. 648.

княжении призвал черкас из Пятигории (Бештау) и населил ими слободы. Но позже, в результате многочисленных жалоб на них, хан разрешил курскому князю Олегу разорить жилища черкас и разогнать их самих, что Олег и сделал. Впоследствии они поселились по Днепру и построили город Черкасы. Далее автор пишет, что первые черкасы, которых называли также казаками, «бывшие природными черкасами со временем перевелися, так как основная их масса жила без семейств по обычаю казачьему, а место их заступили малороссияне, но название «черкасы» удержалось за ними, а потом было перенесено на всех, живших под их зависимостью и влиянием»[59]. Многие исследователи в целом разделяют это мнение, считая, что часть черкасов, переселившись с Кавказа в Поднепровье еще до литовского завоевания, передала свое этническое название некоторым географическим объектам и среди них городу Черкасы, а со временем прямо или опосредованно, возможно, через название города-крепости, как значительного центра казачества, – всему украинскому казачеству, среди которого собственно черкасы давно растворились[60].

Но само название «черкасы» и ряд географических названий, прежде всего г. Черкасы, безусловно, связаны с адыгами. Так, М. Фасмер считает, что название г. Черкасы несомненно происходит от названия черкесов, но не обязательно основание города связано с собственно черкесскими поселениями. Источником этнонима «черкес» Фасмер видит осетинское «coergoes» из «carkas» – «орел»[61]. Вслед за Фасмером, современный украинский исследователь М.Ф. Пономаренко выводит термин «черкес» от осетинского «орел»[62]. Другой современный украинский исследователь Ю.Ю. Мариновский категорически не согласен с подобной версией происхождения термина «черкесы», но при этом своего варианта его происхождения не приводит. Он считает, что топоним «черкасы» на Днепре появился во второй половине XIII в. и никакого отношения к черкесам северо-западного Кавказа не имеет. «Это скорее разные слова и по происхождению, и по значению»[63]. В то же время мнение большинства исследователей об интенсивных связях между населением среднего Приднепровья и Кавказа, существовавших примерно до XII – XIII вв., дают основания считать происхождение

---

[59] Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. IV. СПб., 1799. С. 236–237.

[60] Стрижак О.С. Звідки назва міста Черкасы // Українська мова і література в школі. Київ, 1968. № 2. С. 82–83; Лавров Л.И. До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. Київ, 1961. № 3. С. 65; Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966. С. 156–157; Пономаренко М.Ф. Про назву міста Черкаси // Мовознавство. 1988. № 6. С. 53–57.

[61] Этимологический словарь М. Фасмера. Т. 4. М., 1973. С. 343–344.

[62] Пономаренко М.Ф. Указ. соч.

[63] Мариновський Ю.Ю. Ще раз про назву міста Черкаси // Мовознавство. 1991. № 4. С. 65.

термина «черкасы» связанным с адыгским населением южнорусских степей и Северного Кавказа. Позже, до XVIII в., эти связи хотя и не обрывались совсем, но значительно ослабли[64].

О социальной окраске исторического названия «черкас» свидетельствуют источники XVI в. – это своеобразный вольный воин, казак. В это время почти ни одна война и военное столкновение не обходились без участия черкас. В различных документах они фигурируют либо в войске польских королей, либо на службе у крупных польских магнатов[65]. Причем в первом случае они могут именоваться в одном и том же документе как «черкасами», так и «поляками»[66], так как в те времена при определении различных групп населения на первом месте, в зависимости от обстоятельств, стояло обычно подданство того или иного государства, отношение людей к службе или конфессиональная принадлежность.

Петербургский исследователь А.С. Мыльников, рассматривая сложившуюся в литературе XVI – начала XVIII вв. традицию использования этнонимов, приходит к выводу, что маркировка этносов включала три взаимосвязанные структурные компонента: этнический (этническое название), государственно-политический (политоним) и религиозный (конфессионим)[67]. В зависимости от обстоятельств один и тот же человек получал различное определение. Так, житель Великого княжества Литовского Франциск Скорина за границей именовал себя «литвином», иногда «русином», а внутри страны – обычно «полочанином»[68]. В подобных случаях этническая принадлежность отражалась лишь частично, так как в числе подданных государства (в частности Литвы) были группы населения и отдельные лица иной этнической принадлежности. В таких случаях этноним выступает как политоним – этноним «литвин» означает государственную (политическую) принадлежность его носителя. Свою корректировку в понятие этнической и государственной принадлежности вносил конфессиональный фактор. Он был исключительно важным в рассматриваемый период и нередко идентифицировался с этнической принадлежностью. «Стать русским» означало принять православие, поскольку в белорусской и украинской народной среде православие, в противоположность «польской», то есть католической, вере, именовалось «русской верой». По той же причине белорус-

---

[64] Стрижак О.С. Звідки назва міста Черкаси . С. 83; Лавров Л.И. Указ. соч. С. 66.

[65] АМГ. Т 1. С 85; РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Л. 143–144; Анпилогов Г.Н. Новые документы... С. 130–131.

[66] АМГ. Т. 1. С. 85.

[67] Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представление об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999. С. 300.

[68] Мыльников А.С. Земля – государство – этнос: Франциск Скорина в контексте этнокультурных представлений раннего Нового времени // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1995. Вып. 8–9. С. 50–51.

католик воспринимался поляком или литвином, пусть по этнокультурной традиции и языку он им и не был.

Несомненно, на развитие населения изучаемого региона, помимо названных компонентов, оказывали воздействие и внутренние, и особенно внешние факторы: военное противостояние Русского и Польско-Литовского государств и, как следствие военных действий, частое перемещение государственных рубежей, а также последствия раздробленности Древнерусского государства на самостоятельные и полусамостоятельные княжества. Эти обстоятельства во многом способствовали консервации этнотерриториального и культурного регионализма. В XVII – XVIII вв. к названным факторам следует добавить социально-демографический: рост роли и значения на территории Северской земли служилого сословия – казаков и переселенческие движения. Исходя из сказанного можно сделать вывод, что для условий XVII в. термин «черкасы» являлся региональным экзоэтнонимом с ярко выраженными социальными особенностями.

О действительной этнической принадлежности носителей исторического названия «черкасы» свидетельствуют их имена и фамилии. Например, в одном из ранних документов (отдельная книга 1594 г.), дающем список черкас среди путивльских конных самопальников, большинство имен и фамилий этих «черкас» русские: Васька Лукьянов сын Болдырь, Гаврилка Сохнов, Ивашка Романов, Митя Степанов и пр., но есть и польские – Войтех Осковский, Иван Жеславский[69].

История формирования черкас близка к истории возникновения днепровского казачества, основную массу которого составили, как известно, выходцы из Польско-Литовского государства и отчасти из Московского. Черкасы по образу жизни и по занятиям те же казаки; часто их называют просто польскими казаками, то есть находящимися на службе у польского государства (очередной пример использования этнической номинации в качестве политонима). В то же время на образ жизни казачества оказали заметное влияние традиции издревле обитавшего здесь полукочевого населения, представлявшего собой остатки до монгольских кочевников южнорусских степей.

Летописные свидетельства говорят о существовании в южнорусских степях XI – XIII вв. потомков их древнего населения – касогов, козар, яс, а также остаточного печенежско-торческого населения. На карте кочевнических погребений конца XI – начала XIII вв., приведенной в работе Г.А. Федорова-Давыдова, основная масса памятников сосредоточена в среднем Поднепровье: южная Киевщина, Переяславщина, юг Черниговщины[70]. В то же время неукрепленные древнерусские поселе-

---

[69] РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Л. 143–144; АМГ. Т. 1. С. 85.

[70] Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М., 1966. Рис. 21 (карта).

ния XII – XIII вв. известны в районе современного г. Днепродзержинска и значительно южнее по обеим сторонам Днепра в Надпорожье[71]. Отсутствие укреплений в этих поселениях может свидетельствовать о том, что их жители находились в зависимости от какой-то группы кочевников, что одновременно обеспечивало им покровительство последних. Вероятно, какие-то адыгские группы сохранялись в степных районах Поднепровья и в течение последующих веков, а после падения власти Золотой Орды, наименование одной из них «черкасы» стало названием всех, живших под ее властью. В течении XVI века беглецы, находившие убежище в Приднепровских степях, заимствовали образ жизни местного населения, приемы военного искусства, наиболее соответствовавшие условиям вольной, но опасной жизни в степи, то есть вели «черкасский» образ жизни и стали называться «черкасами».

Другой вопрос – что в русских источниках XVII – первой половины XVIII вв. «черкасами» именуются вообще жители восточной Украины. Причину такого перенесения названия населения определенной области в Приднепровье на значительную часть народа можно видеть в некоторых явлениях общественной жизни, происходивших в связи с национально-освободительным движением украинского народа в XVII в.

В годы освободительной войны для многих крестьян открылась возможность перехода в казачество, имевшее по сравнению с крестьянством значительные привилегии. Стремление «оказачиться» было массовым и носило прямо эпидемический характер, несмотря на попытки властей ограничить казацкое сословие строгими рамками реестра. Интересно отметить, что сразу после 1654 г. численно казаки преобладали не в южных полках, как было раньше и чего следовало ожидать, а в полках северной Черниговщины[72]. М.Ф. Владимирский-Буданов объясняет это явление тем, что раньше «украинские колонисты» не желали попасть в сословие мещан под гнет «старостинского» управления, а с освобождением эта причина исчезла и население стремится к мирным занятиям[73]. Другие дореволюционные украинские историки считали, что в Черниговской земле до 1654 г. вовсе не было казачества[74], а северное Левобережье «не проникло духом казачества»[75],

---

[71] Кучера М.П., Драчук В.С. Памятники раннеславянского времени и Киевской Руси в зоне водохранилища Днепродзержинской ГЭС // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Вып. 12. Киев, 1962. С. 102; Брайчевська А.Т. Древньоруські пам'ятники Дніпровського Надпоріжжя // Археологічні пам'ятники. Т. XII. Київ, 1962. С. 155.

[72] Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России. СПб., Т.Х. С. 694.

[73] Владимирский-Буданов М.Ф. Передвижение южнорусского населения в эпоху Богдана Хмельницкого // КС. 1888. № 7. С. 112.

[74] Багалей Д.И. Займанщина в Левобережной Украине XVII и XVIII ст. // КС. 1883. № 11. С. 570.

[75] Бодянский О. Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора. М., 1875. С. XXIII.

поэтому здесь особенно заметно после 1654 г. стремление жителей перейти в казачье сословие. Подобные высказывания несомненно грешат поверхностной оценкой происходивших событий. «Дух казачества» не был абсолютно новым явлением на севере Черниговской земли – польские власти создавали здесь казачьи сотни, хотя и в ограниченных размерах. Но не это главное. Северные районы бывшей Северской земли сравнительно мало страдали от татарских вторжений, имея надежный естественный заслон из лесов, болот и рек. После монголо-татарского нашествия здесь сконцентрировалось основное население Северской земли. Старое местное боярство с его традициями вотчинного землевладения сохраняло на Черниговщине определенные экономические позиции. Основная масса крестьян находилась в феодальной зависимости, хотя барщины еще не было[76]. Постоянная угроза татарских вторжений в южные районы вынуждала польское правительство не только организовывать здесь казачье войско в более широких масштабах, но мириться с вольными казачьими поселениями. Поселенцы отдельных крупных феодалов (таких, как Вишневецкие) сидели на долговременных льготах.

С другой стороны, у местного населения южных районов Левобережья исследователи отмечают широкое распространение общинного землевладения. Вопрос о наличии общинного землевладения на Левобережной Украине не вызывал споры у дореволюционных историков. В.И. Лучицкий, специально изучавший вопросы землевладения, не сомневался в его существовании[77]. Д.И. Багалей высказал резко противоположную точку зрения в статье «Займанщина в Левобережной Украине XVII и XVIII ст.»[78]. Советский исследователь В.А. Романовский пришел к выводу о древних традициях общинного землевладения на Левобережье Днепра, хотя формы присущие ему в этом районе отличались от традиционных представлений об общинном землевладении[79]. Может, поэтому в XVII в. феодалам не так легко было осилить общинное землевладение в этой области.

Таким образом, различие социально-экономических условий в северных и южных районах бывшей Северской земли привело к тому, что на севере только в казаках можно было избежать гнета растущих

---

[76] Мякотин В.А. Очерки социальной истории Малороссии. Восстание Б. Хмельницкого и его последствия // Русское богатство. 1912. № 8–11; 1913. № 9–12.

[77] Лучицкий В.И. Общинное землевладение в Малороссии // Устои. 1882. № 7; Следы общинного землевладения в Левобережной Украине XVIII в. // Отечественные записки. 1882. № 1; Малороссийская сельская община и сельское духовенство в XVIII в. // Земский обзор. 1883. № 6; Займанщина и формы заимочного владения в Малороссии // Юридический вестник. 1890. Т.IV. Кн. 3.

[78] Киевская старина. 1883. № 11.

[79] Романовский В.А. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII – XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963. С. 184–195.

феодальных повинностей и опасности окончательного закрепощения. На юге во второй половине XVII в. закрепощение еще не грозило непосредственно.

В этот период, носивший в дореволюционной историографии название «казацкого», «казаччины», распространяется в Русском государстве название «черкасы» применительно ко всему населению восточных областей Украины. Как писалось выше, термин «черкасы» носит в это время социально-областное значение, то есть является региональным экзоэтнонимом с ярко выраженными социальными особенностями. Посполитых мужиков, то есть лично зависимых крестьян, тогда никто не принимал во внимание. Даже некрепостные крестьяне отличались сословной неполноправностью. Ярким свидетельством этого является акт приведения к присяге царю Алексею Михайловичу жителей Малороссии в 1654 году. К присяге приводились только свободные жители: казаки и мещане[80]. Они определяли лицо страны. Название «черкасы», когда-то связанное только с группой днепровских казаков (каневских и черкасских), теперь становится наименованием всех живших под гетьманским правлением. Но этот термин имел распространение лишь в Русском государстве.

Сами жители Левобережной Украины не употребляли название «черкасы», поэтому мы определяем его как экзоэтноним. В официальных документах жители Левобережья именовались «малороссийскими людьми», «малороссийским народом». Черкасы, переселявшиеся в пределы Русского государства, называли сами себя «жителями малороссийских городов»[81]. Общее самоназвание в этот период, вероятно, только формировалось. В качестве этнонима, по-видимому, могло частично сохраняться понятие «русские люди» (в смысле потомки древнерусского государства), известное по более ранним литовским и польским источникам.

Впервые термин «Малая Русь» употребляется в грамоте Константинопольского патриарха 1303 г. об учреждении православной Галицко-Волынской митрополии и выражает конфессионально-административное содержание[82]. Впоследствии термин утрачивает строго церковный характер, обретая черты государственно-территориальной квалификации. Известный диссидент XVII в., бежавший в Швецию бывший

---

[80] Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. X. С. 298–301. Приложение к № 5.

[81] РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-А. № 80. ЛЛ. 14, 21 об и др.

[82] Ламанский В.И. «Белая Русь» // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 248–249; Грушевський М.С. Історія України-Русі. Львів. 1901. Т. 3. С. 80; Соловьев А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38; Улащик Н.Н. Белая и Черная Русь в «Хронике» Матвея Стрыйковского // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 238–239.

подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин, объяснял шведскому правительству семантику царского титула и, в частности, недавнее внесение в него слова «Малыя» Россия после присяги в вечном подданстве Малой России войска Запорожского гетмана Богдана Хмельницкого с казаками и со всеми Черкасскими городами[83]. Во многих случаях термином «Малая Русь» в XVII в. обозначали казацкое государство, что, по мнению П.П. Толочко, являлось вариантом местного происхождения[84]. Но все чаще это название связывалось со всей Украиной, о чем свидетельствует актовый материал того времени.

Термины «Украина» и производный от него «украинцы» появляются в XVI в. для обозначения территории и населения Среднего Поднепровья. На протяжении XVII в. понятие «Украина» стало связываться с Гетманством днепровских казаков и распространяться на народ и его язык. Народные песни и зарождавшаяся высокая литература употребляли этот термин все чаще, и он стал укореняться за границей, как о том свидетельствует соответствующая литература[85].

По данным XVI в., украинские казаки-черкасы несли «московскую службу» в Путивле и других пограничных городах Московского государства за денежное жалованье и представляли собой самостоятельные степные охранные отряды [86] или отдельные группы в составе русских войск. Согласно отдельной книге г. Путивля, 1594 г. из 55 человек черкас, названных в ней, поместных всего два человека, остальные беспоместные, «которые земель не взяли»[87].

Совсем иную картину дает XVII в. В первой половине века нарастало переселение украинского населения в пределы Русского государства и особенно усилилось после поражения восстаний 1630-х гг. Черкасы выходили в первой половине XVII в. главным образом в Путивль, затем в Рыльск и другие пункты. «Литвины» и «поляки» преимущественно направлялись в Севск и Великие Луки[88]. Чаще всего переселенцы шли в Путивль через Новгород-Северский. Русское правительство рассматривало украинских переселенцев как желательный контингент для засе-

---

[83] Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 141.

[84] Толочко П. Русь – Мала Русь – Руський народ у другій половині XIII – XVII ст. // Київська старовина. 1993. № 3. С. 7; Он же. Назва «Україна» в південно-руських літописах і актових документах // Київська старовина. 1994. № 3. С. 2–9.

[85] Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1999. С. 77–81.

[86] Апанович Е.М. Переселение украинцев в Россию накануне Освободительной войны 1648–54 гг. // Воссоединение Украины с Россией. М., 1954. С. 79–80.

[87] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 367. ЛЛ. 141–143 об.

[88] Апанович Е.М. Переселение украинцев в Россию накануне Освободительной войны 1648–54 гг. С. 80; Оглоблин Н. Воеводские вестовые отписки XVII в. как материал для истории Малороссии // КС. 1885. № 6. С. 370–371.

ления юга страны и всячески поддерживало их. Центральные власти постоянно требовали от воевод пограничной полосы благожелательного отношения к переселенцам, «...чтобы черкас жесточью в сомненье не привесть»[89]. Переселялись черкасы семьями, со всем своим имуществом. Известны случаи переселения полностью сел[90]. Переселялись представители всех сословий: мелкая шляхта, духовенство, казаки, мещане и крестьяне. Переселенцы-крестьяне стремились причислить себя к казакам.

Московское правительство определяло подавляющее число переселенцев в категорию служилых людей, выполнявших обязанности сторожевой службы[91]. Правда, известны случаи, когда переселенцы предпочитали и на новых местах заниматься земледелием и оставаться в крестьянах – «жить за детьми боярскими в поместьях»[92]. Путивльские помещики были весьма заинтересованы в переселении на их земли крестьян. Они принимали не только выходцев из-за рубежа «черкас», но и беглых холопов, и крестьян из центральных областей России[93]. Крупного монастырского или боярского землевладения на поле еще не было; здесь господствовало мелкопоместное хозяйство. Список конского смотра 1641 г. путивльцам и черниговцам дворянам и детям боярским показывает, что из 247 человек, бывших на смотре, имеют сравнительно крупные поместья (от 800 до 350 четвертей земли) и примерно от 4-х до 6-ти крестьян всего 14 человек и только за одним, неким Иваном Романовым, числится 20 крестьян. В этом же списке написаны путивльские казаки с указанием их поместий (средний размер 20 четвертей); у некоторых казаков есть 1–2 человека зависимых крестьян[94]. Таким образом, в первой половине XVII в. в поместьях живет незначительное количество зависимых крестьян, в среднем 1–2 семьи на одного помещика. Правда, учитывая значительное число мелкопоместных служилых людей, крестьянского населения, вероятно, было не так уж мало.

Вопрос о количестве крестьян на юге России в первой половине XVII в. является весьма сложным. Мнения исследователей значительно расходятся. Так, В.П. Загоровский считает, что сама постановка вопроса о количестве крестьян на юге России в XVII в. исключает точный ответ

---

[89] Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч.1. М., 1894. С. 169.

[90] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 79. Л. 389–398; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 1. М., 1953. С. 130.

[91] В РГАДА хранится большое количество однотипных материалов об устройстве украинских переселенцев: Ф. 210. Белгородский стол. №№ 82,92, 140, 154, 168, 231 и др.; Севский стол. № 163; Московский стол. № 75 и др.

[92] АМГ. Т. 1. № 162. С. 186.

[93] Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. М., 1937. С. 78.

[94] РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. № 49. Л. 1–11, 79–80.

на него: чем дальше от границы, тем больше помещиков, а значит и крестьян, чем ближе к границе – тем меньше. В южных уездах, по его мнению, не было ни постоянного количества, ни постоянного роста крестьянского населения в течение столетия[95].

Документы второй половины XVII в. дают картину быстрого роста населенности восточных и юго-восточных областей бывшей Северской земли[96] за счет переселенцев – черкас. Во всех переписных списках, описях тех или иных мест их выделяют среди прочих жителей. В переписной книге сумских черкас, поселившихся в Путивльском уезде, дается список этих черкас с указанием откуда каждый из них пришел. Все они (141 человек взрослых мужчин; члены их семей не указаны, хотя переселялись вместе с семьями) выходцы из Малороссии, из городов Нежина, Коропа, Хмельникова, Тернополя, Ровно, Иван-города, Гадяча, Прилук и др. Очень многие родом «из-за Днепра»[97]. В преписную книгу суджанским черкасам 1665 года внесено 1387 человек мужского пола [98] с указанием мест, откуда они пришли в Суджу. Характерно предписание, которое обычно давалось переписчикам: «у переписке тех черкас допрашивать на крепко из которых они черкасских городов пришли и кто у них служилые казаки, кто мещане, кто пашенные мужики». Так вот пришли черкасы почти из всех известных в то время городов и местечек Левобережной и Правобережной Украины. Изредка встречаются указания на собственно польские, литовские и белорусские города. Но основная масса переселенцев пришла в Суджу из соседних областей Левобережной Украины. Интересен их социальный состав: из 1387 переселенцев мужского пола только 125 служилые казаки, 119 мещане, остальные 1043 человека – пашенные мужики, то есть крестьяне. В то же время появляются отдельные черкасские слободы, наряду со стрелецкими, казачьими, станичными. Так, в строительной книге нового города Усерда 1637 года указаны только казачья, стрелецкая, пушкарская и станичная слободы; в сметной книге этого же города за 1643 год уже появляется черкасская слобода[99].

Картину, несколько отличную от первой половины XVII в., дает опись сел и деревень Сумского, Ахтырского и Харьковского полков, составленная в 1684 году окольничем и воеводою Леонтием Неплюе-

---

[95] Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 33.

[96] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 1. №№ 113, 117, 118, 124, 135, 144, 154, 155, 156, 167, 170, 172, 178, 246, 253, 274 и др.

[97] РГАДА. Ф.210. Оп. 6-Д. Кн. 6. Л. 30–38 280–282.

[98] Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI – XVIII столетиях. Т. 1. Харьков, 1886. С. 50–53.

[99] РГАДА. Ф.210. Оп. 6-Д. Кн. 6. Л. 30–38, 280–282.

вым[100]. За помещиками живет уже значительное количество крестьян: от 10 до 20 и более человек. Хотя встречаются деревни, где помещичьих дворов больше, чем крестьянских: например, в деревне Ветреной 12 дворов помещичьих и 11 дворов «крестьян крепостных и не крепостных, русских и иноземцев и черкас»[101]. Крепостных крестьян мало: 1–2 двора в деревне – причем все крепостные «русские»[102]. При этом следует иметь в виду, что поместья и помещики XVII в. отнюдь не соответствуют подобным понятиям XIX в. Поместье в Русском государстве конца XVI – начала XVIII вв. – вид условного феодального землевладения, которое давалось в вознаграждение за службу и одновременно являлось основанием этой службы, оно не могло передаваться по наследству и продаваться. В XVII в. в связи с усилением политического влияния дворянства шел процесс юридического сближения поместья и вотчины, завершившийся в 1714 г. изданием указа о единонаследии, в результате которого появился единый вид собственности – дворянское имение или поместье[103].

В рассматриваемых документах встречаются также названия «старожилы», в отличие от «новоприхожих черкас», «иноземцев», «русских», на которых «крепостей не положено». Вероятно, под названием «русские» можно видеть две группы населения. Во-первых, это русские переселенцы в восточные и юго-восточные районы бывшей Северской земли или на Слободскую Украину. Большинство их составили выходцы из южнорусских губерний (Курской, Воронежской, Орловской), но были среди них и переселенцы из центральных и северных губерний Русского государства[104]. Частично они представляли «дворцовых» или государственных крестьян, переселенных сюда правительством, но основная масса состояла из беглых крепостных крестьян, искавших в пограничных областях спасения от крепостного гнета. В конце XVII – начале XVIII вв. эти русские переселенцы жили за помещиками добровольно, неся определенные повинности, но не были крепостными. Предположить, что крепостных владельцы вывозили из своих старых имений, мало вероятно. Ведь помещики были либо служилыми людьми, получившими землю за службу и не имевшими вотчинных владений, либо это старые местные помещики. Значит, и крепостные крестьяне, вероятнее всего, были местным населением, «старожилами», то есть потомками севрюков.

---

[100] РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-А. Кн. 80.

[101] РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-А. Кн. 80. Л. 14–14 об.

[102] Там же. Л. 11 об., 14 и др.

[103] Энциклопедический словарь. А.Ф. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 48. СПб., 1898. С. 520–522; Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. С. 397.

[104] Дяченко М.Т. Етапи заселення Слобідськоі Украіни // Украінський Історичний журнал. 1970. № 8. С. 50–51.

Другая группа населения «прихожие черкасы», как правило, не служилые, живущие за помещиками добровольно. На черкас «крепостей не положено». Однако это не значит, что помещики не стремились закрепостить новоприхожих черкас. Свидетельством тому может служить один из документов 1643 г., представляющий жалобу украинского переселенца В. Данилова на рыльского воеводу, пытавшегося закрепостить Данилова[105]. И если это чаще всего не удавалось помещикам, то причина заключалась в определенной политике Русского правительства, проводимой в тот период по отношению к украинским переселенцам. Но уже с первых десятилетий XVIII в., когда непосредственная военная опасность для южных рубежей России была устранена, меняется и политика русского правительства в отношении украинских переселенцев.

Таким образом, новые исторические условия XVII в. принесли значительные перемены этносоциального состава населения бывшей Северской земли. В процессе взаимодействия местного населения и переселенцев с Правобережных областей Украины формировалось украинское население западных и центральных районов Северской земли. Особенно интенсивно этот процесс шел начиная с конца XVI века. Существенную роль в определении этнического облика населения Чернигово-Северской земли сыграло казачество, занимавшее в XVII – первой половине XVIII вв. ведущее политическое положение в украинском обществе и представлявшее класс земельных собственников. Происходила эта группа населения в основном из бывших днепровских казаков или по русской терминологии того времени из черкас, сосредоточенных в Поднепровье южнее Киева, возле замков Канева и Черкас.

Население северо-восточных районов Северской земли (Трубчевский, Рыльский уезды), начиная с XVI в. неизменно входивших в состав Московского государства, приняло участие в формировании населения южных областей России.

Юго-восточные районы бывшей Северской земли заселялись в течении XVII в. русскими и украинскими переселенцами. В какой-то степени сохранились здесь древние местные жители. По сравнению с северскими землями, входившими в состав Гетьманщины, феодальный гнет здесь во второй половине XVII – начале XVIII вв. был меньшим, что объяснялось наличием свободных земель, принадлежавших государственной казне. Но вскоре эта особенность исчезает.

---

[105] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 1. № 225. С. 365–366.

5.2. Тенденции социально-экономического развития региона и этнодинамика населения в XVIII веке

Бурные события XVII в. полностью стерли административное устройство Северской земли XVI века. Воссоединение Украины с Россией вернуло последней Левобережную Украину, а введение здесь полкового устройства создало новое административное деление (см. Приложение рис. 6). С конца XVII в. – первой половины XVIII в. на Левобережной Украине было неизменно десять полков: Стародубский, Черниговский, Нежинский, Прилукский, Киевский, Переяславский, Лубенский, Гадячский, Полтавский, Миргородский.

Большая часть Чернигово-Северской земли с городами Черниговом, Нежином, Стародубом, Новгородом-Северским вошла в состав Гетьманщины. Остававшиеся за Россией с начала XVI в. юго-восточные северские земли по верхнему Пслу, Ворскле и в верховьях Северского Донца вошли в Слободскую Украину и также получили новое административное устройство. Полковое деление Левобережной и Слободской Украины менялось в течение XVII – XVIII вв. Само деление на полки и сотни было создано по аналогии с военным устройством войска Запорожского, но полки являлись не только военными, а также административно-территориальными единицами[106].

Полковое деление Левобережной Украины отражало военно-феодальную систему землепользования. Юридически верховным распорядителем земель, перешедших в войсковой скарб, был гетман, который имел право их раздавать или продавать. Гетман наделял казацкую старшину землями «на ранг», то есть в форме земель, занимаемых в связи со служебным положением[107]. Юридически это были временные владения, так как до конца XVII в. существовала одна единая форма землевладения – временная, хотя фактически часто превращалась в пожизненную и вечную[108]. Временными владениями были также спорные владения. Иногда земли во временное владение давали полковники, но делали они это значительно реже, чем гетманы[109]. Фондом для подобных раздач являлись полковые ранговые земли. Наличие земли у рядовых казаков,

---

[106] История Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1969. С. 251.

[107] Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Собрание Марковича. Ведения о составе старшины по полкам; Центральная научная библиотека (ЦНБ) АН Украины. Отдел рукописей. Ф.П. № 18371–940. Л. 166, 172, 182, 183, 192, 201 и др.; Лазаревский А. Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. V. Заметки о Мазепе. Киев, 1899. С. 99.

[108] Романовский В.А. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в 17–18 вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963. С. 184–195.

[109] Черниговский государственный исторический архив. Ф. 133. Оп. 1. №№ 2, 8, 11; Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка. Чернигов, 1901. С. 140.

как известно, должно было обеспечивать несение ими за свой счет военной службы, поэтому в XVII в. гетманское правительство в некоторой степени стремилось избежать потери казаками их земель. Вероятно, эта военно-феодальная система землепользования в немалой степени способствовала распространению в русских источниках XVII – первой половины XVIII вв. на все население Гетьманщины, в том числе и на население бывшей Северской земли, названия «черкасы», являвшегося в этот период синонимом понятия «казак». Ведь основная масса свободных землевладельцев относилась к казачьему сословию. Их название распространилось на всех жителей тогдашней Малороссии, и порой складывалось представление о Малороссии как о «казацкой стране», а о ее населении как о «казацком народе», особенно характерна подобная трактовка для европейской исторической литературы[110].

На самом деле даже сразу после присоединения Левобережной Украины к Российскому государству, по сведениям А. Ригельмана, в 10 полках насчитывалось примерно 1 млн населения, из них реестровых казаков примерно 175 тысяч[111]. По данным на 1705 г., гетманское казачье войско насчитывало примерно 40 тысяч человек[112], а согласно данным, приведенным Д. Бантыш-Каменским на 1723 г., в 10 полках было немногим более 55 тысяч казаков[113].

Таким образом, даже когда казачество было наиболее многочисленно, оно составляло примерно 1/6 часть населения Левобережной Украины. Позже соотношение между количеством казаков и зависимых крестьян постоянно менялось в сторону уменьшения численности первых и увеличения численности вторых. Кроме того, соотношение казачьего и крестьянского населения по отдельным полкам было различным. В северных полках: Стародубском, Черниговском, Нежинском, жители которых меньше пострадали от татарских вторжений в XVI – XVII вв. и где крепко сидели старые местные помещики, процент зависимого крестьянства был значительно выше, чем в южных полках. Согласно данным ревизии 1723 г. численность посполитых (крестьян и мещан) в Стародубском полку 24 541[114], а, по сведениям Д. Бантыш-Каменского,

---

[110] Шевалье П. Історія війни козаків проти Польщі. Переклад з французького видання 1663 року. Київ, 1960. С. 38, 46; Боплан Г. Описание Украйны /Пер. с франц. СПб., 1832. С. 81; Шевельов Ю. Назва «Україна» // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія. Харків, 1995. Т. 5. С. 131; Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999. С. 77–80.

[111] Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ее народах и козаках вообще. Ч. 1–4. М., 1847. С. 85–86.

[112] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 96, 307.

[113] Бантыш-Каменский Д. История Малой России. Т. 1–3. М., 1841. С. 589–590.

[114] Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ, 1959. С. 68.

за этот же год реестровых казаков в Стародубском полку было 4123 человека.

С начала XVIII в. все заметнее тенденция к превращению ранговых старшинских земель во владения на правах полной частной собственности[115]. На территории бывшей Чернигово-Северской земли захватили огромные владения черниговские полковники Я. Лизогуб, П. Полуботок, стародубский полковник М. Миклашевский[116]. В то же время сохранилось на Черниговской земле крупное землевладение старинных местных шляхетских фамилий: Борозновых, Рубцовых, Грязных, Бакуринских[117]. Крупными землевладельцами были монастыри. Гетьманы в первую очередь раздавали монастырям универсалы на владение землями, в которых приказывалось крестьянам, не вписанным в казацкий реестр, выполнять «звыклое послушенство»[118]. Удельный вес монастырского землевладения был значительно выше в северных полках бывшей Чернигово-Северской земли. Например, в Черниговском полку монастырские земли составляли 68% всех владений, в то время как в Переяславском полку только 26%.

Политика русского правительства в отношении украинских переселенцев меняется начиная с первых десятилетий XVIII в., когда непосредственная военная опасность для южных рубежей России была устранена. На территории Слободских полков получают земли такие крупные феодалы, как князья Куракины, Голицины, Щербатовы, Воронцовы. В их обширных владениях живут «подданые черкасы», платящие оброк и крепостные русские крестьяне[119]. Часто те и другие живут бок о бок, в одних селах. Примерно с середины XVIII в. владельцы начинают постепенное наступление на права свободных поселенцев-черкас, превращая их в крепостных[120]. В XVIII в. переселялись на Слободскую Украину дворяне с Приднепровья, часто вместе со своими крепостными. Такие украинские дворянские фамилии, как Квитки, Ковалевские, Кондратьевы, Донцы, Захаржевские, Дзиковские, Лесевицкие, Шидловские[121], стали ядром местных крепостников. Вопрос о закрепощении

---

[115] Там же. С. 46–49.

[116] Лазаревский А. Павел Полуботок // Русский архив. 1880. № 1. С. 139, 140, 146; Он же. Люди старой Малороссии // Киевская старина. 1882. № 8. С. 243–253.

[117] История Украинской ССР. Т. 1. С. 248.

[118] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Украины. Ф. 55. Оп. 2. № 48, 63–65 и др.

[119] РГАДА. Межевой архив. Ф. 6. Воронежская изба. № 9. Дача 23; № 46. Дача 97, 104; № 131. Дача 1; Ф. 12. № 59. Дача 60.

[120] Черевань А.С. Совместная борьба украинского и русского крестьянства против феодального гнета в 60–70-х гг. XVIII в. // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 36–37.

[121] Срезневский И.И. Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины. Харьков, 1839. С. 5.

переселенцев-черкас и других групп населения на Слободской Украине подробно овещается в работе А.Г. Слюсарского[122].

Большинство мелких служилых людей (детей боярских, пушкарей, стрельцов, казаков и пр.) превращаются в так называемых однодворцев, которые при Петре I облагаются подушной податью и становятся особой группой государственных крестьян. О положении однодворцев в конце XVII – XVIII вв., а также о захватах земель однодворцев помещиками и о развернувшейся в связи с этим борьбе однодворцев существует специальная литература[123].

В XVIII в. все более возрастала товарность феодальных хозяйств, что неуклонно вело к усилению эксплуатации крестьянства. Появляются первые едва уловимые симптомы разрушения феодальной собственности и замены ее собственностью капиталистической[124]. Безусловно, не следует преувеличивать значение этих симптомов в условиях господства феодального общества и феодального государства. При этом не может быть двух мнений о характере общественного устройства гетьманской Украины. Попытки украинских дореволюционных историков рубежа XIX – XX вв. (М.С. Грушевский, Д.И. Багалей, А.М. Лазаревский и др.) изобразить общественный строй Левобережной Украины после 1654 г. как демократический явно преувеличены. Еще фундаментальное исследование В.А. Мякотина[125], написанное с привлечением громадного архивного материала, не оставляет сомнения в том, что феодальные порядки на Украине и после Освободительной войны не только сохранялись, но и продолжали быстро развиваться. Характерный для Русского государства конца XVII – начала XVIII вв. процесс усиления закрепощения и распространения крепостного права на новые группы населения и районы[126] получает свое развитие также на землях Левобережной Украины, только несколькими десятилетиями позже. Старшина стремится распространить свою феодальную собственность

---

[122] Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII – XVIII вв. Харьков, 1964. С. 21–31.

[123] Проторчина В.М. К истории воронежских однодворцев в XVIII в. //Известия Воронежского пединститута. Т. 19. 1955. С. 103–122; Недосекин В.И. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII в. // Там же. С. 133–154; Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1974; Рабинович М.Д. Однодворцы первой половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974 и др.

[124] Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 28–48; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX в. М., 1974; Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.

[125] Мякотин В.А. Очерки социальной истории Малороссии. Восстание Б.Хмельницкого и его последствия // Русское богатство. 1912, № 8–11. 1913, № 9–12.

[126] Володарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 91.

на новые (государственные) земли. Особенно массовый характер носил этот процесс на Слобожанщине. Со второго десятилетия XVIII в. появляются на Левобережной Украине русские помещики[127]. Объектом крепостнических устремлений феодалов становятся казаки, а на Слободской Украине – войсковые обыватели (название черкас, состоявших на государственных землях) и однодворцы.

Сохранилось значительное количество материалов, относящихся к полкам, существовавшим на территории бывшей Северской земли, которые показывают борьбу казачества против стремления старшины всячески ограничить права казаков и в конечном счете превратить их в зависимых крестьян[128]. Основная масса документов «о грабежах, притеснениях и лишениях казацких вольностей» рядовых казаков старшиной относится к середине и второй половине XVIII века. Во второй половине XVIII в. лишались казачьих вольностей уже не отдельные лица и группы лиц, а целые села[129]. Показателен один из фактов: когда вотчина графа Шафирова отошла в число дворцовых, то вместе с его посполитыми были приписаны к экономической конторе и 99 дворов казаков, живших вперемешку с крестьянами. С 1776 г. их обложили оброком наряду с крестьянами, «по каким причинам не указывается»[130]. Очень редко удавалось казакам отстоять свои права, такие случаи единичны[131], чаще победа оставалась на стороне помещиков и старшины.

Следствием развернувшегося наступления помещиков на права крестьян и казаков было сближение отдельных групп населения на базе классовой общности и консолидации мелких сословных групп в новые сословия. На Левобережной Украине, у населения, занятого в сельском хозяйстве, этот процесс привел к слиянию разных категорий (помощники, подпомощники, подсуседки и пр.) в единое крестьянское сословие. Не закрепощенные еще казаки и однодворцы Слободской Украины фактически стали крестьянами, хотя юридически продолжали быть служилыми людьми.

Одновременно с ростом земельных владений украинских феодалов оформлялись и их сословные привилегии. Богатые старшинские семьи на протяжении десятилетий держали полковые и сотенные «уряды» в своих руках. Например, в Черниговском полку – Лизогубы, в Миргородском – Апостолы, в Прилукском – Горленки, в Борзенской сотне – Забелы. На протяжении XVIII столетия идет процесс оформления

---

[127] Дядиченко В.А. Указ соч. С. 51.

[128] ЦГИА Украины. Ф.54. Оп.1. №№ 46–49, 51–54, 56, 58, 60, 63, 68, 74, 82,89, 90, 94, 106, 113. Ф. 55. Оп. 1. №№ 139, 145–149, 155,157, 161, 164; Оп. 2. 3 10 и др.; ЦНБ АН Украины. Отдел рукописей. Ф. П. №№ 18215–19, 18371–94, 18588–96, 18881–95 и др.

[129] ЦГИА Украины. Ф. 54. Оп. 1. №№ 53, 82, 106; Ф. 55. Оп. 1. №№ 139, 148, 157 и др.

[130] Опис Новгородсіверського намістництва (1779–1781). Київ, 1931. С. 22.

[131] ЦГИА Украины. Ф.54. Оп. 1. № 5.

ния казацкой старшины в наследственную аристократию и все большего сближения ее с русским дворянством. Многочисленные дела Малороссийской коллегии свидетельствуют о присвоении старшине офицерских чинов и назначения на государственные должности[132]. Стремление казацкой старшины «в дворянство» проявлялось также в быту, порой принимая смешные формы подражательства во всем русскому дворянству. Но, несомненно, главное – это стремление старшины полностью уравняться в правах с русским дворянством, что и было достигнуто в 80-х годах XVIII в. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. предоставила украинской старшине равные права с русским дворянством. В это же время получает юридическое оформление и другой социально-экономический процесс, тесно связанный с процессом образования украинского дворянства и монополизации им земли. Указом от 3 мая 1783 г. царское правительство юридически оформило крепостное право на Левобережной и Слободской Украине: крестьянам предписывалось «оставаться в своем месте и звании, где он по последней ревизии написан»[133].

Начиная с 1654 г. политика царского правительства в отношении Украины так или иначе была направлена на ликвидацию ее автономии. Но внешнеполитические условия конца XVII в. не позволяли сделать решительные шаги в этом направлении. Лишь в 1722 г. правительство Петра I, воспользовавшись смертью гетмана Скоропадского, запретило новые выборы и назначило временного (наказного) гетмана. Попытки старшины во главе с Павлом Полуботком выступить против ограничения автономии, привели к полному переходу управления Украиной в руки Малороссийской коллегии. Весь XVIII в. характеризуется централизаторской политикой царского правительства в отношении Малороссии. Правда, внешнеполитическое положение Русского государства в 40-е – 60-е гг. вынуждало царское правительство заигрывать со старшиной и даже удовлетворять ее требование о восстановлении гетманства[134]. Однако украинские феодалы ради защиты своих классовых интересов все больше искали поддержки у сильной власти царской монархии. При Екатерине II в 1764 г. окончательно ликвидировалось гетманство. Управление Левобережной Украиной было поручено Малороссийской коллегии во главе с президентом графом П.О. Румянцевым. Территория Слободских полков была превращена в Слободско-Украинскую губернию. Часть казаков вошла в так называемые Пикенерные полки. Переход казаков на положение солдат лишал их прежних прав и уравнивал с крестьянами.

---

[132] ЦГИА Украины. Ф. 54. Примерно 10 тысяч дел подобного рода.
[133] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 21. Спб., 1830. С. 908.
[134] История Украинской ССР. Т.1. С. 299, 320, 328–329.

Первым шагом в деятельности новой Малороссийской коллегии было проведение переписи населения и хозяйства с целью увеличения налогов[135]. Переписи или ревизии проводились на Украине и раньше. Ревизии первой половины XVIII в. учитывали только численность дворов и служащего казачества[136]. Украинское население Слободской Украины и прилегающих губерний России было впервые полностью переписано в 1732 г. Затем оно было учтено «для одного токмо счета» ревизиями 1744 и 1763 гг.[137] Первая подушная перепись была здесь произведена в 1761–1767 гг.[138] Таким образом, социально-экономическое развитие украинского общества во второй половине XVIII в. шло в направлении окончательной ликвидации деления населения на множество сословий и сословных групп, консолидации феодально-помещичьего класса и превращения остальной массы населения в феодально-зависимое. В этом направлении действовало царское правительство, стремясь к окончательной ликвидации малейших «вольностей» и преимуществ крестьянско-казацкого населения Левобережной и Слободской Украины и превращения его в податное население Российской империи.

За Румянцевской описью Малороссии последовала IV ревизия 1782 г. и обложение украинцев подушной податью[139]. Эта ревизия учитывала еще украинское население отдельно от остального населения России, но начиная с VI ревизии 1811 г. украинцы перестают раздельно учитываться[140]. С 1796 по 1802 гг. были произведены изменения в административном устройстве Левобережной Украины, здесь образованы Черниговская, Полтавская и Слободско-Украинская (с 1835 г. Харьковская) губернии[141]. Таким образом, к началу XIX в. украинцы как в податном, так и в административном отношениях окончательно слились с другими народами России.

Этническая принадлежность населения России на научной основе впервые была отмечена Всероссийской переписью 1897 г. Ревизии XIX в., как правило, давали суммарные цифры русского, украинского и белорусского населения, не выделяя каждый народ, поэтому числен-

---

[135] Генеральний опис Лівобережної України 1765–1769 рр. Київ, 1959. С. 3–11.

[136] Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963. С. 63–67; Перковский А.Л. Народонаселение Украины в XVIII веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев, 1968.

[137] ПСЗ. Т. 8. С. 858–859, 863–864; Т. 11. С. 962–964; Т. 16. С. 173–174.

[138] Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. С. 65–66.

[139] ПСЗ. Т 21. С. 304. 306, 344–352, 362–365.

[140] Кабузан В.М., Махнова Г.П. Численность и удельный вес украинского населения на территории СССР (в 1795–1959 гг.) // История СССР. 1965. №1. С. 28–37.

[141] История Украинской ССР. Т. 1. С. 365.

ность украинского населения, изменения в его размещении и удельном весе вплоть до 1897 г. не установлены[142].

Согласно губернскому делению XIX в., территория бывшей Северской земли охватывала почти всю Черниговскую губернию, основную часть Полтавской и Харьковской губерний, западные уезды Курской. Материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.[143] свидетельствуют об абсолютном преобладании на указанной территории украинского (по родному языку) населения (см. табл. 1). Только северные уезды Черниговской губернии заметно отличались от общей картины этнического состава населения бывшей Северской земли в конце XIX в. В Суражском уезде преобладали белорусы (69,4% от общего числа жителей); в Мглинском, Стародубском и Новозыбковском – русские. В последних трех уездах сравнительно велико число белорусов. В Путивльском, Рыльском, Суджанском, Грайворонском, Белгородском и Новооскольском уездах Курской губернии украинцы составляли примерно половину населения (см. табл. 2). В остальных уездах Курской губернии русские составляли 97,1%[144], то есть абсолютное большинство.

Сравнительные данные ревизии 1795 г. (последней раздельно учитывавшей украинское население) и переписи 1897 г. показывают, что на территории Левобережной Украины украинское население в 1795 г. составляло 94,58% всего населения. К 1897 г. его удельный вес снизился до 80,80% при значительном росте численности его в абсолютных цифрах (см. табл. 3). Причин такого сокращения было несколько. Несомненно, в течение столетия часть украинского населения, проживавшего на территории русских губерний (Курская, Воронежская), подвергалось обрусению, хотя, по мнению исследователей, этот процесс не получил тогда серьезного развития[145]. С другой стороны, в первой половине XIX в. Левобережная Украина занимала второе место после Центрально-земледельческого района по количеству населения, переселявшегося из ее пределов. Переселялись 0,58% всего населения Левобережной Украины[146]. Уходили главным образом в Новороссию. Основными причинами этого движения было отсутствие свободных земель

---

[142] Кабузан В.М., Махнова Г.П. Указ соч. С. 28.

[143] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. Вып. 7. Черниговская губерния. СПб., 1905.

[144] Фортунатов К.А. Национальные области России (опыт статистического исследования по данным всеобщей переписи 1897 г.). Б.М., 1906. С. 8–9.

[145] Там же. С. 30.

[146] Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 43.

и близость малозаселенного юга, где крепостнические порядки не приобрели еще таких крайних форм, как в северных районах.

После Октябрьской революции 1917 г. северные уезды Черниговской губернии, в которых перепись 1897 г. зафиксировала преобладание русского населения (см. табл. 4), отошли к РСФСР. Путивльский уезд бывшей Курской губернии окончательно утвердился за УССР[147].

Таким образом, к началу XIX в. основная территория древней Северской земли – по Средней Десне с городами Чернигов и Новгород-Северский, по нижнему Сейму, по рекам Сула, Псел, Ворскла, Северский Донец с притоками – вошла в состав украинской этнической территории, а потомки ее населения приняли участие в складывании украинского народа.

Длительный и сложный процесс формирования восточнославянских народов охватывал несколько столетий и протекал в разных внешнеполитических условиях. В связи с наличием сильного объединяющего центра – Московского княжества – формирование русского народа проходило в более благоприятных условиях. Слияние двух княжеств – Московского и Владимирского – создало ядро государства, вокруг которого в XV в. консолидировались другие русские земли[148]. Это государственное ядро стало центром складывания русского народа.

Формирование украинского народа на юго-западных древнерусских землях шло в неблагоприятных внешнеполитических условиях, характеризующихся расчленением этой территории между различными государствами и постоянными опустошительными для населения и разорительными для хозяйства вторжениями крымских татар. Это усугубляло местные тенденции в образовании различных культурно-экономических районов, способствовало консервации локальных явлений.

Северская земля в XIV – XVI вв. сохраняла свое древнее население, свою определенную обособленность, свое «областничество»[149]. Не зря именно здесь дольше всего существовали удельные княжества (до 1523 г.)[150]. Новые исторические условия XVII в. принесли значительные перемены. Существенную роль в определении этнического облика населения Чернигово-Северской земли сыграло казачество, занимавшее в XVII-первой половине XVIII вв. ведущее политическое положение в украинском обществе и представлявшее класс земельных собственников. Происходила эта группа населения в основном из бывших днепровских казаков или, по русской терминологии того времени, из черкас,

---

[147] Кабузан В.М., Махнова Г.П. Указ. соч. С. 35.

[148] Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. XV и XVI в. М., 1974. С. 39, 42.

[149] Багновская Н.М. Севрюки: население Северской земли в XIV– XVI вв. М., 2002. С. 21–34.

[150] Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. XV и XVI в. С. 103.

сосредоточенных в Поднепровье южнее Киева, возле замков Канева и Черкас.

В XVIII в. рост товарности сельскохозяйственного производства привел к усилению феодальной эксплуатации, закрепощению основной массы крестьянского населения, к активному наступлению феодалов на права казаков и других категорий мелких служилых людей Левобережной и Слободской Украины. К началу XIX в. почти не осталось следа от сословного деления украинского общества XVII века. Основными классами являлись феодально-зависимые крестьяне и помещики-землевладельцы. Незначительное количество лично свободных казаков жили бок о бок с помещичьими крестьянами и в своем быту практически ничем не отличались от них. Одновременно шло наступление царского правительства на остатки автономии Левобережной Украины, завершившееся ее полной ликвидацией. Малороссийский народ превратился в податное население Российской империи, а его господствующий класс добился уравнения в правах с русским дворянством.

Население северо-восточных районов бывшей Северской земли (Трубчевский, Рыльский уезды), с начала XVI в. неизменно входивших в состав Московского государства, приняло участие в формировании населения южных областей России.

Этнографические данные позволяют предполагать тесное генетическое родство населения северных районов современной Черниговщины и соседнего населения Белоруссии[151]. Несомненно, этот вопрос требует дальнейшего детального исследования. Мы же можем предположить, что какая-то часть древнего северского населения приняла участие в формировании белорусского народа.

Юго-восточные районы бывшей Северской земли заселялись в течении XVII в. русскими и украинскими переселенцами. В какой-то степени сохранились здесь древние местные жители. По сравнению с северскими землями, входившими в состав Гетьманщины, феодальный гнет здесь во второй половине XVII – начале XVIII в. был меньшим, что объяснялось наличием свободных земель, принадлежавших государственной казне. Но вскоре эта особенность исчезает. С середины XVIII в. усиливается помещичья колонизация, носившая иной характер, чем в XVII в. Во второй половине XVIII в. оборонительные «черты»

---

[151] Многочисленная литература (частично отраженная в списке литературы), материалы ряда музеев (Государственного музея этнографии народов России в Петербурге, музея народной архитектуры и быта Украины в Киеве, Черниговского областного исторического музея) свидетельствуют о значительной близости материальной культуры соседнего населения указанных районов. Кроме того, изучение автором крестьянской одежды Чернигово-Северщины XIX в. также подтверждает высказанное предположение. – См.: Багновская Н.М. Крестьянская одежда Чернигово-Северщины XIX в. как отражение этнической истории Северской земли. М., 1999.

и «линии» постепенно перемещались южнее. Лично свободные поселенцы попадают в крепостную зависимость. Характерной особенностью этих районов является наличие с одной стороны «русских» и «украинских» сел, а также этнически смешанных поселений, с другой – своеобразной этнографической группы русского населения (горюны Путивльского района), которую большинство исследователей считает потомками древнего населения Посемья[152].

[152] Чижикова Л.Н. Об этнических процессах в восточных районах Украины // Советская этнография. 1968. № 1. С. 19; Наулко В.И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975. С. 26–27.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследованию, следует подчеркнуть, что Россия на всем протяжении своей истории была и остается полиэтничным государством, поэтому историко-этнические процессы являются важной составляющей развития ее общества. На рубеже третьего тысячелетия наше государство и общество вступило в период радикальных экономических, политических и социальных преобразований. Ведется поиск дальнейшего решения важнейших социально-экономических, политических и этнокультурных проблем. Гражданская ответственность за исторические судьбы народов нашей страны обязывает более взвешенно и объективно, чем в предшествующий период, подойти к историко-этническим проблемам отечественной истории.

Не отрицая влияния на отечественную историю материального производства и классовой борьбы, автор исходила из того, что на судьбу нашего государства и общества, на процесс формирования этнических общностей воздействовал целый ряд факторов, определивших специфику как общественного и государственного, так и этнического развития. Изучение тысячелетнего периода нашей истории с VIII по XVIII век позволяет утверждать, что особую роль в ней сыграли особенности геополитического положения, природно-климатические условия, а также полиэтничность населения.

Исследуя этнодинамику населения Северской земли, автор стремилась внести определенный вклад в широкую и многогранную проблему исследования истории формирования восточнославянских народов. Формирование это шло через ряд сложных и противоречивых процессов, обусловленных комплексом объективных и субъективных факторов социально-экономического и политического характера.

Изучая историко-этническое развитие населения Северской земли на протяжении ее тысячелетней истории, автор делает попытку определить основные этапы этого развития (VIII – X в.; X – XIII в.; XIV – XVI в.; XVII – XVIII в.), исследовав их в соответствии с важнейшими этапами отечественной истории, выделяя общее и особенное в этом развитии, порой по-новому оценивая привычные в исторической литературе мнения и суждения.

В советской исторической литературе общепринятой была концепция существования в Древнерусском государстве единой этнической общности – древнерусской народности. В 90-е гг. и в настоящее время, когда особенно интенсивно шли и идут процессы пересмотра многих исторических концепций, появились работы, прежде всего на Украине, в которых полностью отвергается идея существования древнерусской народности и, развивая идеи М.С. Грушевского, обосновываются различные варианты «окремішності» украинского народа, считая именно

его господствующим этносом Киевской Руси (И. Брайчевский, Я. Исаевич, М. Дашкевич, Л. Зализняк и др.).

Исходя из данных исследования, автор пришла к мнению, что обе позиции слишком категоричны и прямолинейны. Реальные процессы были сложнее и противоречивее.

Летописные племена предгосударственного периода – это уже сложные этносоциальные объединения, сформировавшиеся из нескольких племен, в том числе и иноэтничных. Войдя в состав Древнерусского государства, эти племенные объединения, несомненно, эволюционировали в сторону не только политической и социально-экономической, но и этнической консолидации. Однако этот процесс не получил завершения. Древнерусское государство на непродолжительное время создало предпосылки для формирования единого народа на базе близкородственных групп, но эти предпосылки не стали действенными факторами сложения новой этнической общности – древнерусского народа. Слишком многие обстоятельства не позволили завершиться этому процессу. Под воздействием развивающегося процесса феодализации общества и вызванной им политической дезинтеграции Древнерусского государства историко-этническое развитие пошло иным путем – путем усиления земляческих, областнических тенденций.

Дальнейшее развитие процесса феодализации привело к выделению крупных феодальных центров, вокруг которых формируются территории отдельных княжеств. Очередной виток этнической консолидации наблюдается уже не в рамках племенных объединений, а в рамках феодальных земель-княжеств. Одним из таких княжеств стало Черниговское. В его пределах оказалась основная часть территории Северского племенного союза. Южные районы Северской земли вошли в состав Переяславского княжества. На первое место выступают территориальные связи населения, в летописях жители чаще именуются черниговцами, новгородцами (Северского), курянами и пр. Однако слабость экономических связей того времени, натуральный характер хозяйства способствовали устойчивости локальных особенностей и в этом смысле – племенных границ. Термин «Северская земля», видимо, в это время становится областным понятием, отражающим историю края и выходящим за рамки политических понятий Черниговское, Северское, Переяславское княжества. В пределах первых двух оказались, кроме северских земель, частично территории радимичей и вятичей. Область Переяславкого княжества также не была едина в этническом отношении, в ее пределы вошли бывшие владения северы и полян. Часть северских поселений в верховьях Псла, Ворсклы и Северского Донца оказалась в черте половецких кочевий. Процесс дальнейшей консолидации населения в рамках раннефеодальных государств тормозился усиливавшимся феодальным дроблением их, отсутствием внутреннего единства центральных областей княжеств с окраинами,

которые часто переходили из рук в руки. Отмечаемая исследователями тенденция к возникновению накануне монгольского вторжения двух центров (помимо Киева) – Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского – вокруг которых начали группироваться остальные юго-западные и северо-восточные древнерусские земли, была прервана монгольским вторжением.

Чернигово-Северская земля еще до монгольского нашествия оказалась как бы между названными центрами – ее князья более всего стремились укрепиться в Киеве. Монгольское завоевание и сложившаяся в результате его историческая ситуация в Восточной Европе способствовали консервации особности, «срединного» положения Северской земли между северо-восточными и юго-западными древнерусскими землями, с одной стороны, и кочевым населением степей, с другой. Кроме того, Северская земля с XIV в. становится объектом притязаний и борьбы двух государств – Литовского и Московского, претендовавших на наследие Киевской Руси. Северские княжества бесконечно переходили из одного подданства в другое. Эти обстоятельства также способствовали консервации этнокультурной обособленности населения Северской земли.

Собственно, монгольское вторжение не оказало сколько-нибудь заметного влияния на этнический состав населения древнерусских земель, в том числе и Северской земли. Население ее южных и юго-восточных районов значительно раньше контактировало со степными племенами. Некоторые из этих племен оседали по рубежам Черниговского, Северского, Переяславского и др. княжеств. После монгольского завоевания наблюдается частичный отлив части кочевых групп обратно в степи, но часть, особенно полукочевого населения, продолжает обитать на прежних местах. Возможно даже некоторое продвижение последних к северу, в лесостепную полосу, в связи с отливом населения Переяславского и юга Черниговского княжеств в лесные районы, за Десну. Почти не вызывает сомнения факт определенного уменьшения численности населения в южных районах Северской земли, но тезис об абсолютном запустении этих областей не может быть принят.

В этих условиях обнаруживается стойкость исторического названия Северской земли и ее населения. Источники XV – XVII вв. говорят о Северской земле, северских городах, реках и жителях этого края – севрюках. Севрюки, несомненно, потомки древнего, домонгольского населения Северской земли. Согласно упоминаниям о них источников, севрюки локализуются примерно в пределах территории древней северы. Но это не прямые потомки северы, а потомки населения Северской земли, прошедшего долгий путь исторического развития. В XIV – XVI вв. Древнерусское государство уже не существует, Черниговское, Переяславское княжества как самостоятельные государственные образова-

ния – тоже. Жители теперь именуются не русскими, не черниговцами, а севруками (севрюками), то есть жителями Северской земли. Это, видимо, областное название, но тесно связанное с историей Северской земли и, возможно, служившее в XIV – первой половине XVII в. самоназванием населения. Сохранению названия «севрюки» до второй половины XVII в. способствовало то обстоятельство, что северские земли в течение XIV – XVI вв. несколько раз переходили от Литовского государства (а затем Польского) к Московскому и обратно, поэтому не могло выработаться и утвердиться название, связанное с той или иной государственной принадлежностью (политоним), как, например, у белорусского населения, называемого «литвой».

Таким образом, целостность Северщины определялась не политическими институтами, а ее этнокультурным единством, унаследованным от летописных северян. Севрюки представляли собой особую группу древнерусского населения, которая в XIV – XVI вв. (а в отдельных районах до второй половины XVII в.) сохраняла свою областную обособленность. С конца XVI в. и главным образом в XVII в. население бывшей Северской земли влилось в процесс формирования украинской и русской народностей (возможно, в какой-то мере и белорусской).

Дальнейшее социально-экономическое развитие Приднепровья (куда, в широком смысле этого понятия, входила Северская земля) определило направление этнических процессов в Северской земле. Здесь в конце XVI – первой половине XVII в. создались благоприятные условия для более интенсивного, чем в западных областях Украины, социально-экономического развития. В Приднепровье было еще много свободного крестьянского, казацкого и городского населения. Оформление фольварочно-барщинной системы хозяйства и рост крепостного гнета в Галиции и на Волыни привели к массовым бегствам крестьян в Приднепровье, где за короткое время отмечено значительное увеличение численности населения. Экономический рост городов как центров торговли ведет к сложению единого Приднепровского рынка. Таким образом, традиционные экономические связи, совместная борьба против господства Польши, создание украинского государства, куда вошла основная часть Северских земель, явились решающими социально-экономическими факторами, определившими направление этнических процессов в Северской земле XVII – начала XVIII вв.

Другим важным фактором, способствовавшим включению населения Северской земли в процесс формирования украинской народности, были переселения на ее территорию жителей из Правобережья Днепра, западно-украинских областей и так называемых черкас южного Приднепровья.

Происхождение названия «черкасы» применительно к днепровским казакам связано с адыгскими племенами, известными в южнорусских

степях с домонгольских времен («касоги» летописи). Затем название «черкасы» распространилось на все население южного Приднепровья и, таким образом, для условий XVII в. термин «черкасы» являлся региональным экзоэтнонимом с ярко выраженными социальными особенностями. В русских источниках XVII – XVIII вв. черкасами именовали население тех областей, которые находились под властью гетманского казацкого уряда (правительства). Языковая и культурная близость переселявшегося населения с местным, приводила к быстрому их смешению. В то же время в северо-восточных районах Северской земли, относившихся с начала XVI в. к Московскому государству, также шел процесс слияния северского населения с населением южнорусских областей. Те же факторы (экономические и политические связи с Московским государством, переселения из его центральных и южных областей) определили этнические процессы в северо-восточных северских землях. В районе Путивля сохранились малочисленные группы местного населения (горюны), но, несомненно, впитавшие в себя различные переселенческие волны XVI – XVII вв.

Переселения черкас не только из южного Поднепровья, но в значительной степени из западных и юго-западных районов Левобережной Украины на восток и юго-восток бывшей Северской земли, относятся преимущественно к XVII – началу XVIII в. В результате создалась область смешанного расселения русских и украинцев – Слободская Украина.

В XVIII в. на Левобережной Украине более интенсивно, чем на Правобережье, шел процесс развития товарно-денежных отношений и укрепления экономических связей между отдельными районами, а также между Левобережной и Слободской Украиной. Это усиливало процесс формирования экономической общности названных областей. Дальнейшая социальная дифференциация общества почти не оставила следа от казачества и других категорий мелких служилых людей XVII века. К концу XVIII в. на украинское население Левобережной и Слободской Украины были распространены общеимперские порядки. Все это привело к постепенному изживанию областной обособленности населения отдельных районов. В официальных документах закрепляется общий для всего украинского населения Левобережной и Слободской Украины термин «малороссийский народ». Тесные экономические и политические связи населения наиболее северных и восточных районов бывшей Северской земли с Русским государством окончательно определили его этнический облик как «великорусского» населения. Материалы I Всеобщей переписи населения Российской империи свидетельствуют о том, что территорию бывшей Северской земли населяли в основном украинцы, а также русские и белорусы, то есть потомки ее древнего населения влились в состав всех трех родственных восточнославянских народов.

Список литературы и источников

1. *Абрамов И.С.* Черниговские малороссы. Быт и песни населения Глуховского уезда Черниговской губернии [Текст] / И.С. Абрамов; – СПб., 1905.
2. *Акашев Ю.Д.* Историко-этнические корни русского народа [Текст] / Ю.Д. Акашев; – М.: Социум, 2000. – 237 с.
3. *Акашев Ю.Д.* История народа Рос: от ариев до варягов [Текст] / Ю.Д. Акашев; – М.: Издательство: Алгоритм, 2013. – 372 с.
4. *Акашев Ю.Д., Багновская Н.М.* Летописная севера [Текст] / Ю.Д. Акашев, Н.М. Багновская; // Проблемы отечественной истории. Сб. статей. – М.: Изд-во Моск. гор.пед. ун-та, 2001. Вып. 1. С. 3–19.
5. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею [Текст]. – СПб., 1841. Т.1.
6. Акты Литовско-Русского государства, изданные М.Довнар-Запольским [Текст]. – М., 1899. Вып. 1.
7. Акты Литовской Метрики, изданные Ф.И. Леонтовичем [Текст] / Варшава, 1896.
8. Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук [Текст] / – СПб., 1890. Т.1.
9. Акты о заселении Южной России XVI – XVIII вв. [Текст] // Архив Юго-Западной России. – Киев, 1905. Ч. VII. Т.3.
10. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею [Текст] – СПб., Т. 9, 10.
11. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. [Текст]. – М., 1952. – Т.1.; М., 1958. – Т. II.; М., 1964. – Т. III.
12. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков [Текст]. – М., 1951. – Ч. I.; М., 1956. – Ч. II.
13. *Александров Д.Н.* Княжеские владения в Южной, Юго-Западной, Западной и Юго-Восточной Руси (13–14 вв.) [Текст]: автореф. дис. док. ист. наук / Д.Н. Александров. – М., 1997.
14. *Александров Д.Н.* Смоленская земля в XIII – XIV вв. [Текст] / Д.Н. Александров. – М., 1998.
15. *Александров Д.Н., Мельников С. А., Алексеев С. В.* Очерки истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX – XV вв. [Текст] / Д.Н. Александров. – М., 1995.
16. *Александрович М.Н.* Остерский уезд [Текст] / М.Н. Александрович. – Киев, 1881. Вып. 1.

17. *Алексеев В.П.* Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным [Текст] / В.П. Алексеев. – М., 1965.
18. *Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы. (Кониологическое исследование) [Текст] / В.П. Алексеев. – М., 1969.
19. *Алексеев В.П., Бромлей Ю.В.* К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей [Текст] / В.П. Алексеев, Ю.В. Бромлей // Советская этнография.1968. № 2.
20. *Аммиан Марцелин* о кочевых народах Придонья в IV в. н.э. [Текст] / Аммиан Марцелин // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М., 1960. С. 54–59.
21. *Андріяшев О.* Нарис історії колонізації Сіверськоі землі до початку XVI віку [Текст] / О. Андріяшев // Записки Історично-філологічного відділу ВУАН. Киів, 1928. Кн. XX.
22. *Анпилогов Г.Н.* Бортные знамена как исторический источник (по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х гг. XVII в.) [Текст] / Г.Н. Анпилогов // Советская археология. 1964. № 4.
23. *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII века [Текст] / Г.Н. Анпилогов. – М., 1967.
24. *Антонович В.Б.* Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда [Текст] / В.Б. Антонович // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. – Киев, 1885. Т. 1.
25. *Апанович Е.М.* Переселение украинцев в Россию накануне Освободительной войны 1648–1654 гг. [Текст] / В.Б. Апанович // Воссоединение Украины с Россией. – М., 1954.
26. *Артамонов М.И.* История хазар [Текст] / М.И. Артамонов. – Л., 1972.
27. *Артамонов М.И.* Вопросы расселения славян и советская археология [Текст] / М.И. Артамонов // Проблемы всеобщей истории. – Л., 1967.
28. *Артамонов М.И.* Археологическая культура и этнос [Текст] / М.И. Артамонов // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
29. *Арутюнян Ю.В.* Этносоциология [Текст] / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов – М., 1998.
30. *Арутюнов С. А.* Этничность – объективная реальность [Текст] / С. А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.
31. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1889. Ч. VII. Т. 1; Киев, 1890. Т. 2; Киев, 1905. Т. 3.

32. *Арциховский А.В.* В защиту летописей и курганов [Текст] / А.В. Арциховский // Советская археология. 1937. Т. IV.
33. *Арциховский А.В.* Культурное единство славян в средние века [Текст] / А.В. Арциховский // Советская этнография. 1946. № 1.
34. Атлас картограмм и диаграмм к своду статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1903. Вып. 1, 2.
35. *Багалей Д.И.* История Северской земли до половины XIV ст. [Текст] / Д.И. Багалей. – Киев, 1882.
36. *Багалей Д.И.* Займанщина в Левобережной Украине XVII – XVIII ст. [Текст] / Д.И. Багалей // Киевская старина. 1883. № 11.
37. *Багалей Д.И.* Очерки истории колонизации степной окраины Московского государства [Текст] / Д.И. Багалей. – М., 1887.
38. *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI – XVIII столетиях. [Текст] / Д.И. Багалей Харьков, 1886–1890. Т. 1–2.
39. *Багновская Н.М.* Крестьянская одежда Чернигово-Северщины как отражение этнической истории Северской земли [Текст] / Н.М. Багновская. – М., 1999. – 52 с.
40. *Багновская Н.М.* Севрюки: население Северской земли в XIV – XVI вв.: Научное издание [Текст] / Н.М. Багновская. – М.: Издательство «Палеотип», 2002. – 46 с.
41. *Бантыш-Каменский Д.* История Малой России [Текст] / Д.Бантыш-Каменский. – М., 1841. Т.1–3.
42. *Бантыш-Каменский Д.* Переписка между Россией и Польшею по 1700 г. [Текст] / Д.Бантыш-Каменский. – М., 1862. Ч. 1–3.
43. *Баранович А.И.* Население предстепной Украины в XVI в. [Текст] / А.И. Баранович // Исторические записки АН СССР. 1950. № 32. С. 198–233.
44. *Баранович А.И.* Украина накануне освободительной войны середины XVП в. (социально-экономические предпосылки войны) [Текст] / А.И. Баранович. – М., 1959.
45. *Баранович А.И.* К вопросу о запустении и заселении украинских земель в XVI – начале XVIII в. [Текст] / А.И. Баранович // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.
46. *Барвинский В.* Крестьяне в Левобережной Украине в XVII – XVIII вв. [Текст] / В.Барвинский. – Харьков, 1909.
47. *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии: География Начальной (Несторовой) летописи [Текст] / Н.П. Барсов. – Варшава, 1885.

48. *Батура Р.К.* Борьба Литовского Великого княжества против Золотой Орды: От нашествия полчищ Бату до битвы у Синих Вод [Текст]: автореф. дис. канд. ист. наук / Р.К. Батура. – Вильнюс, 1972.
49. *Бевзо О.А.* Львівський літопис і Острозький літописець [Текст] / О.А. Бевзо. – Київ, 1970.
50. *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича [Текст] / И.Беляев. – М., 1846.
51. *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в.: (По материалам археологических исследований) [Текст] / С. А. Беляева. – Киев, 1982.
52. *Бережков Н.Г.* Литовская метрика как исторический источник [Текст] / Н.Г. Бережков. – М.; Л., 1946.
53. *Березовец Д.Т.* Археологические памятники летописных северян [Текст] / Д.Т. Березовец // Краткие сообщения института Археологии (КСИА) АН УССР. – Киев, 1953. 2.
54. *Березовець Д.Т.* До питання про літописних сіверян [Текст] / Д.Т. Березовець // Археологія. – Київ, 1953. Т. 8. С. 22–44.
55. *Березовец Д.Т.* Северяне (перед образованием Киевской Руси) [Текст]: диссер. канд. ист. наук. / Д.Т. Березовец. – М., 1969.
56. *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. (Поселения, жилища и хозяйственные строения) [Текст] / Е.Э. Бломквист // Восточнославянский этнографический сборник. – М., 1956.
57. *Богуславский Ф.* Село Юриновка в историческом и этнографическом отношении [Текст] / Ф.Богуславский // Черниговские губернские ведомости. 1855. № 19.
58. *Бодянский О.* Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора [Текст] / О.Бодянский. – М., 1875.
59. Бойко О.Д. Історія Україні [Текст] / О.Д. Бойко. – Київ, 1999.
60. *Болтарович З.С.* Україна в дослідженнях польских етнографів XIX ст. [Текст] / З.С. Болтарович. – Київ, 1976.
61. *Боплан Г.* Описание Украйны [Текст] / Г. Боплан; пер. с франц. – СПб., 1832.
62. *Бориснев С. В.* Современные проблемы теории и методологии исторического исследования [Текст] / С. В. Бориснев // Вестник военного университета. 2010. № 3(23). С. 81–87.
63. *Брайчевська А.Т.* Древньоруські пам'ятки Дніпровського Надпоріжжя // Археологічні пам'ятники [Текст] / А.Т. Брайчевська. – Київ, 1962. Т. 12.
64. *Брайчевский М.Ю.* Об «антах» Псевдомаврикия [Текст] / М.Ю. Брайчевский // Советская этнография. 1953. № 2.

65. *Брайчевський М.* Вступ до історичноі науки [Текст] / М.Брайчевский. – Київ, 1995.
66. *Брокгауз Ф.А.* Энциклопедический словарь [Текст] / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1896. Т. 35.
67. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография [Текст] / Ю.В. Бромлей. – М., 1973.
68. *Бромлей Ю.В.* Теория этноса [Текст] / Ю.В. Бромлей // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М., 1988.
69. *Бромлей Ю.В.* Этнология [Текст]: учебник для высших учебных заведений / Ю.В. Бромлей. – М., 1994.
70. *Бромлей Ю.В.* Этнические процессы как предмет исследования [Текст] / Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов // Современные этнические процессы в СССР. – М., 1977.
71. *Броневский В.* Описание донской земли, нравов и обычаев жителей [Текст] / В.Броневский. – СПб., 1834. Ч.3.
72. *Булгаков Г.И.* Схематический обзор Курского края в этнографическом отношении [Текст] / Г.И. Булгаков // Курский край. Вып. 1. Курск, 1925. С. 91–125.
73. Бытовая малорусская обстановка в документах XVII – XVIII вв. [Текст] // Киевская старина. 1887. № 10.
74. *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование [Текст] / Е.М. Бычкова. – М., 1986.
75. *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. [Текст] / В.М. Важинский. – Воронеж, 1974.
76. *Василенко Н.П.* Колонизация Левобережной Украины и движение украинского населения в пределы Московского государства [Текст] / Н.П. Василенко // Очерки по истории Западной Руси и Украины. – Киев, 1916.
77. *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке [Текст] / С. Величко. – Киев, 1851. Т. 2; Киев, 1855. Т. 3.
78. *Виноградський Ю.* До історіі колонізациі середньоі Чернігівщини // Державна публічна бібліотека Україні. Відділ рукописів. Ф. Х. № 4462.
79. *Винокур І.С.* Історія та культура черняхівських племен [Текст] / І.С. Винокур. – Київ, 1972.
80. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Население Юго-Западной России от второй половины XIII в. до половины XV в. [Текст] / М.Ф. Владимирский-Буданов // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов (далее: Архив ЮЗР). – Киев, 1886. Ч. 7. Т. 1.

81. *Владимирский–Буданов М.Ф.* Передвижение южнорусского населения в эпоху Богдана Хмельницкого [Текст] / М.Ф. Владимирский-Буданов // Киевская старина. 1888. № 7.
82. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Население Юго-Западной Росии от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569 г.) [Текст] / М.Ф. Владимирский-Буданов // Архив ЮЗР. Киев, 1890. Ч. 7. Т. 2.
83. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Население Юго-Западной России от Люблинской унии до начала XVIII в. [Текст] / М.Ф. Владимирский-Буданов // Архив ЮЗР. Киев, 1905. Ч. 7. Т. 3.
84. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение) [Текст] / Я.Е. Водарский. – М., 1977.
85. *Волков Ф.К.* Отличительные черты южнорусской орнаментики [Текст] / Ф.К. Волков // Труды 3-го Археологического съезда. Киев, 1878. Т. 2. С. 317–326.
86. *Волков Ф.К.* Украинский народ в его прошлом и настоящем. [Текст] / Ф.К. Волков // Этнографические особенности украинского народа. – Пг., 1916. Т. 2.
87. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа [Текст] / Н.Г. Волкова. – М., 1973.
88. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы [Текст]. – М., 1954.
89. Восстание И. Болотникова: Документы и материалы [Текст]. – М., 1959.
90. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы [Текст]. В 2 т. Т. 1: Восточнославянская ономастика. – М., 1972.
91. *Всемиров В.В.* К вопросу о методологическом кризисе в исторической науке [Текст] / В.В. Всемиров // Постигая прошлое и настоящее. – Саратов, 1997.
92. *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. [Текст] / С.Ш. Гаджиева. – М., 1976.
93. Гаркави А.Я. Сказанья мусульманских писателей о славянах и русских [Текст] / А.Я. Гаркави. – СПб., 1870.
94. Генеральний опис Лівобережної України 1765–1769 рр. Покажчик населених пунктів [Текст]. – Київ, 1959.
95. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка [Текст]. – Чернигов, 1901.
96. *Генинг В.Ф.* Этнический процесс в первобытности [Текст] / В.Ф. Генинг. – Свердловск, 1970.
97. *Герберштейн С.* Записки о Московии [Текст] / С. Герберштейн. – М., 1988.

98. *Голубева Л.А.* Символы солнца в украшениях финно-угров [Текст] / Л.А. Голубева // Древняя Русь и славяне. – М., 1978.
99. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви [Текст] / Е.Е. Голубинский. – М., 1917. Т. 2.
100. *Голубовский П.В.* История Северской земли до половины XIV ст. [Текст] / П.В. Голубовский. – Киев, 1881.
101. *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV ст. [Текст] / П.В. Голубовский. – Киев, 1895.
102. *Горелик М. В.* Черкесы-Черкасы [Текст] / М.В. Горелик // XXII Крупновские чтения (тезисы докладов). – Ессентуки; Кисловодск, 2002.
103. *Горелов В.А.* Горюны [Текст] / В.А. Горелов // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. – М., 1960. С. 267–286.
104. *Горленко В.* Про походження назви «черкаси» щодо українців XVI – XVII ст. [Текст] / В.Горленко // Українське козацтво: витоки, еволюція, спадщина. – Київ, 1993. Вип. 2.
105. *Горленко В.Ф., Бойко І.Д., Куницький О.С.* Народна землеробська техніка українців [Текст] / В.Ф. Горленко, І.Д. Бойко, О.С. Куницький. – Київ, 1971.
106. *Горюнов Е.А.* К истории Днепровского Левобережья в середине и третьей четверти I тысячелетия н.э. [Текст]: автореф. канд. ист. наук / Е.А. Горюнов. – М., 1977.
107. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья [Текст] / Е.И. Горюнова. – М., 1961.
108. *Граков Б.М.* Скифы [Текст] / Б.М. Граков. – М., 1971.
109. *Греков Б.Д.* Киевская Русь [Текст] / Б.Д. Греков. – М., 1953.
110. *Греков Б.Д.* Золотая Орда и ее падение [Текст] / Б.Д. Греков, Л.Ю. Якубовский. – М.; Л., 1950.
111. *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – н. XI века по археологическим данным [Текст] / А.В. Григорьев // Гос. Военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», Труды Тульской археологической экспедиции. – Тула, 2000. Выпуск 2.
112. *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIVстолетия [Текст] / М.С. Грушевский. – Киев, 1891.
113. *Грушевський М.С.* Козаки в 1470-х рр. [Текст] / М.С. Грушевський // Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1903. Кн. 6.
114. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси [Текст] / М.С. Грушевський. – Львів, 1905. Т. 2.: XI – XIII вік.

115. *Грушевський М.С.* Чернігів і Сіверщина в українській історії [Текст] / М.С. Грушевський // Чернігів і північне Лівобережжя. – Київ, 1928.
116. *Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа [Текст] / М.С. Грушевский. – Киев, 1990.
117. *Грушевський М.С.* Історія України-Русі [Текст]: в 11 т. 12 кн. – Київ, 1991–1998.
118. *Гудавичюс Э.* По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском [Текст] / Э.Гудавичус // Феодализм в Балтийском регионе. – Рига, 1985.
119. *Гудзенко П.А.* Черкаська область: Географічний нарис [Текст] /П.А. Гудзенко. – Київ, 1959.
120. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М., 1992.
121. *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М., 1994.
122. *Гуржій І.О.* Україна в системі всеросійського ринку 60–90-х років XIX століття [Текст] / І.О. Гуржій. – Київ, 1968.
123. *Гуслистий К.Г.* Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIVст. по 1569 р.) [Текст] / К.Г. Гуслистий. – Київ, 1939.
124. *Гуслистий К.Г.* Про початок перетворення українськоі народності в націю [Текст] / К.Г. Гуслистий // Народна творчість та етнографія. Київ, 1959. № 1.
125. *Гуслистий К.Г.* Історико-етнічний розвиток українського народу в другій половині XVII – першій половині XIX століття [Текст] / К.Г. Гуслистий // Народна творчість та етнографія. Київ, 1961. № 3.
126. *Гуслистый К.Г.* Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа (период феодализма) [Текст] / К.Г. Гуслистий // Доклад о содержании работ, представленных на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Киев, 1963.
127. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль. – М., 1955. Т. 1.
128. *Данилова Л.В.* Исторические условия развития русской народности в период образования и укрепления централизованного государства в России [Текст] / Л.В. Данилова // Вопросы формирования русской народности и нации. – М.; Л., 1958. С. 106–155.
129. *Даркевич В.П., Фролов В.П.* Старорязанский клад [Текст] / В.П. Даркевич, В.П. Фролов // Древняя Русь и славяне. – М., 1978.

130. *Дашкевич Я.* Україна на межі між Сходом і Заходом (XIV-XVIII ст.) [Текст] / Я.Дашкевич // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1991. Т. ССХХП.
131. *Дашкевич Я.* Как Московия украла историю Киевской Руси – Украины (доклад доктора исторических наук) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://universum.lviv.ua/journal/2011/6/dashk.htm.
132. *Дворникова Н.А.* Русские и украинские традиции в одежде населения северо-восточных районов Украины. (По материалам экспедиции в Сумскую и Харьковскую обл.) [Текст] / Н.А. Дворникова // Советская этнография. 1968. № 1. С. 114–121.
133. *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности [Текст] / А.Ю. Дворниченко. – СПб., 1993.
134. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделом собственной его императорского величества канцелярии [Текст]. – СПб., 1851. Т.2.
135. *Демченко В.* Торговля Москвы с Литвой, Крымом и Турцией по дипломатическим сношениям эпохи Ивана III и Василия III [Текст] / В.Демченко // Minerva. Киев, 1917. Вып. 6.
136. *Денисевич В.Г.* К истории диалектных слов, употребляемых в говорах Курско-Белгородского края [Текст] / В.Г. Денисевич // Известия Воронежского гос. пед. института. Воронеж, 1969. Т. 68. С. 184–188.
137. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология [Текст] / Г.Г. Дилигенский. – М., 1994.
138. *Довженок В.Й.* Землеробство Древньоі Русі [Текст] / В.Й. Довженок. – Київ, 1961.
139. *Довженок В.И.* Экономические предпосылки сложения Древнерусского государства [Текст] / В.И. Довженок // Становление раннефеодальных славянских государств. – Киев. 1972.
140. *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах [Текст] / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1901. Т. 1.
141. *Довнар-Запольский М.В.* Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке [Текст] / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1905.
142. Документы Московского архива Министерства Юстиции [Текст]. – М., 1897. Т. 1.
143. *Домонтович М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Черниговская губерния [Текст] / М.Домонтович. – СПб., 1865.

144. *Думин С. В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) [Текст] / С. В. Думин // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерк истории России 9 – начало 20 вв. – М., 1991.
145. *Дунаев Б.И.* Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. [Текст] / Б.И. Дунаев. – М., 1916.
146. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. [Текст] – М.; Л., 1950.
147. *Дядиченко В.А.* Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. [Текст] / В.А. Дядиченко. – Київ, 1959.
148. *Дяченко В.Д.* Антропологический состав украинского народа в связи с некоторыми вопросами его этногенеза [Текст] / В.Д. Дяченко. – М., 1961.
149. *Дяченко В.Д.* Антропологічний склад українського народу [Текст] / В.Д. Дяченко. – Київ, 1965.
150. *Дяченко М.Т.* Етапи заселення Слобідської України [Текст] / М.Т. Дяченко // Український історичний журнал. Київ, 1970. № 8.
151. *Дяченко М.Т.* Етнографічні дослідження Слобідської України в XVIII – першій половині XIX ст. [Текст]: дис. док. ист. наук. / М.Т. Дяченко. – Киев, 1970.
152. *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой [Текст] / В.Л. Егоров // Куликовская битва. – М., 1980. С. 181–191.
153. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі [Текст]. – Київ, 1985.
154. *Жебелев С. А.* Маврикий (Стратег). Известия о славянах VI – VII вв. [Текст] / С. А. Жебелев // ИАИ. 1939. Т. П. С. 33–37.
155. *Жилко Ф.Т.* Особенности диалектных групп украинского языка [Текст] / Ф.Т. Жилко // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. – М., 1964.
156. *Журавлев В.В.* Методология исторической науки [Текст] / В.В. Журавлев // Кентавр. 1995. № 6.
157. *Журавлев В.В.* От смены конъюнктурных парадигм к парадигме преемственности [Текст] / В.В. Журавлев // Отечественная история. 1997. № 4.
158. *Загоровский В.П.* Белгородская черта [Текст] / В.П. Загоровский. – Воронеж, 1969.
159. *Загоровский В.П.* Историческая топонимика Воронежского края [Текст] / В.П. Загоровский. – Воронеж, 1973.
160. *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. [Текст] / А.К. Зайцев. – М., 1975.
161. *Залізняк Л.* Нариси стародавньої історії України [Текст] / Л.Залізняк. – Київ, 1994.

162. *Залізняк Л.* Давньоруська народність – імперський міф чи історична реальність [Текст] / Л.Залізняк // Память століть. 1996. № 2.
163. *Зеленин Д.И.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации [Текст] / Д.И. Зеленин. – СПб., 1913.
164. *Зеленин Д.К.* Русская соха, ее история и виды [Текст] / Д.И. Зеленин // Памятная книжка Вятской Губернии и календарь на 1908 г. – Вятка, 1907.
165. *Зеленин Д.К.* Женские головные уборы восточных (русских) славян [Текст] / Д.И. Зеленин. Прага, 1927.
166. *Зимин А.А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.) [Текст] / А.А. Зимин. – М., 1973.
167. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV – XVI столетий: Очерки социально-политической истории [Текст] / А.А. Зимин. – М., 1982.
168. *Златковская Т.Д.* Об этнических общностях и этнических процессах в доклассовой и раннеклассовой эпохах (О книге Ю.В. Бромлея «Этнос и этнография» М., 1973.) [Текст] / Т.Д. Златковская // Вестник древней истории. М., 1974. № 2.(128).
169. *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по «Любецкому синодику» и о Черниговском княжестве в татарское время [Текст] / Р.В. Зотов. – СПб., 1892.
170. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье [Текст] // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1934. Вып. 91.
171. *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества [Текст] / Д.И. Иловайский. – М., 1858.
172. *Иордан* о происхождении и деяниях гетов. Getika. [Текст] / Иордан / пер. и комментарии Е.Ч. Скржинской. – М., 1960.
173. *Ісаевич Я.* Україна давня і нова. Народ, релігія, культура [Текст] /Я.Ісаевич. – Львів, 1996.
174. *Искандеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века [Текст] / А.А. Искандеров // Вопросы истории. 1996. № 4.
175. Историки России: биографии [Текст] / сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. – М.: Рос. полит. энцикл., 2001. – 912 с.
176. Исторические песни XIII – XVI вв. [Текст]. – М.; Л., 1960.
177. Историческое описание земли войска Донского [Текст]. – Новочеркасск, 1903.
178. История Льва Диакона Каносского [Текст]. – СПб., 1820.
179. История монголов по армянским источникам [Текст] / пер. и объяснения К.П. Патканова. – СПб., 1873. Вып. 1.
180. История на България [Текст]. – София, 1954. Т. 1.

181. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. [Текст]. – М., 1988.
182. История о Казанском царстве: (Казанский летописец) [Текст] // ПСРЛ. – СПб., 1903. Т. 19.
183. История России с древнейших времен до конца XVII века. [Текст] / отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. – М., 1996.
184. История Украинской ССР [Текст]. – Киев, 1969. Т. 1.
185. *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / В.М. Кабузан. – М., 1963.
186. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / В.М. Кабузан. – М., 1971.
187. *Кабузан В.М.* Численность и удельный вес украинского населения на территории СССР (в 1795–1959 гг.) [Текст] / В.М. Кабузан, Г.П. Махнова // История СССР. 1965. № 1. С. 28–38.
188. *Карамзин Н.М.* История Российского государства [Текст] / Н.М. Карамзин. – СПб., 1819. Т. 7.
189. *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII в. [Текст] / В.В. Каргалов. – М., 1966.
190. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси [Текст] / В.В. Каргалов. – М., 1967.
191. *Каргалов В.В.* На степной границе [Текст] / В.В. Каргалов. – М., 1974.
192. *Каргер М.К.* Древний Киев [Текст] / М.К. Каргер. – М.; Л., 1958.
193. *Карпов Г.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508 [Текст] / Г. Карпов. – М., 1867.
194. *Каштанов С. М.* Рост государственных повинностей во второй половине XVI в. [Текст] / С. М. Каштанов // Общество и государство феодальной России. – М., 1975.
195. Київський літопис першоі чверті XVII ст. [Текст] // Український історичний журнал. 1989. № 5.
196. *Клепатский П.Г.* Очерки по истории Киевской земли [Текст] / П.Г. Клепетский. – Одесса, 1912. Т. 1: Литовский период.
197. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. [Текст] / С. А. Козин. – М.; Л., 1941. Т. 1.
198. *Козлов В.И.* Национализм и этнический нигилизм [Текст] / В.И. Козлов // Свободная мысль. 1996. № 6.
199. *Козубовський Г.А.* Сіверські монети XIV ст. [Текст] / Г.А. Козубовський. – Київ, 1992.
200. *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия [Текст] / Дж.Н. Коков. – Нальчик, 1966.

201. *Компан О.С.* До питання про заселенність Україні в XVII столітті [Текст] / О.С. Компан // Український історичний журнал. Київ, 1960. № 1.
202. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX – XIII вв. [Текст] / Г.Ф. Корзухина. – М.; Л., 1954.
203. *Королев А.А.* От моноидеи к «цветущей сложности» [Текст] / А.А. Королев // История: Постижение смысла. – М., 1994.
204. *Косвен М.О.* Материалы к истории ранней русской этнографии (XII-XVII вв.) [Текст] / М.О. Косвен // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 1. / Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая Серия. – М., 1956. Т. XXX.
205. *Косич М.Н.* Литвины-белорусы в Черниговской губернии; их быт и песни [Текст] / М.Н. Косич // Живая старина. СПб., 1901. Вып. 2. С. 221–260; Вып. 3–4. С. 1–88.
206. *Коткова Н.С.* Название русских бортных знамен – историко-лингвистический Источник [Текст] / Н.С. Коткова // Исследования по лингвистическому источниковедению. – М., 1963.
207. *Котляр М.Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму [Текст] / М.Ф. Котляр. – Київ, 1971.
208. *Котляр М.* Історія України в особах. Давньоруська держава [Текст] / М. Котляр. – Київ, 1996.
209. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича [Текст] / Г.К. Котошихин. – СПб., 1884.
210. *Кривоpученко В.К.* Историческое исследование в современных условиях: Методология и методика исследования [Текст] / В.К. Кривоpученко. – М., 1991.
211. *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-Литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. [Текст] / М.М. Кром. – М., 1995.
212. *Кругляк Ю.* На крилах легенд [Текст] / Ю. Кругляк. – Київ, 1966.
213. *Крюков М.В.* Еще раз об исторических типах этнических общностей [Текст] / М.В. Крюков // Советская этнография. 1986. № 3.
214. *Крыжановский Б.Г.* Женская одежда Центральной Украины [Текст] / Б.Г. Крыжановский. – Пгр., 1923.
215. *Куза А.В.* Новгород-Северский – стольный град Игоря Святославича [Текст] / А.В. Куза // Новгороду-Северскому – 1000 лет: Тезисы докладов обл. науч.-практ.конференции. – Чернигов; Новгород-Северский, 1989.
216. *Кулиш П.А.* Материалы для истории воссоединения Руси [Текст] / П.А. Кулиш. – М., 1877. Т.1.
217. Культура и быт народов Северного Кавказа [Текст]. – М., 1968.

218. *Кухаренко Ю.В.* Зарубинецкая культура [Текст] / Ю.В. Кухаренко // Свод археологических источников. – М., 1964. Вып. Д1–19.
219. *Кучера М.П.* Переяславское княжество // Древнерусские княжества X – XIII вв. [Текст] / М.П. Кучера. – М., 1975.
220. *Кучера М.П., Драчук В.С.* Памятники раннеславянского времени и Киевской Руси в зоне водохранилища Днепродзержинской ГЭС [Текст] / М.П. Кучера, В.С. Драчук // Краткие сообщения института археологии АН УССР. – Киев, 1962. Вып. 12.
221. *Кучкин В.А.* Города Северо-Восточной Руси в XIII – XV веках (Число и политико-географическое размещение) [Текст] / В.А. Кучкин // История СССР. 1990. № 6.
222. *Лавров Л.* До питання про українсько-кавказькі культурні звязки [Текст] / Л. Лавров // Народна творчість та етнографія. Київ, 1961. № 3.
223. *Лазаревский А.М.* Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783) [Текст] / А.М. Лазаревский // Записки Черниговского губернского статистического комитета. – Чернигов, 1866. Кн. 1.
224. *Лазаревский А.М.* Павел Полуботок [Текст] / А.М. Лазаревский // Русский архив. 1880. № 1.
225. *Лазаревский А.М.* Люди старой Малороссии [Текст] / А.М. Лазаревский // Киевская старина. 1882. № 8.
226. *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления [Текст] / А.М. Лазаревский. – Киев, 1888. Т.1: Полк Стародубский; – Киев, 1893. Т. 2: Полк Нежинский.; Киев, 1902. Т. 3: Полк Прилуцкий.
227. *Лазаревский А.М.* Лубенщина и князья Вишневецкие [Текст] / А.М. Лазаревский // Киевская старина. 1896. № 1. С. 115–127; № 2. С. 209–229; №3. С. 334–353.
228. *Лазаревский А.М.* Очерки, заметки и документы по истории Малороссии [Текст] / А.М. Лазаревский. – Киев, 1899. Т. V. Заметки о Мазепе.
229. *Ламанский В.И.* «Белая Русь» [Текст] / В.И. Ламанский // Живая старина. 1891. Вып. 3.
230. *Лассота Эрих.* Путевые заметки Эриха Лассоты, отправленного императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. [Текст] / Э.Лассота. – СПб., 1873.
231. *Лашук Л.П.* О формах донациональных этнических связей [Текст] / Л.П. Лашук // Вопросы истории. 1967. № 4.
232. *Лашук Л.П.* Введение в историческую социологию [Текст] / Л.П. Лашук. – М., 1977. Вып. II.
233. *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки [Текст] / Н.И. Лебедева. – М., 1927. Ч. 1.

234. *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество у восточных славян [Текст] / Н.И. Лебедева // Восточнославянский этнографический сборник. – М., 1956.
235. *Лебедева Н.И.* Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей [Текст] / Н.И. Лебедева // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. – М., 1960.
236. *Леонтович Ф.И.* К истории административного строя Литовского государства [Текст] / Ф.И. Леонтович // Оттиск с «Варшавских университетских известий». 1899.
237. Летописи белорусско-литовские [Текст] // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35.
238. Летопись гадячского полковника Григория Грабянки [Текст]. – Киев, 1853.
239. Летопись Самовидца по новооткрытым спискам [Текст]. – Киев, 1878.
240. Літопис Самовидця [Текст]. – Київ, 1971.
241. *Лещенко А.Ф.* К вопросу о происхождении украинского казачества [Текст] / А.Ф. Лещенко // Сборник статей по экономике и культуре. – Краснодар, 1927. Вып. 1.
242. *Литвиненко М.А.* Джерела історіі Украіни XVIII ст. [Текст] / М.А. Литвиненко. – Харків, 1970.
243. *Литвинова П.Я.* Южнорусский орнамент [Текст] / П.Я. Литвинова. – Киев, 1878. Вып. 1: Узоры и рисованья Черниговской губернии Глуховского уезда.
244. *Литвинова-Барташ П.Я.* Весільні обряди і звичаі у селі Землянці Глухівського повіту у Чернігівщині [Текст] / П.Я. Литвинова-Барташ // Матеріали до украінсько-руськоі етнольогіі. – Львів, 1900. Т. 3.
245. *Ловмяньский Г.* Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян [Текст] / Г.Ловмяньский // Становление раннефеодальных славянских государств. – Киев, 1972.
246. *Ловмяньский Г.* Происхождение славянских государств [Текст] / Г.Ловмяньский // Вопросы истории. 1977. № 12. С. 182–193.
247. *Логачева Н.В.* Особенности княжеской власти в Черниговской земле [Текст] / Н.В. Логачева // Вестник РУДН. Серия «История России». 2014. № 2. С. 76 – 85.
248. *Логачева Н.В.* Особенности становления и эволюции княжеской власти в Юго-Восточной Руси в XI – XV вв. [Текст]: автореф. дис. канд. ист. наук. / Н.В. Логачева. – М., 2015.
249. *Логвин Г.Н.* Чернигов. Новгород-Северский. Глухов. Путивль. (Очерки достопримечательных памятников архитектуры) [Текст] / Г.Н. Логвин. – М., 1965.

250. *Лурье С. В.* Историческая этнология [Текст]: Учебное пособие для вузов. – М., 1997.
251. *Лучицкий В.И.* Следы общинного землевладения в Левобережной Украине XVIII в. [Текст] / В.И. Лучицкий // Отечественные записки. 1882. № 1.
252. *Лучицкий В.И.* Общинное землевладение в Малороссии [Текст] / В.И. Лучицкий // Устои. 1882. № 7.
253. *Лучицкий В.И.* Малороссийская сельская община и сельское духовенство в XVIII в. [Текст] / В.И. Лучицкий // Земский обзор. 1883. № 6.
254. *Лучицкий В.И.* Займанщина и формы заимочного владения в Малороссии [Текст] / В.И. Лучицкий // Юридический вестник. 1890. № 4. Кн. 3.
255. *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута // Чтение в обществе истории и древностей Российских при Московском университете [Текст] / М.К. Любавский. – М., 1892. Кн. 4.
256. *Любавский М.К.* История западных славян [Текст] / М.К. Любавский. – М., 1918.
257. *Ляпушкин И.И.* Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья [Текст] / И.И. Ляпушкин // Советская археология. 1952. Т. 16.
258. *Ляпушкин И.И.* К вопросу о памятниках волынцевского типа [Текст] / И.И. Ляпушкин // Советская археология. 1959. Т. 29–30.
259. *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа [Текст] / И.И. Ляпушкин // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л., 1961. № 104.
260. *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX вв.) [Текст] / И.И. Ляпушкин. – Л., 1968.
261. *Ляскоронский В.Г.* История Переяславльской земли [Текст] / В.Г. Ляскоронский. – Киев, 1897.
262. *Ляскоронский В.Г.* Северские князья и половцы перед нашествием на Русь монголов [Текст] / В.Г. Ляскоронский. – Казань, 1913.
263. *Мавродин В.В.* Левобережная Украина под властью татаро-монголов [Текст] / В.В. Мавродин // Ученые записки ЛГУ. 1939. Вып. 32.
264. *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Л., 1940.
265. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства [Текст] / В.В. Мавродин. – Л., 1945.

266. *Мавродин В.В.* К вопросу об «антах» Псевдомаврикия [Текст] / В.В. Мавродин // Советская этнография. 1954. № 2. С. 32–41.
267. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности [Текст] / В.В. Мавродин. – М., 1971.
268. *Максидов А. А.* Фамилии адыгского происхождения на Украине [Электронный ресурс] // А.А. Максидов. – Режим доступа: http://zihia.narod.ru/
269. *Мариновський Ю.Ю.* Ще раз про назву міста Черкаси [Текст] / Ю.Ю. Мариновский // Мовознавство. 1991. № 4.
270. *Марков М.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи [Текст] / М.Марков. – Б.М., 1814.
271. *Маркович Я.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях [Текст] / Я.Маркович. – СПб., 1798. Ч. 1.
272. *Маслова Г.С.* Историко-культурные связи русских и украинцев по данным Народной одежды [Текст] / Г.С. Маслова // Советская этнография. 1954. № 2. С. 42–59.
273. *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. [Текст] / Г.С. Маслова // Восточнославянский этнографический сборник. – М., 1956.
274. *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах 19 – начало 20 века [Текст] / Г.С. Маслова. – М.: Наука, 1984. – 216 с.
275. *Маслова Г.С.* Одежда [Текст] / Г.С. Маслова // Этнография восточных славян. Очерк традиционной культуры. – М., 1987.
276. *Матейко К.І.* Український народний одяг [Текст] / К.І. Матейко. – Київ, 1977.
277. Материалы для истории г. Харькова в XVII веке [Текст]. – Харьков, 1905.
278. Материалы для оценки земельных угодий [Текст]. – Чернигов, 1882. Т. 4.
279. *Маясова Н.А.* Древнерусское шитье. (Альбом) [Текст] / Н.А. Маясова. – М., 1971.
280. *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства [Текст] / И.Н. Миклашевский. – М., 1894. Ч. 1.
281. *Милов Л.В.* Исследование об «экономических примечаниях к Генеральному межеванию» [Текст] / Л.В. Милов. – М., 1965.
282. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса [Текст] / Л.В. Милов. – М., 1998.
283. *Милорадович В.* Житье-бытье лубенского крестьянина [Текст] / В.Милорадович // Киевская старина. 1902. № 10.

284. *Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческая теория [Текст] / Б.Г. Могильницкий // Новая и новейшая история. 1991. № 6.
285. *Могильченко М.* Будівля на Черніговщині [Текст] / М.Могильченко // Матеріали до українсько-руської етнольогіі. – Київ, 1899. Т. 1.
286. *Молчанова Л.А.* Материальная культура белорусов [Текст] / Л.А. Молчанова. – Минск, 1968.
287. *Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. (Из истории древнерусских поселений на Дону) [Текст] / А.И. Москаленко. – Воронеж, 1965.
288. *Моця О., Ричка В.* Київська Русь: від язичництва до християнства [Текст] / О.Моця, В.Ричка. – Київ, 1996.
289. *Муравьев А.В., Сахаров А.М.* Очерки истории русской культуры IX – XVII вв. [Текст] / А.В. Муравьев, А.М. Сахаров. – М., 1984.
290. *Муравьева Л.Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века [Текст] / Л.Л. Муравьева. – М., 1983.
291. *Мыльников А.С.* Земля – государство – этнос: Франциск Скорина в контексте этнокультурных представлений раннего Нового времени [Текст] / А.С. Мыльников //Кунсткамера: Этнографические тетради. 1995. Вып. 8–9.
292. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века [Текст] / А.С. Мыльников. – СПб., 1999.
293. *Мякотин В.А.* Очерки социальной истории Малороссии. Восстание Б.Хмельницкого и его последствия [Текст] / В.А. Мякотин // Русское богатство. 1912. № 8–11; 1913. № 9–12.
294. Народы Кавказа [Текст]. – М., 1960. Т. 1.
295. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь [Текст] / А.Н. Насонов. – М.; Л., 1940.
296. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование Древнерусского государства [Текст] / А.Н. Насонов. – М., 1951.
297. *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования [Текст] / А.Н. Насонов. – М., 1969.
298. *Наулко В.І.* Карта сучасного етнічного складу населення Української РСР [Текст] / В.И. Наулко. – Київ, 1966.
299. *Наулко В.И.* Развитие межэтнических связей на Украине [Текст] / В.И. Наулко. – Киев. 1975.
300. Научная библиотека академии наук Украины. Отдел рукописей. Ф. П. №№ 18215–19, 18371–940, 18588–96, 18881–95; Ф. Х. Архив АН Украины. №№ 4462, 4463.
301. *Недосекин В.И.* Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII в.

[Текст] / В.И. Недосекин // Известия Воронежского пед. института. 1955. Т. 19. С. 133–154.
302. *Непокупний А.П.* Українсько-балтійські студії [Текст] / А.П. Непокупний // Мовознавство. Київ, 1968. № 6. С. 33–42.
303. *Нидерле Л.* Славянские древности [Текст] / Л.Нидерле. М., 1956.
304. *Николайчик Ф.Д.* Начало и рост полтавских владений князей Вишневецких по данным Литовской метрики [Текст] / Ф.Д. Николайчик // Труды II Археологического съезда в Киеве. М., 1902. Т. 2. С. 35–104.
305. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов [Текст]. – М.; Л., 1950.
306. *Новосельцев А.П., Пашуто В.М., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика) [Текст] / А.П. Новосильцев, В.М. Пашуто, Л.В. Черепнин. – М., 1972.
307. Новый летописец [Текст] // ПСРЛ. М., 1965. Т. 14.
308. *Оглоблин Н.* Воеводские вестовые отписки XVII в. как материал для истории Малороссии [Текст] / Н.Оглоблин // Киевская старина. 1885. № 6.
309. Опис Новгородсіверського намісництва (1779–1781) [Текст]. – Київ, 1931.
310. Описание всех обитающих в Российском государстве народов…[Текст] – СПб., 1799. Ч. 4.
311. *Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунов А.Ю, Терещенко Ю.Я.* Основы курса истории России [Текст] / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, А.Ю. Полунов, Ю.Я. Терещенко. – М., 1997.
312. *Павлуцький Г.* Історія українського орнаменту [Текст] / Г.Павлуцький. – Київ. 1927.
313. *Падалка Л.В.* О времени основания г. Полтавы [Текст] / Л.В. Падалка // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. – Киев, 1896. Кн. 10–11.
314. *Падалка Л.В.* Прошлое Полтавской территории и ее заселение [Текст] / Л.В. Падалка. – Полтава, 1914.
315. *Падалка Л.В.* Карта Боплана о заселении Полтавской территории во второй четверти XVII в. [Текст] / Л.В. Падалка. – Полтава, 1914.
316. Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов [Текст]. – Киев, 1846. Т. 2. Отдел второй.
317. *Пашук А.Й.* Суд і судочинство на Лівобережній Україні в XVII – XVIII ст. (1648–1782) [Текст] / А.Й. Пашук. – Львів. 1967.
318. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков [Текст]. – СПб., 1905. Вып. 7.

319. *Перковский А.Л.* Народонаселение Украины в XVIII ст. [Текст]: автореф. дис. канд. ист. наук. – Киев, 1968.
320. *Петров В.П.* Етногенез слов'ян [Текст] / В.П. Петров. – Київ, 1972.
321. *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі: До питання про татарську Україну [Текст] / Ф.Петрунь // Східний світ. 1928. № 2.
322. *Петрунь Ф.* Українські степи за ранньоі татарськоі та за литовськоі доби: замітки і зауваження [Текст] / Ф.Петрунь // Полуднева Україна. Київ, 1930.
323. *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков [Текст] / В.Я. Петрухин. – Смоленск; М., 1995.
324. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. [Текст] / С. Ф. Платонов. – М., 1937.
325. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях [Текст] / С. А. Плетнева // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 62.
326. *Плетнева С. А.* О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII-IX вв. [Текст] / С. А. Плетнева // Советская археология. 1962. № 1.
327. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани [Текст] / С. А. Плетнева. – М., 1963.
328. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам [Текст] / С. А. Плетнева. – М., 1967.
329. *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков [Текст] / С. А. Плетнева // Свод археологических источников. – М., 1973. Е1–19.
330. *Плетнева С. А.* Половецкая земля [Текст] / С. А. Плетнева // Древнерусские княжества X – XIII вв. – М.,1975.
331. Повести о Куликовской битве [Текст]. – М., 1953.
332. Повесть временных лет [Текст]. – М.; Л., 1950. Ч. 1–2.
333. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции М.П. Погодина о русской истории [Текст] / М.П. Погодин. – М., 1846–1859. Т. 1–7.
334. *Погодин М.П.* Древняя русская история до монгольского ига [Текст] / М.П. Погодин. – М., 1871. Т. 1–3.
335. *Познанский Б.* Одежда малороссов [Текст] / Б.Познанский // Труды 12 Археологического съезда в Харькове. – М., 1905. Т. 3.
336. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) [Текст]: Т. 1. М., 1962; Т.2. М., 1962; Т.7. СПб.,1865; Т. 10. М., 1965; Т. 15. М., 1965; Т. 18. СПб., 1913; Т. 23. СПб., 1910; Т. 24. Пг., 1921; Т. 25. М.; Л., 1949 и др.
337. Полтавские епархиальные ведомости [Текст]. 1898. № 28.

338. *Пономаренко М.Ф.* Про назву міста Черкаси [Текст] / М.Ф. Пономаренко // Мовознавство. 1988. № 6.
339. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII – XV столетий [Текст] /А.Е. Пресняков. – Пг., 1918.
340. *Пресняков А.Е.* Западная Русь и Литовско-Русское государство [Текст] /А.Е. Пресняков // Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2. Вып. 1.
341. *Прилипко Я.П.* Етнокультурні звязки болгар і східних словян (на матеріалі одягу) [Текст] / Я.П. Прилипко. – Київ, 1964.
342. *Прилипко Я.П.* Классифікація народних головних уборів [Текст] / Я.П. Прилипко // Народна творчість та етнографія. 1970. № 5.
343. *Приселков М.Д., Фасмер М.Р.* Отрывки В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века [Текст] / М.Д. Приселков, М.Р. Фасмер // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Пг., 1916. Т. XXI. Кн. 1.
344. *Прокопий из Кесарии.* Война с готами [Текст] / Прокопий из Кесарии. – М., 1950.
345. *Проторчина В.М.* К истории воронежских однодворцев в XVIII в. [Текст] / В.М. Проторчина // Известия Воронежского пед. института. – Воронеж, 1955. Т. 19. С. 133–154.
346. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука [Текст]. – М., 1957.
347. *Пушкарева Н.П.* Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990) [Текст] / Н.П. Пушкарева. – СПб., 1997.
348. *Рабинович М.Д.* Однодворцы в первой половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы [Текст] / М.Д. Рабинович. – Вильнюс, 1974.
349. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма [Текст]. – М., 1989.
350. *Ракитин А. С.* Севрюки – коренное население Северской земли. // Сборник статей и материалов, посвященный деревне Любощь и местам ее окружающим [Электронный ресурс] // А.С. Ракитин / – Сайт «Diderix». 2009. – Режим доступа: http://diderix.petergen.com/rgd-svr.htm
351. *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. [Текст] / О.М. Рапов. – М., 1977.
352. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей [Текст] / Рашид-ад-Дин. – М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1, 2.
353. *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России и ее народах и казаках вообще [Текст] / А.Ригельман. – М., 1847. Ч. 1–4.

354. *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его хроника) [Текст] / А.И. Рогов. – М., 1966.
355. *Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. [Текст] / Н.А. Рожков. – М., 1899.
356. *Розов В.* Українські грамоти [Текст] / В.Розов. – Київ, 1928. Т. 1.
357. *Романовський В.О.* Переписні книги 1666 року [Текст] / В.О. Романовский. – Київ, 1933.
358. *Романовский В.А.* Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII – XVIII вв. [Текст] / В.А. Романовский // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963. С. 184–195.
359. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Собрание Марковича. Ведения о составе старшины по полкам.
360. Российская история [Текст] / под ред. Ш.М. Мунчаева. – М., 1999.
361. Российский государственный архив древних актов (РГАДА):
Ф. 79. Посольский приказ. Кн. 22. Польские дела.
Ф. 210. Разрядный приказ: Белгородский стол. Оп. 6-Д. Дд. 82,92,140,146,154,168,213 и др.; Дела десятен. Оп. 4. Дд. 38,49; Дела разных городов. Оп. 7-А. Д.80; Денежный стол. Оп. 6-Ж. Д. 362;
Московский стол. Дд. 75,79; Разрядные вязки. Оп.8. Д.66; Севский стол. Д. 163; Оп. 17. Стб. 13 и др.
Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. Кн. 4, 13, 18, 26, 31, 38, 39, 40, 45, 96, 307 и др.
Ф. 248 Сената. Оп. 80. Ч. 1. Д. 6597.
Ф. 389. Оп. 1. Литовская Метрика. Д. 223.
Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 31, 367, 368, 10555, 15820 и др.
Ф. 1355 Сената. Оп. 1. Ч. 5. Д. 1.
Межевой архив: Ф. 6. Воронежская изба. № 9. Дача 23; № 46. Дача 97, 104; № 131. Дача 1; Ф. 12. № 59. Дача 60.
362. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. [Текст] / Н.Л. Рубинштейн. – М., 1957.
363. *Русанова И.П.* Археологические памятники древлян. [Текст]: автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1960.
364. *Русанова И.П.* Курганы полян X – XII вв. [Текст] / И.П. Русанова // Свод археологических источников. 1966. Вып. Е1–24.
365. *Русанова И.П.* Славянские древности VI – VII вв. [Текст] / И.П. Русанова. – М., 1976.
366. *Русина О.В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського [Текст] / О.В. Русина. – Київ, 1998.
367. *Русов А.А.* Описание Черниговской губернии [Текст] /А.А. Русов. – Чернигов, 1898–1899. Т. 1–2.

368. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею [Текст]. – СПб., 1872. Т. 1.
369. Русские. Историко-этнографический атлас [Текст]. – М., 1967.
370. Русские древности [Текст]. – СПб., 1876.
371. *Рыбаков Б.А.* Поляне и северяне [Текст] / Б.А. Рыбаков // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 81–105.
372. *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М., 1948.
373. *Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова [Текст] / Б.А. Рыбаков // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 11. С. 7–93.
374. *Рыбаков Б.А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж [Текст] / Б.А. Рыбаков // По следам древних культур. Древняя Русь. – М., 1953.
375. *Рыбаков Б.А.* Древние славяне в Причерноморье [Текст] / Б.А. Рыбаков // Славяне. 1954. № 2.
376. *Рыбаков Б.А.* Дон и Донец в «Слове о полку Игореве» [Текст] / Б.А. Рыбаков // Научные доклады высшей школы. Серия – Исторические науки. 1. М., 1958.
377. *Рыбаков Б.А.* Предпосылки образования Древнерусского государства [Текст] / Б.А. Рыбаков // Очерки истории СССР (III-IX вв.). – М., 1958.
378. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь [Текст] / Б.А. Рыбаков. – М., 1963.
379. *Рыбаков Б.А.* О двух культурах русского феодализма [Текст] / Б.А. Рыбаков // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. – М., 1970.
380. *Рыбаков Б.А.* Происхождение и семантика ромбического орнамента [Текст] / Б.А. Рыбаков // Музей Народного искусства и художественные промыслы. М., 1972.
381. *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии. XV и XVI в. [Текст] / Б.А. Рыбаков – М., 1974.
382. *Рыбаков Б.А.* Смерды [Текст] / Б.А. Рыбаков // История СССР. 1979. № 1, № 2.
383. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. [Текст] / Б.А. Рыбаков. – М., 1993.
384. *Садохин А.П.* Этнология [Текст] / А.П. Садохин. – М., 2000.
385. *Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам [Текст] / Д.Я. Самоквасов. – М.,1908.
386. *Самоквасов Д.Я.* Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда [Текст] / Д.Я. Самоквасов. – М., 1916. Т. 8.
387. *Самоквасов Д.Я.* Могильные древности Северянской Черниговщины [Текст] / Д.Я. Самоквасов. – М., 1917.

388. *Сарбей В.Г.* Исторические взгляды А.М. Лазаревкого [Текст]: автореф. дисс. канд. ист. наук. – Киев, 1956.
389. *Сас П.М.* Феодальные города Украины в конце XV – 60-х годах XVI в. [Текст] / П.М. Сас. – Киев, 1989.
390. *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси в XIV – XV вв. [Текст] / А.М. Сахаров. – М., 1959.
391. *Сахаров А.М.* Образование и развитие Российского государства в XIV-XVII вв. [Текст] / А.М. Сахаров. – М., 1969.
392. Сборник документов по социально-экономической истории Византии [Текст]. – М., 1951. С. 81.
393. Сборник по хозяйственной статистике Полтавской губернии [Текст]. – Полтава, 1894. Т. 14.
394. Сборник Русского исторического общества (РИО) [Текст] / Тт. 35, 41, 59, 95, 137.
395. *Святский Д.* Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний [Текст] / Д.Святский // Живая старина. 1910. Вып. 1–2.
396. Севрюки. // Малая курская энциклопедия / Сост. Ш. Р. Гойзман [Электронный ресурс] / Сайт «МКЭ». 2005—2011. – Режим доступа: www.mke.su
397. *Седов В.В.* Кривичи [Текст] / В.В. Седов // Советская археология. 1960. № 1. С. 47–62.
398. *Седов В.В.* Из истории восточнославянского расселения [Текст] / В.В. Седов // Краткие сообщения института Археологии. 1965. Вып.104.
399. *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья [Текст] / В.В. Седов // Материалы и исследования по археологии СССР. № 163. 1970.
400. *Седов В.В.* Длинные курганы кривичей [Текст] / В.В. Седов // Свод археологических источников. М., 1974. Вып. Е1–8.
401. *Седов В.В.* Балты и славяне в древности (I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.) [Текст] / В.В. Седов // Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов. Рига, 1977.
402. *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян [Текст] / В.В. Седов. – М., 1979.
403. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Черниговская губерния [Текст]. – СПб., 1903. Вып. XI.
404. *Середонин М.С.* Историческая география [Текст] / М.С. Середонин. – Пг., 1916.
405. *Слава М.К.* Латышская народная одежда как источник для изучения этнической истории [Текст] / М.К. Слава // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977.

406. *Слюсарский А.Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII – XVIII вв. [Текст] / А.Г. Слюсарский. – Харьков, 1964.
407. *Смиленко А.Т.* Этнокультурная карта Восточной Европы второй половины I тысячелетия н.э. [Текст] / А.Т. Смиленко // Становление раннефеодальных славянских государств. – Киев. 1972.
408. *Соболевский А.* Население Украины в XVI в. [Текст] / А. Соболевский // Живая старина. СПб., 1893. Вып. 3.
409. Советская историография Киевской Руси [Текст]. – Л., 1978.
410. Советская историческая энциклопедия [Текст]. – М., 1968. Т. 11; М., 1976. Т. 16.
411. Советское источниковедение Киевской Руси. (Историографические очерки) [Текст]. – Л., 1979.
412. Современные этнические процессы в СССР [Текст]. – М., 1977.
413. *Соловьев А.В.* Великая, Малая и Белая Русь [Текст] / А.В. Соловьев // Вопросы истории. 1947. № 7.
414. *Соловьева Г.Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) [Текст] / Г.Ф. Соловьева // Советская археология. 1956. Т. 25.
415. *Соловьева Г.Ф.* О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья [Текст] / Г.Ф. Соловьева // Советская археология. 1971. № 2.
416. *Соловьева Г.Ф.* Семилучевые височные кольца [Текст] / Г.Ф. Соловьева // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
417. *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх [Текст] / Ф. Софонович. – Київ. 1992.
418. Список населенных мест Черниговской губернии, имеющих не менее 10-ти жителей по данным за 1892 г. [Текст]. – Чернигов, 1892.
419. *Спицин А.А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным [Текст] / А.А. Спицин // Журнал министерства народного просвещения. 1899. Т. 8.
420. *Срезневский И.И.* Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины [Текст] / И.И. Срезневский. – Харьков, 1839.
421. *Ставиский В.И.* «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в. [Текст] / В.И. Ставинский // Внешняя политика Древней Руси. – М., 1988.
422. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М., 2001.
423. *Стороженко А.В.* Очерки Переяславщины [Текст] / А.В. Стороженко // Киевская старина. 1891. № 11.

424. *Стороженко А.В.* Стефан Баторий и днепровские казаки [Текст] / А.В. Стороженко. – Киев, 1904.
425. *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини [Текст] / О.С. Стрижак. – Київ, 1963.
426. *Стрижак О.С.* Звідки назва міста Черкаси [Текст] / О.С. Стрижак // Українська мова і література в школі. Київ, 1968. № 2.
427. *Стрижак О.С.* Сіверяни [Текст] / О.С. Стрижак // Мовознавство. Київ, 1973. № 1. С. 64–76.
428. *Субтельний О.* Україна: історія [Текст] / О.Субтельний; пер. з англ. – Київ, 1993.
429. *Сусоколов А.А.* Структурная самоорганизация этноса [Текст] / А.А. Сусоколов // Расы и народы. – М., 1990. № 20.
430. *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники) [Текст] / О.В. Сухобоков. – Киев, 1975.
431. *Степовой Н.* Малорусская народная одежда. Нежинский уезд Черниговской Губернии [Текст] / Н.Степовой // Киевская старина. 1893. № 10.
432. *Сумцов Н.* Современная малорусская этнография [Текст] / Н. Сумцов. – Киев, 1893. Ч. 1; Киев, 1897. Ч. 2.
433. *Теличко В.А.* Севск. Исторический очерк [Текст] / В.А. Теличко. – М., 1964.
434. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды [Текст] / В.Тизенгаузен. – СПб., 1884. Т.1; М.; Л., 1941. Т. 2.
435. Тихомиров М.Н. Древнерусские города [Текст] / М.Н. Тихомиров. – М., 1956.
436. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии [Текст] / М.Н. Тихомиров. – М., 1962.
437. *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV – XVII вв. [Текст] / М.Н. Тихомиров. – М., 1973.
438. *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь [Текст] / М.Н. Тихомиров. – М., 1975.
439. *Тихомиров М.Н.* Русское летописание [Текст] / М.Н. Тихомиров. – М., 1979.
440. *Тишков В.А.* Народы и государство [Текст] / В.А. Тишков // Коммунист. 1989. № 1.
441. *Тишков В.А.* О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений [Текст] / В.А. Тишков // Советская этнография. 1989. № 5.
442. *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики России [Текст] / В.А. Тишков // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1996. № 100.

443. *Токарев С. А.* К постановке проблем этногенеза [Текст] / С. А. Токарев // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12–36.
444. *Токарев С. А.* Этнография народов СССР [Текст] / С. А. Токарев. – М., 1958.
445. *Токарев С. А.* История русской этнографии [Текст] / С. А. Токарев. – М., 1966.
446. *Толочко О.П.* Русь: держава и образ держави [Текст] / О.П. Толочко. – Київ, 1994.
447. *Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город [Текст] / П.П. Толочко. – Киев, 1989.
448. *Толочко П.П.* Русь – Мала Русь – Руський народ у другій половині XIII – XVII ст. [Текст] / П.П. Толочко // Київська старовина. 1993. № 3.
449. *Толочко П.П.* Назва «Україна» в південно-руських літописах і актових документах [Текст] / П.П. Толочко // Київська старовина. 1994. № 3.
450. *Толочко П.* Киевская Русь [Текст] / П.П. Толочко. Киев, 1996.
451. *Толстов С. П.* К проблеме аккультурации [Текст] / С. П. Толстов // Этнография. 1930. № 1–2.
452. *Топоров В.Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского [Текст] / В.Н. Топоров // X Международный съезд славистов. Славянское языкознание. – М.,1988.
453. *Топоров В.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья [Текст] / В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. – М., 1962.
454. Торгівля на Україні: XIV – середина XVII століття (Волинь і Наддніпрянщина) [Текст]. – Київ, 1990.
455. *Третьяков П.Н.* Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии [Текст] / П.Н. Третьяков // Советская этнография. 1948. № 2.
456. *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена [Текст] / П.Н. Третьяков. – М., 1953.
457. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге [Текст] / П.Н. Третьяков. – М.; Л., 1966.
458. *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности [Текст] / П.Н. Третьяков. – М., 1970.
459. *Третьяков П.Н.* По следам древних славянских племен [Текст] / П.Н. Третьяков. – Л., 1982.
460. *Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины [Текст] / О.Н. Трубачев. – М., 1968.
461. *Трубачев О.Н.* К истокам Руси [Текст] / О.Н. Трубачев. – М., 1993.
462. *Трубачев О.Н.* В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси [Текст] / О.Н. Трубачев. – М., 1997.
463. Українська радянська енциклопедія [Текст]. – Київ, Т. 5, 11.

464. Українці. Історико-етнографічна монографія [Текст]. – Київ, 1959.
465. *Улащик Н.Н.* Белая и Черная Русь в «Хронике» Матвея Стрыйковского // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова [Текст] / Н.Н. Улащик. – М., 1982.
466. *Улащик Н.Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания [Текст] / Н.Н. Улащик. – М., 1985.
467. *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения [Текст] / В.И. Ульяновский. – Киев, 1993.
468. *Успенский Ф.И.* Византийские историки о монголах и египетских мамлюках [Текст] / Ф.И. Успенский // Византийский временник. Л., 1926. Т. 24.
469. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка [Текст] / М.Фасмер; пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. – М., 1964–1973. Т. 1–4.
470. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов [Текст] / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1966.
471. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры [Текст]. В 2-х тт. – СПб., 1991.
472. *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке [Текст] / М.В. Фехнер. – М., 1956.
473. *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Черниговской Епархии [Текст] / Филарет (Гумилевский). – Чернигов, 1873–1874. Кн. 1–7.
474. *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян [Текст] / Ф.П. Филин. – М., 1962.
475. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. (Историко-диалектологический очерк) [Текст] / Ф.П. Филин. – Л., 1972.
476. *Флоря Б.Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва [Текст] / Б.Н. Флоря. – М., 1980.
477. *Флоря Б.Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. [Текст] / Б.Н. Флоря // Проблемы исторической географии России. – М., 1982. Вып. 1.
478. *Фортунатов К.А.* Национальные области России (опыт статистического исследования по данным переписи 1897 г.) [Текст] / К.А. Фортунатов. – Б.М., 1906.

479. *Халанский М.Г.* Народные говоры Курской губернии. (Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии) [Текст] / М.Г. Халанский. – СПб., 1904.
480. *Ханенко Б.И., Ханенко В.И.* Древности Поднепровья [Текст] / Б.И. Ханенко, В.И. Ханенко. – Киев, 1907.
481. *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь [Текст] / К.В. Харлампович. – Казань, 1914. Т. 1.
482. *Хасбургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет»: в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза [Текст] / Г.А. Хасбургаев. – М., 1979.
483. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV– начала XVI в. [Текст] / А.Л. Хорошкевич. – М., 1980.
484. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века. [Текст]. – М.,1960.
485. Хроника Быховца [Текст] // ПСРЛ. – М., 1975. Т. 32.
486. Хроника литовская и жмойтская [Текст] // ПСРЛ. – М., 1975. Т. 32.
487. Центральный государственный военно-исторический архив: Ф.ВУА. Д. 21752 (карты).
488. Центральный государственный исторический архив Украины: Ф. 54. Дела о присвоении старшине офицерских чинов и назначения на государственные должности. Оп. 1. Дд. 5, 46–49, 51–54, 56, 58, 60, 63, 68, 74, 82, 89, 90, 94, 106, 113 и др. Ф. 55. Дела о закрепощении казаков помещиками и старшиной. Оп. 1. Дд.139, 145–149, 155, 157, 161, 164. Оп. 2. Дд. 10, 48, 63, 64, 65.
489. *Чебоксаров Н.Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых [Текст] / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. 1967. № 4.
490. *Чебоксаров Н.Н.* Народы. Расы. Культуры [Текст] / Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова. – М., 1985.
491. *Черевань А.С.* Совместная борьба украинского и русского крестьянства против феодального гнета в 60–70-х гг. XVIII в. // Вопросы истории. 1953. № 12.
492. *Черепнин Л.В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. [Текст] / Л.В. Черепнин // Вопросы формирования русской народности и нации. – М.; Л., 1958.
493. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси [Текст] / Л.В. Черепнин. – М., 1960.
494. Черкаська область. Історія міст і сіл Українськоі РСР [Текст]. – Київ, 1972.

495. Чернігів і північне Лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріали [Текст] / під ред. М.С. Грушевського. – Київ, 1928.
496. Черниговский государственный исторический архив: Ф. 133. Дворянский архив. Оп. 1. Дд. 2, 8, 11 и др.
497. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] / П.Я. Черных. – М., 1994. Т.2.
498. *Чижикова Л.Н.* Об этнических процессах в восточных районах Украины. (По материалам экспедиционного обследования 1966 г.) [Текст] / Л.Н. Чижикова // Советская этнография. 1968. № 1.
499. *Шабульдо Ф.М.* Про початок приєднання Великим князівством Литовським земель Південно-Західної Русі [Текст] / Ф.М. Шабульдо // Український історичний журнал. 1984. № 6.
500. *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского [Текст] / Ф.М. Шабульдо. – Киев, 1987.
501. *Шапиро А.Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв. [Текст] / А.Л. Шапиро. – М., 1977.
502. *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России, из частей коей оное наместничество составлено, сочиненное в Чернигове 1786 г. [Текст] / А.Шафонский. – Киев, 1851.
503. *Шафарик П.И.* Славянские древности [Текст] / П.И. Шафарик. – М., 1837. Т. 1; М., 1848. Т. 2.
504. *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени [Текст] / А.А. Шахматов. – Пгр., 1919.
505. *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. [Текст] / А.А. Шахматов. – М.; Л., 1938.
506. *Шевалье П'ер.* Історія війни козаків проти Польші з розвідкою про іхне походження, країну, звичаі, спосіб правління та релігію і другою розвідкою про перекопських татар [Текст] / Пьер Шевалье. – Київ, 1960.
507. *Шевельов Ю.* Назва «Україна» // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія [Текст] / Ю. Шевельов. – Харків, 1995. Т. 5.
508. *Шевченко Ф.П.* Реестр війська запорізького 1649 р. – джерело історії козацтва на Україні [Текст] / Ф.П. Шевченко // Історичні джерела та їх використання. – Київ, 1966. Вип. 2.
509. *Шекун А.В.* Селища IX – XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра [Текст] / А.В. Шекун, Е.М. Веремейчик // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Киев, 1988.
510. *Шеламанова Н.Б.* Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XVI века: (По материалам фонда сношений России с Польшей ЦГАДА) [Текст] /

Н.Б. Шеламанова // Археографический ежегодник за 1964 г. – М., 1965.
511. *Шеламанова Н.Б.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой [Текст]: дис. канд. ист. наук. / Н.Б. Шеламанова. – М., 1970.
512. *Шеламанова Н.Б.* Документы государственных межеваний 10–40-х годов XVII в. [Текст] / Н.Б. Шеламанова // Археографический ежегодник за 1971 г. – М., 1972.
513. *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений [Текст] / С.М. Широкогоров. – Шанхай, 1923.
514. *Щапов Я.Н.* Большая и малая семья на Руси в VIII – XVIII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств [Текст] / Я.Н. Щапов. – Киев. 1972.
515. *Щекова А.В*. Верховские княжества. Краткий очерк политической истории. 13 – середина 16 вв. [Текст] / А.В. Щекова. – Тула. 1993.
516. *Щепетов К.Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых [Текст] / К.Н. Щепетов. – М., 1947.
517. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен [Текст] / М.М. Щербатов. – СПб., 1792. Т. VII. Ч. 3.
518. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21.
519. Энциклопедический словарь [Текст]. – СПб., 1898. Т. 48.
520. Этимологический словарь русского языка [Текст]. – М., 1958. Т. 2.
521. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства [Текст] / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков; авт.: В.В. Трепавлов, Т.Ю. Красовицкая, Н.Ф. Бугай, Е.Ю. Зубкова и др. – М.: Издательство: Новый хронограф, 2012. – 448 с.
522. Этногенез и этническая история. Междисциплинарное исследование [Текст] / Под ред. А.С. Герд и Г.С. Лебедь. – Л., 1989.
523. Этнографическо-статистическая экспедиция в Западно-Русский край [Текст] // Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. – СПб., 1878. Т.4.
524. Южнорусские летописи, открытые и изданные Н.Белозерским [Текст]. – Киев, 1856.
525. *Юркевич В.* Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Богдана Хмельницького [Текст] / В.Юркевич. – Київ, 1932.
526. *Юшко А.А.* Московская земля IX – XIV веков [Текст] / А.А. Юшко. – М., 1991.

527. *Яблоновский А.* Левобережная Украина в XV – XVI вв. [Текст] / А.Яблоновский // Киевская старина. 1896. № 5.
528. *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIVдо середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна) [Текст] / Н.М. Яковенко. – Київ, 1993.
529. Archiwum ksiazat Lubartowiczom Sanguszkow w Slawucie. Lwow, 1887. T. 1.
530. Dziadulewicz S. Pierwiastek turanski u szlachty ukrainskiej // Miesiecznik Heraldyczny. 1931.
531. Ethnic Identity / Ed. by De Vos G., Romanucci-Ross L. Chicago; L., 1982.
532. Hausler A. Zu den sozialokonomischen Verhaltnissen in der Zarubincy-Kultur // Zeitschrift fur Archeologie. B., 1986. № 20. S.145–170.
533. Henzel W. Polska starozytna. 3-rd ed. Wroclaw, 1987.
534. *Henzel W.* On the Methods of Studies on the Ethnogenesis and Topogenesis of the Slavs // Archeologia Polona. Warszawa, 1988. T. XXVII.
535. *Henzel W.* The Cultural Unity of the Slavs in the Early Middle Ages // Archeologia Polona. Warszawa, 1988. T. XXVII.
536. *Jablonowski A.* Polska XVI w. pod wzgledem historyezno-statycznym. Tt. 9–11. Ukraina. – Zlodla dziejowe. Tt. 20–22. Warszawa, 1894–1897.
537. *Jablonowski A.* Zaludnienie Ukrainy // Pisma Aleksandra Jablonowkiego. T. 1. Warszawa, 1910. S.72–197.
538. *Jablonowski A.* Gospodarka polska na Zadnieprzu siewierskim // Przeglad Historie. T.XIX. Warszawa, 1915.
539. *Kosinna G.* Ursprung und Verbreitung der Germanen in Vor-und Fruhgeschichtlichen Zeit. Leipzig, 1926.
540. *Krahe H.* Die Struktur der alteuropaischen Hydronimie // Akademie der Wissenschaft und Literatur. Abhandlungen des Geistes und socialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1962. № 5; Krahe H. Unsere alteste Flussnamen. Wiesbaden, 1964.
541. Kronika Polska Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. T. 1.
542. *Kuczynski S.M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rzadami Litwy. Warszawa, 1936.
543. Lietuvos Metrika. Knyga № 5 (1427–1506 metai) / Parenge E. Banionis. Vilnius, 1993.
544. Lowmianski H. Pozatki Polski. T. 1. Warszawa, 1963; T.3. Warszawa, 1967.
545. Michalonis Lituani. De moribus Tartarorum, Lithuanorum et Moschorum: Fragmina X, multiplice historia referta / Nunc primam per J.Jac. Grasserum edite. Basiliae, 1615.

546. Shirokogoroff S.M. Psychomental complex of the Tungus. London. 1935.
547. Slownik geograficzny Krolestwa Polskiego i innych krajow slowianskich. Warszawa, 1889. T. 10.
548. Smith A. Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986.
549. Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Cz.1.
550. Udolph J. Die Landnahme der Ostslawen im Licht der Namenforschung // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1981. V. 29.
551. Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981.
552. Vasmer M. Untersuchungen uber die altesten Wohnsitze der Slaven. 1. Die Iranier in Sudrusland. Leipzig, 1923.
553. Zelenin D. Russische (ostslavische) Volkskunde // Slavischer Grundriss. Berlin, 1927.

Приложение

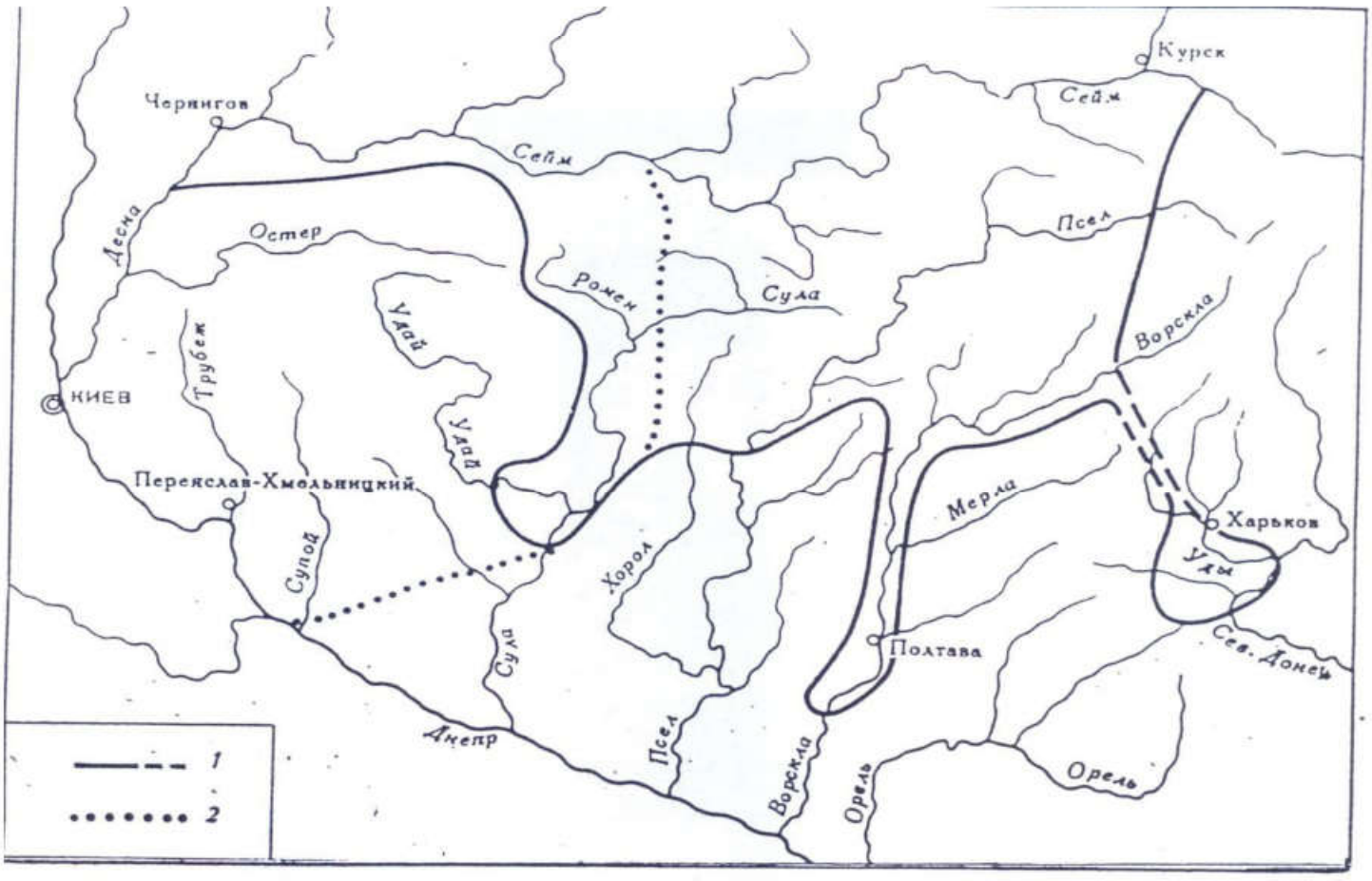

Рис.1. Расселение северы в Днепровском лесостепном Левобережье по археологическим данным (VIII-X в.)

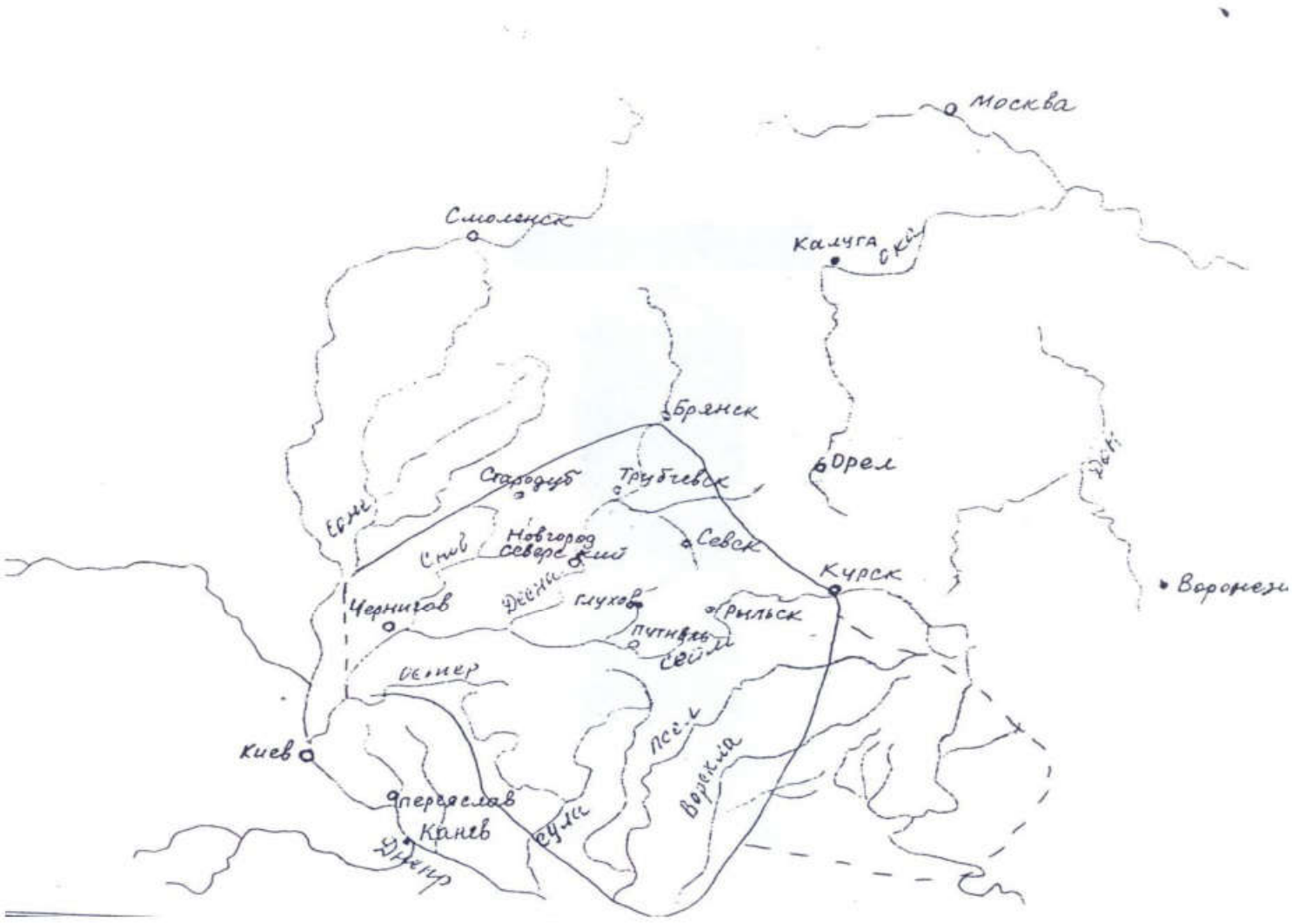

Рис. 2. Северская земля по данным археологии (карта составлена автором)

Таблица 1

Соотношение населения по родному языку в губерниях, расположенных на территории бывшей Северской земли. (По данным Всеобщей переписи населения 1897 г.).

Губернии	Всего населения	Украинцы	Русские	Белорусы
Черниговская	2,297854	1,526072	496063	151465
Полтавская	2,778151	2,583133	74285	–
Харьковская	2,492316	1,462039	1,598333	–
Курская	2,371012	527778	1,833422	–
В процентном отношении:				
Черниговская	100	66,8	21,7	6,6
Полтавская	100	92,9	2,7	–
Харьковская	100	80,7	18,1	–
Курская	100	22,2	77,4	–

Таблица 2

Уезды Курской и Воронежской губерний, в прошлом входившие в область северского расселения. Количество населения по родному языку на 1897 год.

Уезды	Всего населения	Русские	Украинцы
Путивльский	164133	76927	86209
Рыльский	164368	112806	50925
Суджанский	150263	77986	72011
Грайворонский	177479	72672	104506
Белгородский	174299	140012	33002
Новооскольский	157849	77216	80514
Коротоякский	157189	131702	25270

Таблица 3

Численность и удельный вес украинского населения России по данным V ревизии 1795 г. и Всеобщей переписи населения 1897 г.

Губернии	1795 г.			1897 г.		
	Украинцы	Всего населения	% ко всему населению	Украинцы	Всего населения	% ко всему населению
Черниговская	1,179577	1,201982	98,13	747721	1,118696	66,84
Полтавская				1,276578	1,376539	92,74
Харьковская	424996	494842	85,88	1,004372	1,253759	80,11
Воронежская	180605	448260	40,29	456389	1,251345	36,47
Курская	161380	593216	27,20	262606	1,166190	22,52
Итого:	1,604573	1,696824	94,58	3,028671	3,748994	80,80

(Учтено только мужское население)

Таблица 4

Численность населения (обоего пола) Черниговской губернии по уездам. Данные Всеобщей переписи населения России 1897 г.

Уезды	Всего населения	Украинцы, русские, белорусы	Украинцы	Белорусы	Русские
Черниговский	162123	148935	139656		
Борзенский	146595	138508	137501		
Глуховский	142661	136766	130725		
Городнянский	153040	145297	132803		
Козелецкий	135129	130052	128683		
Конотопский	156535	148155	142276		
Кролевецкий	131089	127089	126180		
Мглинский	139343	128855	–	19739	109116
Новгород-Северский	146236	139591	133230		
Новозыбковский	164840	155670	–		
Нежинский	168718	158134	154881		
Остерский	150358	143532	139136		
Сосницкий	170057	162156	160223		
Стародубский	144833	134834	–	129294	
Суражский	186297	175296	–		

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Историография и источниковая база проблемы изучения историко-этнических процессов в Северской земле 9
1.1. Историография и источники 9
1.2. Теоретические проблемы этничности применительно к изучению историко-этнических процессов 28

Глава 2. Северская земля в истории древних славян 44
2.1. Северская земля как историко-географическое понятие 44
2.2. Летописная севера 55

Глава 3. Северская земля в истории Древней Руси 70
3.1. Северская земля в составе Древнерусского государства и феодальных княжеств 70
3.2. Влияние монголо-татарского завоевания на населенность и население Северской земли 90

Глава 4. Население Северской земли в XIV–XVI вв. 101
4.1. Северская земля в составе Великого княжества Литовского 101
4.2. Севрюки 120

Глава 5. Историко-этнические процессы на территории Северской земли в XVII–XVIII вв. 141
5.1. Историко-этнические процессы на территории Северской земли в XVII в. Черкасы 141
5.2.Тенденции социально-экономического развития региона и этнодинамика населения в XVIII в. 161

Заключение 172

Список литературы и источников 177

Приложение 210